

НПО «Издательство «Наука» РАН

Редакция журнала «Славяноведение»

119334, Москва, Славянский бульвар, д. 25

е-mail: jurslav@rambler.ru

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

2008

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

3
2008
МАЙ •
ИЮНЬ •

Содержание

СТАТЬИ

- Носкова А.Ф.* (Москва). Сталин, польские коммунисты и создание Польского комитета национального освобождения (по новым документам архивов России) 3
- Марьина В.В.* (Москва). Пражская весна 1968 года: к вопросу о международном резонансе (по опубликованным в Чешской Республике документам и материалам чешского журнала “Soudobé dějiny”) 22
- Волобуев В.В.* (Москва). Владислав Гомулка и подавление “Пражской весны”. О некоторых взглядах польского партийного лидера на реформы в Чехословакии 41
- Митрович М.* (Белград). Югославская действительность в анонимных посланиях Йосипу Броз Тито (1956–1966 годы) 48
- Романенко С.А.* (Москва). “Хорватская весна” и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х годов 60

ПУБЛИКАЦИИ

- Мурашко Г.П.* (Москва). Человек “Пражской весны”. Воспоминания Честмира Цисаржа ... 76
- Мурашко Г.П.* (Москва). Москва – Прага... 1968 год. Два документа из архива Константина Симонова 101

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Шерлаимова С.А.* Na cestě ke smyslu. Poetika literárního díla 20. století 116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Протокол четвертого заседания Президиума Международного комитета славистов, состоявшегося в Охриде (Республика Македония) 14–17 сентября 2007 года 120

ЮБИЛЕЙ

Николаева Т.М. К юбилею Татьяны Николаевны Молошной 125

НЕКРОЛОГ

Шерлаимова С.А. Памяти Зденека Матхаузера (1920–2007) 126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),

Белова О.В. (отдел культурологии),

Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20

E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2008 г.

© Редколлегия журнала “Славяноведение”
(составитель), 2008 г.

© 2008 г. А. Ф. НОСКОВА

СТАЛИН, ПОЛЬСКИЕ КОММУНИСТЫ И СОЗДАНИЕ ПОЛЬСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ (по новым документам архивов России)

Установление власти в странах Восточной Европы как один из политических итогов военного разгрома Германии – ключевая проблема в послевоенной историографии этих стран. В годы, когда власть здесь и в СССР принадлежала компартиям, эта проблема представлялась в мифологизированном виде с уклоном в героизацию. После победы демократических революций рубежа 80–90-х годов XX в. уровень объективности в изложении истории вопроса заметно вырос, хотя проблема испытала не всегда позитивное воздействие политической конъюнктуры современности.

В таких условиях остается актуальным введение в научный оборот новых документальных источников, прежде всего из российских архивов, ибо способы утверждения власти в регионе и ее облик во многом были функцией от установок советской внешней политики.

Вокруг политических целей СССР в Европе в российской исторической науке последние 10–15 лет идут непрерывные, порой ожесточенные дискуссии между теми, кто считает целеполагающей мотивацией действий Москвы идеологию, то есть насаждение социализма за пределами СССР, и теми, кто видит стратегическую задачу советского руководства в обеспечении национально-государственных интересов, то есть внешнеполитической безопасности государства, а на отрезке правления Сталина – его личной власти, с которой ассоциировалась тогда прочность советского строя.

Сторонники второй точки зрения признают приоритет национально-государственного над идеологическим в политике Москвы за рубежом. Так считает коллектив Научного центра по истории сталинизма в Восточной Европе, который за десять последних лет опубликовал около 2 тыс. ранее неизвестных документов высших советских властей [1–3]. Эти, еще недавно сугубо секретные документы подтверждают, что как советские планы создания “пояса” безопасности из дружественных (по терминологии Москвы) стран в Восточной Европе, так и концепции народной демократии, национальных путей к социализму и, наконец, “социализм по Сталину” – все это не идеологические самоцели, а лишь средства, инструменты устранения возможной внешнеполитической угрозы в

Носкова Альбина Федоровна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Европе, укрепления влияния СССР в мире, обретения им политического статуса великой державы, т.е. гарантии от возможных покушений извне.

С этой точки зрения исходным моментом для советского руководства было стартовое решение о том, какие политические силы и с каким отношением к СССР придут к власти после разгрома Германии в ключевом тогда для Москвы регионе – от северной Балтики до Балкан включительно. Причем более благоприятным виделось решение коллективное, в рамках договоренностей глав великих держав, что было в условиях шедшей войны достижимо, ведь речь шла в первую очередь о недопущении новой германской агрессии. На этот счет разногласий среди союзников до определенной поры не было.

Каковы были главные постулаты советских представлений об облике послевоенной власти в регионе? Профашистские, антидемократические силы, понятно, в расчет не принимались. Не принимались и откровенно антисоветские группировки, к какому бы политическому спектру они ни относились. Уровень антисоветизма в той или иной стране, распространенность антисоветских настроений среди населения оказывали непосредственное воздействие на степень доверия Москвы к формирующейся власти. Кремль не отвергал взаимодействия с королями (Румыния) и аристократией (Венгрия), стремившимися вывести свои страны из войны с наименьшими потерями, а иногда и с прибылью, если они принимали советские условия послевоенного бытия.

Большое внимание в Москве уделялось контактам с либерально-демократическими группировками антифашистской (антигерманской) национальной политической элиты большинства стран региона. Прежде всего речь шла о той ее части, которая соотносила возможности обеспечения собственных национально-государственных интересов с объективной, в первую очередь внешнеполитической, реальностью, а именно, с уникальным фактом истории, когда совпали сила СССР (военные победы) и его международный политический авторитет (по меньшей мере равенство в “большой тройке”), в том числе и моральный. В расчетах Москвы эта часть элиты рассматривалась как олицетворение преемственности и легитимности национальной власти [4].

Вместе с тем, гарантией от возможных политических неожиданностей Москва на заключительном этапе войны считала присутствие во власти коммунистов – своих классовых союзников. Благодаря участию в движении Сопротивления и роли СССР в войне, они почти везде стремительно выходили на политическую авансцену и одновременно могли выполнять роль своеобразного политического посредника между национальной элитой и Москвой. Сразу после окончания военных действий политическая палитра власти в странах, куда пришел советский солдат, была достаточно разнообразной, но коммунисты присутствовали почти повсеместно, хотя и с разными властными возможностями. Все “упростилось” позднее и в других внешнеполитических условиях. Идеологический фактор вышел на авансцену и “заработал” в полную силу только в конце 40-х годов XX в.

Названные исходные постулаты советской внешней политики в годы войны применимы и в отношении Польши, занимавшей особое место в системе внешнеполитических приоритетов СССР на западноевропейском направлении. Реализация же их протекала в весьма специфических условиях. Ни с одной из стран региона у Москвы не было такой отягощенности двусторонних отношений историческим прошлым, в том числе и событиями первой половины XX в., как с Польшей. Но, представляется, что в условиях войны, когда задача разгрома

Германии объединяла обе страны, особенно зримым стало несовпадение представлений советской и польской политических элит о национально-государственных интересах и способах обеспечения безопасности двух стран в послевоенном мире. Важно отметить: за каждой элитой стояла поддержка абсолютного большинства населения, что придавало особую твердость позиции этих элит, делало стороны неуступчивыми. Возможности компромисса непрерывно сужались, что повышало не только шансы, но и меру участия во власти периферийных польских политических сил, поддерживавших намерения Москвы. Это были, главным образом, коммунисты, но не только они.

И.В. Сталин видел свою задачу как в сохранении приобретенных в 1939–1940 гг. территорий, так и в создании по периметру северных, западных и юго-западных границ СССР “пояса” из надежных внешнеполитических соседей – государств, находящихся под влиянием, а еще лучше – контролем Москвы. Одно из главных среди них – Польша. В своей, теперь широко известной записке от 10 января 1944 г. И.М. Майский, руководивший Комиссией НКВД СССР по вопросам послевоенного устройства, называл целью СССР “создание независимой и жизнеспособной Польши”, но не “слишком большой и слишком сильной” (подчеркнуто в документе. – А.Н.) [2. Т. 1. С. 29]. Сталин на встречах, переговорах и в переписке с лидерами антигитлеровской коалиции настаивал на превращении Польши в сильное, однопольное и дружественное (по его терминологии) государство – партнера СССР по обеспечению безопасности двух стран после войны. Гарантии этого Москва связывала с удалением от власти в Польше антисоветских и крайне правых деятелей, таких как Главнокомандующий Польских вооруженных сил, сражавшихся на Западе, ген. Соснковский, т.е. с изменением спектра польских политических сил, представленных в будущем правительстве и со снижением “порога” антисоветизма в обществе. Причем жесткой “сцепки” советских планов безопасности с заранее определенной формой послевоенного политического режима в Польше, как и в других странах, не делалось.

Польская элита, со своей стороны, при всей ее политической многоликости, была едина в представлениях об интересах страны на восточном направлении – опираясь на союз с западными державами, не допустить СССР в Польшу и Европу, оттеснив его на довоенные рубежи, отстоять польско-советскую границу межвоенного времени – этот геостратегический фактор независимости, безопасности и особой роли страны в Европе, а также важнейший инструмент контроля над обществом (подробнее см. [5]). Она правомерно должна была расценивать советскую концепцию послевоенных отношений с Польшей как посягательство на национальную независимость страны и ее западную внешнеполитическую ориентацию.

Естественно, что при столь глубоких расхождениях в понимании будущего почву под собой обретали непримиримый антисоветизм польской стороны и глубочайшее недоверие вплоть до неприязни другой – советской.

Состоявшийся в апреле 1943 г. разрыв отношений между советским и эмигрантским польским правительствами в полной мере отразил эти противоречия. Одновременно, в условиях, когда Советский Союз входил в наиболее благоприятную фазу для своей внешнеполитической деятельности, вставали и иные вопросы. Для польского правительства обозначилась объективная проблема его возвращения в страну, о чем, по сведениям советского посла при правительствах в эмиграции А.Е. Богомолова, уже тогда задумывались У. Черчилль и Ф. Рузвельт [6. Оп. 66. Д. 25. Л. 65]. Для советского руководства возникала про-

блема польского партнера не только в двусторонних отношениях, но и в “треугольнике”: западные державы–СССР–Польша. Этот “треугольник” был для Москвы чрезвычайно важен, поэтому Сталин весь период войны не закрывал возможности контактов с легитимной властью Польши, поставив их в зависимость от исполнения своих жестких условий (линия Керзона, реконструкция правительства). Подтверждение тому содержится в многочисленных опубликованных советских документах, в том числе в записях позднее неоднократных бесед И.В. Сталина и В.М. Молотова с главой польского правительства в эмиграции Ст. Миколайчиком [7. Т. VIII. Д. 11, 4, 6, 9, 13, 15, 22, 26 и др.; 2. Т. I. Д. 9–11; 1. Т. I. Д. 1; 8. С. 121–153].

Вместе с тем, нараставшая с 1942 г. напряженность в двусторонних отношениях и ситуация, создававшаяся вследствие разрыва отношений, должны были повысить внимание советского руководства к той части польской эмиграции, которая находилась на не занятой гитлеровцами территории СССР, политически представленной в первую очередь коммунистами, а также представителями некоторых других политических сил. По советским данным, в СССР на 13 января 1943 г. проживало 215 081 бывших польских граждан, если считать их эмигрантами. Из них 92 224 человека были поляками по национальности, остальные – евреи, украинцы, белорусы [6. Оп. 66. Д. 25. Л. 17].

Это была та часть бывших граждан Польши, которая в руках советского руководства в будущем могла стать аргументом при создании некоего представительного органа, альтернативного правительству в эмиграции. Но пока, на рубеже 1942–1943 гг., вопрос в Москве так не ставился, хотя интерес к использованию этой части польской диаспоры в ограниченных политических целях и проявился.

22 декабря 1942 г. главный редактор журнала для польского населения “Нове Виднокренги”, известный теоретик польского коммунистического движения А. Лямпе обратился с запиской к заместителю наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовскому. Пафос записки – устранить притеснения поляков, которых не призывают в Красную Армию, ограничивают в приеме на работу на военные заводы и фабрики, то есть “относят к неполноценным гражданам”. “Вопрос имеет серьезное политическое значение, – писал Лямпе. – Наши противники оперируют аргументом, что это – отрицательное отношение к полякам вообще, а не только к полякам, антисоветски настроенным”, а также к украинцам, белорусам, евреям из Западных Украины и Белоруссии [6. Оп. 66. Д. 25. Л. 14].

Следствием этой записки стало появление еще двух документов: записки Лозовского Сталину и письма Лямпе и депутата Верховного Совета СССР, польской писательницы, политического деятеля и в то время члена ЦК ВКПб В. Василевской В.М. Молотову – наркому иностранных дел, второму человеку в узком советском руководстве. Оба документа датированы 4-м января 1943 г. и объединены главной идеей – провести организационно-политические мероприятия, чтобы объединить “все действительно левые польские элементы, всех тех, кто вместе с СССР готов драться за свободную, демократическую, независимую Польшу”. С этой целью предполагалось создать “Комитет борьбы за независимую, демократическую Польшу (человек 25–30) из левых социалистов, демократов, коммунистов и беспартийных”. Назывались имена – Путрамент, Клапоух, Дробнер, Парнас, Василевская, Лямпе, Ендриховский и “несколько поляков – офицеров Красной Армии”. В документе, вышедшем из польской коммунистической среды, естественно, предусматривалась ведущая роль ее

представителей. Для реализации этой идеи излагалась просьба создать при ЦК ВКПб специальный отдел, который руководил бы всей “польской работой” [6. Оп. 66. Д. 25. Л. 3–5].

Названные документы, поддержанные советской стороной, инициировали постепенное оформление в первой половине 1943 г. не комитета, а достаточно широкой общественно-политической организации – Союза польских патриотов (СПП), находившегося под руководством коммунистов. История СПП, его деятельность и идейно-политическая ориентация на сегодняшний день во многом исследованы историками (см., например [7. Т. VII. С. 406, 408, 415, 429; 9; 10. S. 553]). Для нашей темы важно отметить то, что замыслы создания некоего представительного органа, претендующего на власть в освобожденной Польше, зарождались среди руководящего актива этой организации, а также среди офицерского корпуса формировавшейся в мае–июне 1943 г. пехотной дивизии имени Т. Костюшко.

Польские историки связывают первые упоминания о некоем Национальном комитете с дискуссиями о будущей Польше среди командного состава этой дивизии летом–осенью 1943 г. и появлением так называемых тезисов № 2, датированных осенью 1943 г. [11. Т. IX. S. 36]. На сегодняшний день отсутствуют документы, отражающие отношение советского руководства к этим дискуссиям. Но новые материалы из фондов ЦК ВКПб подтверждают факт обсуждения в это время идеи создания в Москве Польского национального комитета (ПНК) командным составом дивизии и в руководстве СПП, кадровый состав которых во многом совпадал.

Одним из наиболее активных сторонников идеи немедленного формирования альтернативных правительству в эмиграции государственно-политических структур на территории СССР был тогда не коммунист, а скорее антикоммунист, командующий дивизией генерал З. Берлинг¹. На рубеже лета и ранней осени 1943 г. он попытался, скорее всего, под воздействием настроений в дивизии оказать достаточно сильное давление на главу СПП В. Василевскую, которая была вхожа в высшие круги советского руководства. Возникла острая конфликтная ситуация. О далеко непростых отношениях между ними хорошо известно из польской научной литературы и мемуаров Берлинга и Василевской. Данный конфликт важен не только потому, что обнажает позиции сторон. Он показывает отношение Москвы к замыслу создания ПНК.

В чем же состояли разногласия между Берлингом и Василевской?

Судя по агентурному донесению в НКГБ СССР от 18 сентября 1943 г. одного из польских офицеров в окружении Берлинга [6. Оп. 66. Д. 26. Л. 2–8], генерал на неоднократных встречах в конце августа – первой половине сентября 1943 г. стремился убедить Василевскую, а также в ряде случаев присутствовавшего заместителя наркома иностранных дел СССР А.Е. Корнейчука поставить в Кремле два главных, по мнению генерала, вопроса. В противном случае, считал Берлинг, “удобный момент будет упущен”. Речь шла о советско-польской границе и о создании в Москве центра исполнительной власти, а именно, ПНК. Генерал предлагал Василевской выяснить заблаговременно советские планы в отношении Польши, ибо, как передавал агент слова Берлинга, “когда Красная Армия возьмет Польшу и пойдет в Германию, для Советского Союза будут существо-

---

¹ В. Василевская в своих мемуарах называет Берлинга тем человеком, “который всеми силами и всеми возможностями вел дело к тому, чтобы создать какую-то власть или в форме ПНК или чего-то иного, и чтобы ту власть осуществлять” [11. Т. VII. S. 429].

вать более серьезные вопросы, чем вопрос, какой быть Польше – демократической или советской”.

Поднимая вопрос о границе, Берлинг опирался на состоявшуюся летом 1943 г. беседу с Корнейчуком, который якобы ему сказал, что хорошему польскому правительству может быть отдан Львов и 200–300 км вдоль границы. Генерал упоминал также свою встречу в Кремле, видимо, 11 августа 1943 г. [12], и якобы данное ему тогда Сталиным обещание продумать вопрос о восточной границе². Как следует из донесения агента, сам Берлинг уверял Корнейчука, что Львов его не интересует, но полагал, что передачей этого города Польше можно “выбить оружие из рук ген. Соснковского и иметь всех поляков на своей стороне”. Василевская и Корнейчук, разделяя настроения в Кремле, отказывались даже обсуждать вопрос о границе. Корнейчук настаивал, что “СССР не уступит”, а Василевская грозила, что “лучше уйдет в отставку, чем будет поддерживать Берлинга”.

На неоднократных встречах с Василевской генерал постоянно возвращался к проблеме советско-польской границы, увязывая ее с вопросом о создании ПНК. 29 августа 1943 г. во время посещения Василевской Селецких лагерей, где располагались польские воинские части, Берлинг настоятельно требовал поставить этот вопрос в Кремле. Причем он жестко объединял интересовавшие его вопросы: “В связи с созданием Польского национального комитета, – писал агент, – советское правительство, – по его (т.е. Берлинга. – А.Н.) мнению, должно будет сделать заявление об аннулировании договоров, касающихся Польши, начиная с 1939 г.”, и пообещать, “что вопрос восточной границы будет обсуждаться на основе (довоенных. – А.Н.) границ 1939 г.”

В. Василевская, зная твердость советской стороны в вопросе о границе, соглашалась обсудить в Кремле только проблему ПНК. На встрече, состоявшейся 13 сентября 1943 г., Берлинг вновь поставил перед ней вопрос о ПНК, требовал выяснить позицию Молотова, настаивал на опубликовании декларации о послевоенной советско-польской границе. Кроме того, он выдвигал идею передачи СПП “руководства нелегальной работой в Польше”, которое осуществлялось по линии ЦК ВКПб и советской внешней разведки. Василевская вновь обещала по вопросу ПНК переговорить с Молотовым, но, как выяснилось на встрече 14 сентября, все еще не переговорила. Она мотивировала это тем, что вопрос “преждевременный”, а момент “неподходящий” по внешнеполитическим соображениям: “Разногласия между Англией, Америкой и Советским Союзом настолько большие, что Советское правительство даже задержало ответ на требования Англии и Америки о роспуске польских дивизий”.

Резко реагируя на слова Василевской (“он ей не верит”), генерал усилил свою аргументацию: “...Польские солдаты обеспокоены тем, что после распада Италии³ создалась обстановка, в результате которой Англия и войска генерала

² Проверить эту информацию не представляется возможным, ибо запись беседы 11 августа 1943 г. в российских архивах пока не обнаружена. В. Василевская, участвовавшая в этой встрече с советским лидером, в своих воспоминаниях воспроизводит позицию Сталина по-иному: “Не понимаю, что вы нервничаете, ведь если речь идет о друзьях, то безразлично, пройдет ли эта граница на 200–300 км восточнее или западнее... Следовало бы спросить, что об этом думают украинские товарищи”. Василевская настаивает, что Берлинг неверно интерпретировал слова Сталина как поручение провести переговоры с украинским правительством [11. Т. VII. С. 393–394].

³ Италия капитулировала 3 сентября 1943 г., а 9 сентября там был создан Комитет национального Освобождения.

Андерса будут в Польше раньше, чем советские войска”. Берлинг убеждал собеседницу, что может возникнуть необходимость “организации в Польше восстания против Германии и ген. Соснковского”, и тем самым ускорить развитие событий “в пользу СССР и Польши”. “Для этого, – настаивал Берлинг, – уже сейчас необходимо создать Национальный комитет, сделать заявление о восточной границе и приступить к подготовке восстания в Польше”. Василевская, категорически отвергнув предложения генерала как политически непродуманные, на встрече с ним 16 сентября изложила мнение Молотова по вопросу о создании ПНК: “...Принципиально он согласен с нашими предложениями, но считает, что нужно выждать некоторое время, так как сейчас обстановка неблагоприятная”⁴.

Без сомнения, Молотов учитывал международную ситуацию: систематическое давление союзников, чтобы принудить СССР к восстановлению отношений с эмигрантским правительством, на что в Москве не соглашались без принятия Польшей предварительных условий; протесты союзников против призывов к активной борьбе с оккупантами, звучавших на волне радиостанции имени Т. Костюшко, вещавшей на оккупированную Польшу; наконец, подготовка к конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве, которая состоялась 19–30 октября 1943 г. и предвляла встречу глав великих держав в Тегеране (см., например [7. Т. VII. Д. 286, 291, 301; 6. Оп. 66. Д. 25. Л. 159–161, 170–171; Д. 26. Л. 14–15]).

Информация Василевской о весьма сдержанной реакции Кремля на предложение создать ПНК была резко отрицательно воспринята Берлингом, который обвинил главу СПП в отсутствии патриотизма. Василевская парировала заявлением, что “безоговорочно примет все указания, которые ей даст советское правительство”, и что ее и Берлинга позиции “никогда не сойдутся”. Реагируя на эти слова, Берлинг доказывал, “что он стал коммунистом с совершенно другим содержанием”. Слова генерала агент записал следующим образом: “Я стал коммунистом только лишь потому, что считаю, что будущность Польши связана с Советским Союзом и что Польша может быть более счастлива только как одна из республик Советского Союза”.

Если информатор НКГБ достоверно передал смысл этого заявления, то в данном случае налицо было или политическое лукавство Берлинга, или генерал размышлял о такой, уходящей “за политический горизонт” перспективе, которая советским руководством вообще не рассматривалась. Допустимо предположить и третье – агент сознательно искажал позицию генерала.

На следующий день, 17 сентября 1943 г. состоялась еще одна встреча Берлинга и Василевской. Она началась с угроз генерала самому пойти к Молотову, но “после продолжительной беседы и упреков” завершилась примирением сторон.

---

⁴ В. Василевская, упоминая в своих мемуарах об этом инциденте с Берлингом, несколько иначе описывает свой контакт с Молотовым. Уступая давлению генерала и обвинениям, что она ничего не делает, “чтобы создать польское правительство или польскую власть и что не хочет разговаривать с советскими товарищами на эту тему”, Василевская в присутствии Берлинга позвонила Молотову. На ее вопрос, какие возможности есть для создания в настоящее время некоего польского представительства, “которое имело бы более широкие компетенции, чем СПП”, Молотов ответил: “Я ничего не понимаю. Откуда Вам это пришло в голову. Это же абсолютно неподходящее время” [11. Т. VII. S. 429].

В тот же день имела место беседа генерала с офицером, написавшим донесение в НКГБ СССР. Берлинг признал, что “неправильно поставил вопрос”. Посоветовав, что “удобный момент для создания ПНК упущен”, он высказал опасения, что “мы вновь прозеваем этот момент”. Поэтому Берлинг поддержал идею формирования небольшого, но “крепкого политического костяка” в СПП во главе с В. Василевской, ибо “никого лучше мы не имеем”.

Таким образом, первая, исходившая вовсе не от коммунистов, попытка в августе–сентябре 1943 г. заручиться согласием Москвы на немедленное создание здесь политического центра польской эмиграции, претендовавшей на власть в стране, была неудачной. Тем не менее она получила некоторое развитие.

22 сентября 1943 г. комиссар госбезопасности Г.С. Жуков, курировавший польские “дела” по линии этого ведомства, направил вышеизложенное агентурное донесение Сталину. Советский лидер, несомненно, ознакомился с документом [6. Оп. 66. Д. 25. Л. 1]. Скорее всего, через Г.С. Жукова он дал некие указания руководству СПП. 4 ноября 1943 г. Жуков направил Сталину новый документ. Это было письмо-ответ В. Василевской, вероятно, на некие предварительные договоренности. Василевская извещала советского руководителя о предварительном персональном составе исполнительного или представительного органа власти – Национального Комитета Свободной Польши [6. Оп. 66. Д. 26. Л. 24]. Список, представленный Василевской, содержал 15 имен⁵ поляков, находившихся на территории СССР. Кроме того, Василевская предлагала пригласить для участия в Комитете поляков, проживавших в Америке: экономиста О. Ланге и поэта Ю. Тувима. Судя по воспоминаниям В. Василевской, к этому времени они уже имели контакт с СПП [11. Т. VII. С. 399]. В письме содержалась и еще одна просьба к Сталину: публично объявить о создании Комитета к 11 ноября, то есть Дню провозглашения независимости Польши в 1918 г. Эта просьба советской стороной не была принята во внимание.

Содержание письма Василевской Сталину дает основания считать, что осенью 1943 г. идея создания Комитета, за которым закрепилось название Польский национальный комитет, вызывала некоторый интерес в Кремле. Возможно, этот интерес был связан с предстоявшим крупным международным событием, и Сталин хотел иметь некий запасной “ход”, альтернативный варианту простого восстановления отношений с польским правительством без изменения его состава, на чем настаивала советская сторона. 14 ноября 1943 г., то есть за две недели до встречи глав великих держав в Тегеране (28 ноября – 1 декабря), где, как известно, были достигнуты договоренности по “польскому вопросу” [7. Т. VII. С. 492–493], последовало продолжение событий: Г.С. Жуков, вряд ли без прямых указаний вождя, направил в Кремль информационные материалы на лиц, названных в письме Василевской [6. Оп. 66. Д. 26. Л. 25–37]. В Кремле материалы, представленные Жуковым, вероятно, приняли к сведению, но работа по созданию ПНК резко активизировалась только после встречи в Тегеране, а именно, в конце декабря 1943 г.

---

⁵ В составе Комитета значились: З. Берлинг, офицеры 1-го Польского корпуса К. Сверчевский, В. Сокорский, М. Метковский, деятели СПП – людовец А. Витос, социалист Б. Дробнер, национальный демократ В. Шталь, адвокат Э. Зоммерштайн, профессора Л. Хвистек и Я. Парнас, ксендз В.Ф. Кубш, инженеры С. Грубецкий (вероятно, речь шла о Я.М. Грубецком) и М. Скотницкий, журналист С. Ендриховский, наконец, В. Василевская [6. Оп. 3. Д. 26. Л. 25].

“Задержка” в развитии событий была связана с занятостью советских руководителей международными делами: переговорами в Тегеране и визитом президента Чехословакии Э. Бенеша в Москву (11–23 декабря 1943 г.). Оказывало некоторое воздействие и другое обстоятельство. С середины ноября 1943 г. до конца января 1944 г. отсутствовала связь Отдела международной информации ЦК ВКПб (Г.М. Димитров) с подпольным руководством Польской рабочей партии (ППР) в Варшаве⁶. Но активизация процесса оформления ПНК все-таки произошла до восстановления этой связи.

В Москве были весьма удовлетворены итогами советско-чехословацких переговоров по широкому кругу вопросов, включая формулу будущей коалиционной власти в Чехословакии с участием представителей компартии, и заключенный договор, который создавал оптимальную для СССР модель послевоенных отношений двух стран. Здесь не исключали подобного варианта нормализации и советско-польских отношений [13], и продолжили контакты с поляками-сторонниками создания своего политического центра в Москве. На следующий день после отъезда Бенеша состоялась известная по научной и мемуарной литературе встреча 24 декабря 1943 г. представителей руководства СПП со Сталиным [10. S. 556; 11. Т. IX. S. 84, 87]. Как утверждает В. Василевская, это “было большое собрание у Сталина, и там первый раз в разговоре вообще возникает проект создания ПНК и в этом широком составе дискутируется” [11. Т. VII. S. 425].

Прямым следствием этой встречи стало заседание на следующий день, 25 декабря 1943 г. организационной комиссии по созданию Комитета. Затем, 27, 28, 30 декабря 1943 г. и 3 и 4 января 1944 г. комиссия рассматривала проект Декларации, структуру и персональный состав ПНК [11. Т. IX. S. 36–84].

Дело не ограничилось только этими организационными мероприятиями. Видимо, под воздействием бесед с Э. Бенешем в Москве спешно приступили к проработке возможных контактов с некоторыми представителями польской эмиграции в США. 4 января 1944 г. советский консул в Нью-Йорке Е.Д. Киселев получил “особую, вне очереди” шифртелеграмму от заместителя министра иностранных дел СССР В.Г. Деканозова. Киселеву поручалось “направить одного из надежных сотрудников консульства в Чикаго” и “подходящим образом” передать профессору Ланге письмо представителей СПП следующего содержания: “Телеграфируйте немедленно согласие войти в состав Польского национального комитета, который в ближайшее время создается в Москве... Вам предлагаем руководить внешними делами Комитета... согласны ли Вы сразу приехать в Москву? Витос, Василевская, Дробнер, Скшешевский, Берлинг, Хвистек”. Важно отметить, что советскому консулу рекомендовалось постараться “тактично, но быстро получить ответ” [6. Оп. 66. Д. 26. Л. 38].

Письмо было вручено Ланге 7 января. На следующий день, 8 января профессор дал ответ, поступивший в Москву 10 января. Ланге поддерживал создание ПНК, но свое участие в нем обуславливал, будучи гражданином США, согласием американского правительства. Одновременно Ланге предлагал в состав ПНК ряд кандидатур из США (Ю. Тувим, Л. Кшивицкий, ксендз Ст. Орлеманский, Б. Завадский) и Англии (М. Келецкий). Предлагались также Ст. Миколайчик, Я. Станьчик, К. Банашик из состава польского правительства в Лондоне [6. Оп. 66. Д. 26. Л. 40–43].

⁶ Озабоченность советского руководства отсутствием этих связей отражают дневники Г.М. Димитрова [14. С. 394].

Мы не располагаем материалами, которые свидетельствовали бы, что советская сторона приняла во внимание персональные рекомендации О. Ланге. Но 19 января 1944 г. Киселев направил шифртелеграммой с пометой “вне очереди” Сталину, Молотову, Вышинскому, Деканозову полученное 17 января “обычной почтой” письмо Орлеманьского. По мнению Киселева, “оно написано не без влияния Ланге”, а может быть, и по инициативе последнего. Ксендз Орлеманьский активно поддержал идею создания ПНК: “Я за то, чтобы: 1. Россия взяла территории, ей принадлежащие. 2. Территориальные потери на Востоке поляки возместят на Западе. 3. Я за создание нового польского правительства в России... хотел бы поехать в Россию, установить контакт с польскими патриотами, переговорить со Сталиным⁷, вернуться обратно в Америку и помочь новому польскому правительству завоевать признание среди американских поляков” [6. Оп. 66. Д. 26. Л. 54–55].

К сожалению, пока российские исследователи не имеют возможности познакомиться с теми указаниями, которые получил консул из Москвы в связи с письмом Орлеманьского. Однако вопрос был отложен и стал актуальным несколько позже и в других обстоятельствах. Советская сторона возобновила контакты с Ланге и Орлеманьским весной 1944 г.

Параллельно с этим “внешним” – американским – направлением польскими коммунистами в Москве прорабатывалось “внутреннее” – польское направление. Уже 26 декабря 1943 г. Димитров имел телефонный разговор с Молотовым “в связи с возможными кандидатурами (из Польши, СССР и за границы) для создающегося Польского национального комитета”. Он просил Молотова “принять Василевскую и Бермана по этому вопросу”⁸. 28 декабря вопрос о составе ПНК, который “должен иметь характер временного польского правительства”, вновь стал предметом обсуждения Димитрова с его заместителем по ОМИ ЦК ВКПб Д.З. Мануильским и Я. Берманом. Последний в 1973 г. уточнил, что речь шла о том, кого “от ППР и других партий, в особенности от людовцев и социалистов”, можно было выдвинуть в состав ПНК, и что “запросы на этот счет уже отправлены в страну, но никакими согласованными именами мы не располагаем, так как нет актуальной информации”.

В связи с этим выглядит вполне понятной сделанная в тот же день запись Димитрова в своем дневнике о просьбе П.М. Фитину⁹ “выяснить срочно по своим каналам в Варшаве”, кто из людовцев (конкретно речь шла о Багинском) и социалистов готов сотрудничать с СПП. Димитрова интересовало, “мог ли кто-либо из них прибыть в Москву на переговоры по этому вопросу”, а также “свободны ли наши товарищи”. Далее перечислялся ряд имен и среди них Ф. Юзвяк [14. С. 399–400].

Эти беседы у Димитрова получили продолжение в Москве и Варшаве.

Одной из причин организации в Москве в январе 1944 г. Центрального Бюро коммунистов Польши называлась необходимость руководства работой коммунистов в связи с созданием ПНК. Считалось, что “все органы Польского национального комитета, создаваемые на территории освобожденных районов Польши”, будут испытывать несомненные трудности, так как существующие на тер-

---

⁷ Встречи Орлеманьского и Ланге со Сталиным и Молотовым состоялись в конце апреля – начале мая 1944 г. (см. [1. Т. I. С. 19–28, 36–42; 2. Т. I. С. 58–62]).

⁸ Информация о такой встрече в архивах России пока не обнаружена.

⁹ М. Фитин – начальник 1-го Управления (внешняя разведка) НКГБ СССР.

ритории СССР политические организации и воинские части могут быть использованы антисоветскими силами [11. Т. IX. S. 87; 15. С. 13–14].

Выступившая с идеей создания Польского партизанского штаба В. Василевская 18 января 1944 г. писала Молотову, что штаб будет действовать от имени ПНК, будет связан с ним “после его создания через Отдел внутренних дел”, а руководство штабом будут осуществлять Я. Берман и Е. Шир “по поручению Оргкомиссии Польского национального комитета” [16. Ф. 495. Оп. 74. Д. 434. Л. 19–20].

Помимо этих мероприятий на территории СССР, вопрос создания ПНК в январе–феврале 1944 г. обсуждался с Варшавой. Как утверждает в своих мемуарах Я. Берман, руководству ППР “окольным путем”, т.е., скорее всего, каналами советской разведки, были направлены шифровки с вопросом, кто персонально мог бы войти в ПНК не только от ППР, но и от людовцев и социалистов. Имеются документальные подтверждения, что Москва предприняла в этом направлении конкретные действия. 12 февраля Фитин уведомил Димитрова о получении от “нашего корреспондента” из Варшавы телеграммы “от ППР”. В ней сообщалось, что “некий Попель”¹⁰, как делегат от Ванды Василевской, ведет переговоры с РППС” [11. Т. IX. S. 91; 16. Ф. 495. Оп. 74. Д. 437. Л. 8]. Хотя текст телеграммы весьма краток, в ней просматривается определенная тревога руководства ППР в связи с действиями посланца В. Василевской, которая направляла своего представителя вести переговоры по поводу ПНК с левыми социалистами.

Между тем из Варшавы начала поступать принципиально важная информация, имеющая прямое отношение к замыслам создания ПНК. В конце января 1944 г. по “линии связи” НКГБ в Москву было доставлено известное историкам письмо нового секретаря ЦК ППР В. Гомулки к польским коммунистам. Оно датировано 12-м января 1944 г. Приложенные к письму материалы (программа ППР, Манифест, уведомлявший страну о создании 31 декабря 1943 г. Крайовой Рады Народовой (КРН), принятые ею документы) свидетельствовали, что на территории оккупированной Польши учреждается власть, альтернативная польскому правительству и дружественная СССР. Одновременно Гомулка подтверждал получение руководством партии известия об организации “за пределами страны политического представительства польского народа”. Он расценивал создавшуюся ситуацию как совпадение двух независимых друг от друга инициатив – внутренней (ППР) и внешней (СПП), которые могут друг друга “прекрасно дополнять при выполнении определенных условий”. А именно: московское представительство, как считал Гомулка, не может претендовать на правительственные функции, создателем правительства должна выступать КРН [17. S. 199].

Вскоре из Варшавы пришел еще один сигнал. Позиция руководства ППР по поводу ПНК была четко сформулирована в телеграмме, переправленной в Москву по каналам советской разведки. 9 февраля 1944 г. Фитин доложил Молотову ее содержание: «Какой характер имеет новый центр, организованный “СПП”. В ППР и “Крайовой Раде Народовой” считают:

1. Создание политического представительства необходимо.
2. Но должно быть создано на базе “КРН”. Это усилит патриотов и “КРН”.

¹⁰ Видимо, речь идет о М. Попеле – коммунисте, члене Правления СПП, участвовавшем в заседании Организационной комиссии ПНК 25 декабря 1943 г. и “с 1944 г. деятеле ППР” [11. Т. VII. S. 88].

3. Должно быть представительство, а не правительство.

4. Дайте подробности для ориентировки ППР и “КРН”» [16. Ф. 495. Оп. 74. Д. 437. Л. 15].

В. Гомулка, судя по его мемуарам, представлял себе сценарий возможного развития событий по мере освобождения страны Красной Армией и понимал, что в Москве не могут допустить, чтобы при вступлении советских войск в Польшу “там не было никакой признаваемой ими польской государственной власти”. Он считал, что “если ППР не проявит инициативы в деле создания правительства внутренними силами”, то “инициативу возьмет СПП, действуя по подсказке или просто по поручению советских властей”, и вместе с польской армией под командованием Берлинга в страну войдет предварительно созданное в СССР правительство [18. S. 340]. Такого сценария В. Гомулка, учитывая особую чувствительность поляков к вопросу национальной независимости от России, стремился избежать.

В Москве, по мере накопления в феврале–марте 1944 г. сведений о персональном составе руководства ППР, а также поступления из Варшавы все более подробной информации, происходило осознание политической роли КРН и повышение интереса к этому органу власти. Этому есть документальные свидетельства. 15 марта 1944 г., то есть еще до получения Москвой известий о направлении в СССР делегации КРН, заведующий Отделом американских стран НКВД СССР Г.Н. Зарубин вручил советнику посольства США Гамильтону меморандум. До сведения американской стороны доводился факт создания КРН, подчеркивалось, что в состав ее “вошли представители влиятельных политических партий и групп, ведущих активную борьбу с немецкими захватчиками” [16. Ф. 495. Оп. 74. Д. 437. Л. 15; Д. 435. Л. 42–43; Д. 431. Л. 49–51; 6. Оп. 66. Д. 26. Л. 111–112]. Тем самым Москва, хотя и не на самом высоком дипломатическом уровне, но представила союзникам своего потенциального польского партнера.

В польской и российской научной литературе распространены суждения о том, что в начале 1944 г. работы по формированию ПНК были прекращены советским руководством по двум причинам – международным и собственно польским.

Современные историки и мемуаристы считают, что работа над организацией ПНК была остановлена, главным образом, потому, что из Варшавы пришла информация о создании КРН [18. S. 383; 11. Т. IX. S. 39, 86–87, 94]. Но это не подтверждается доступными архивными документами. Интерес советского руководства к идее ПНК сохранялся, хотя проявлялся с разной интенсивностью. Она зависела, прежде всего, от подходов союзников к “польскому вопросу” в каждой конкретной ситуации, за чем в Москве следили с предельным вниманием. Позднее, в мае 1944 г., Сталин в беседе с О. Ланге в Кремле откровенно сказал, что в январе 1944 г. работы поляков по созданию ПНК были отложены после получения вышеупомянувшегося письма, в котором Ланге уязвлял свое согласие на участие в ПНК с мнением американского правительства [16. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 43]. Действительно, Сталин, с одной стороны, не был заинтересован провоцировать созданием ПНК обострение отношений с союзниками, признававшими польское правительство, и в январе–марте 1944 г. активно понуждавшими Москву к восстановлению отношений с этим правительством. С другой стороны, поскольку в Москве все еще не исключали возможность контактов с польским правительством при выполнении последним известных советских

условий [19. Т. 1. С. 195–205; Т. 2. С. 118–121], ПНК мог быть использован как инструмент давления и на польское правительство и на союзников.

В середине февраля 1944 г. интерес Москвы к созданию ПНК, вероятно, возрос. 21 февраля 1944 г. советский посол А.А. Громько обратился к президенту США Ф. Рузвельту с просьбой оказать содействие в получении О. Ланге и Ст. Орлеманьским согласия американской стороны на поездку в СССР [16. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1042. Л. 50]¹¹.

Вряд ли произошло совпадение, но 25 февраля 1944 г. в Секретариат И.В. Сталина поступила записка В. Василевской, адресованная “Дорогому Иосифу Виссарионовичу”. Василевская сообщала, что направляет проекты декларации ПНК и декрета о его организационной структуре, а также список персонального состава Комитета, подчеркнув, что “все указанные документы приняты единогласно Комиссией” [6. Оп. 66. Д. 26. Л. 65].

Предположение, что такой шаг был сделан Василевской по собственной инициативе, едва ли уместно. Несомненно, имела место просьба Сталина¹². Возникает вопрос, почему были затребованы названные документы? Возможно, в связи с предполагаемым визитом Ланге и Орлеманьского. Но, скорее всего, это следует связывать с поступлением в Москву материалов КРН в конце января 1944 г., которые Сталин получил только месяц спустя.

Возвращаясь к документам В. Василевской, нужно отметить, что они оказались в конце февраля 1944 г. все-таки невостребованными, хотя есть подтверждение, что записку Василевской Сталин прочитал. Он не оставил на документах никаких помет и вряд ли потому, что это были только их проекты. Более вероятно другое. Внимание советского лидера в это время занимало внешнеполитическое “звучание” польского “вопроса”. 27 февраля в Москве было получено специальное послание Черчилля, посвященное советско-польским отношениям, с которым солидаризировался Рузвельт. Сталина стремились принудить к восстановлению отношений с польским правительством в эмиграции, несколько скорректировавшим свою позицию. 3 марта последовал резкий советский ответ [19. Т. 1. С. 202–205; Т. 2. С. 126–127].

В марте–начале апреля 1944 г. в обсуждении идеи создания ПНК в Москве, по-видимому, вновь наступила некоторая пауза. Как подчеркивал в июле 1944 г. А. Витос, обсуждение с советским руководством проблемы создания ПНК, начатое в конце 1943 г., “осуществлялось с перерывами” [7. Т. VIII. С. 141]. Теперь для Кремля и деятелей СПП на первый план выдвинулись проблемы укрепления Польской армии, создания Польского партизанского штаба. Кроме того, появилось дополнительное, весьма важное обстоятельство. 17 марта 1944 г. Димитров уведомил Молотова (а значит, и Сталина) о получении телеграммы от ЦК ППР. В ней извещалось о направлении в Москву делегации КРН, которая “даст исчерпывающий ответ о ситуации в стране и точно ответит на Ваши вопросы”. 29 марта 1944 г. нарком госбезопасности СССР В.Н. Меркулов напра-

---

¹¹ Положительный ответ был получен Москвой 25 марта 1944 г., 21 апреля гости прибыли в Москву, 24 апреля Ланге, а 26 апреля Орлеманьский были приняты Молотовым, а затем 28 апреля, 4 и 17 мая Сталиным.

¹² Контакты Василевской с советским лидером были регулярными, они вовсе не ограничиваются теми датами, которые зафиксированы в журналах посетителей кремлевского кабинета. Некоторый период времени Василевская имела возможность звонить Сталину прямо в кабинет, минуя секретарей.

вил Сталину, Молотову и Берии дополнительные информационные материалы о КРН [16. Ф. 495. Оп. 74. Д. 435. Л. 46, 55]. Днем раньше, 28 марта 1944 г. делегация КРН была уже за Бугом и прибыла в расположение советских партизанских отрядов. Вместе с ними она через десять дней приблизилась к линии фронта. В начале апреля был установлен контакт с Москвой. 11 апреля делегация двинулась к р. Припять, пытаясь перейти линию фронта¹³.

Можно с уверенностью утверждать, что информация о продвижении делегации по пути в Москву регулярно поступала к Сталину, державшему развитие польских дел под личным контролем. Без согласия Сталина в середине апреля 1944 г. не мог быть решен и вопрос о направлении самолета в партизанские края за этой делегацией.

В условиях ожидания прибытия делегации КРН в Москву, о чем Василевской было известно заранее [11. Т. VII. С. 405], 13 апреля 1944 г. состоялся пленум Главного правления СПП. Обсуждались итоги деятельности и программные положения Союза [20. С. 444–445; 7. Т. VIII. С. 80–99]. 15 апреля 1944 г. в Секретариате Сталина зарегистрировали поступление еще двух документов, которые в деле Архива Президента РФ образуют единый блок с материалами, полученными от Василевской 25 февраля 1944 г.

Теперь Сталину были предоставлены “Декларация Польского национального комитета” и обращение “К польскому народу”. Сталин ознакомился с документами между 15 и 23 апреля 1944 г., о чем свидетельствует делопроизводственная дата. Оба документа имеют правку Сталина. Что касается Декларации ПНК [6. Оп. 66. Д. 26. Л. 91–110], то советский лидер сделал на ней ряд замечаний. Он расставил знаки препинания, как редактор поправил текст в соответствии с русским правописанием и устранил неединожды встречающиеся полонизмы, свидетельствующие, что текст Декларации составлен и переведен на русский язык поляками, хорошо, но не идеально владевшими русским языком. Имеются на полях текста и существенные пометы. Так, напротив пункта о расширении границ Польши на западе Сталин написал: “А восточные?” Опережая этим вопросом знакомство с зафиксированным несколько признанием советско-польской границы 1941 г., Сталин продемонстрировал свое особое политико-психологическое реагирование на проблему.

Вниманием Сталина отмечен еще ряд положений Декларации. В раздел о правах и социальном страховании он предлагал добавить пункт о страховании по безработице, что учтено в Манифесте Польского комитета национального освобождения (ПКНО). Сталин отчеркнул по левому полю весь абзац о переустройстве аграрной системы Польши и написал: “Обдумать”. Эта ремарка также учтена в Манифесте, где устранен принцип всеобщности ликвидации латифундий и помещичьих угодий через введение, прежде всего, ограничений по площади; *de facto* выведены из аграрной реформы церковные земли; усилена патриотическая мотивация при изъятии земли; предусмотрено возмещение за нее.

Весьма симптоматично, что над дважды встречающимися словами “доморощенные реакционеры” Сталин дважды написал: “Кто это?” Наконец, Сталин зачеркнул название Польский национальный комитет и предложил свой вари-

---

¹³ Эти попытки длительное время не давали результатов. В начале мая 1944 г. делегация была вывезена специальным советским самолетом и 16 мая вечером прибыла в Москву [7. Т. VIII. С. 165–170].

ант – Национальный комитет освобождения Польши, чем подчеркнул временный характер его существования.

Важно отметить, что Сталин уделил пристальное внимание именно Декларации как документу программному, с конкретным идейно-политическим содержанием. Он не внес никаких изменений в концепцию создания Временного правительства “при участии в нем представителей всех сил общества, которые боролись с оккупацией”. Он не опротестовал и намерение “немедленно после изгнания немцев приступить к восстановлению органов польской государственности”.

Что касается обращения “К польскому народу”, то здесь правка Сталина не носила принципиального характера и была лишь редакционной [6. Оп. 66. Д. 26. Л. 130–138]. Но есть и существенный момент: в обращении впервые было использовано название Польский комитет национального освобождения, которое Сталин оставил без каких-либо замечаний, и которое вошло в историю послевоенной Польши.

Принципиально важно и то, что в середине апреля 1944 г., то есть за месяц до прибытия делегации КРН, в Москве уже был готов вариант признания КРН верховным органом власти, которому “подчинялись организации поляков за границей, и в первую очередь Союз польских патриотов и созданная им армия”.

Хотя оба документа, полученные Секретариатом Сталина 15 апреля 1944 г., не датированы, есть свидетельства, что Декларация более раннего происхождения, и между документами есть существенные различия в формуле установления послевоенной власти. В Декларации констатировалось намерение создать представительный центр, претендующий на организацию правительства в освобожденной Польше. Обращение же предавало гласности факт создания законной представительной и исполнительной власти в форме КРН и ПКНО. Польский народ уведомлялся о том, что “Национальный Совет Польши, Временный парламент польского народа создал *Польский комитет национального освобождения* (подчеркнуто в документе. – А.Н.) как законный временный орган исполнительной власти для руководства освободительной борьбой народа, для завоевания независимости и восстановления польской государственности”.

Возникает вопрос, к какому из двух представленных документов склонялся Сталин? По-видимому, решение все еще не было в Кремле принято. Как вспоминала Василевская, сохранялось “убеждение, что следует повременить с созданием правительства, хотя и временного, потому что еще, может быть, удастся это правительство расширить на основе некоего соглашения с эмигрантским правительством, не собственно с ним, а с отдельными лицами из него...” [11. Т. VII. S. 409].

Доступные документы подтверждают слова Василевской. На состоявшейся 17 мая 1944 г. заключительной встрече Сталина с О. Ланге, который находился в СССР уже около трех недель, советский лидер уделил особое внимание обсуждению проблемы создания власти на освобожденных польских землях. Он предлагал собеседнику для размышлений различные варианты ее решения: “Нужно постараться создать единое правительство из поляков, проживающих в Англии, Америке и России”; “Самым лучшим было бы создание в районе Польши некоторого временного правительства вроде национального Комитета, которое заставило бы Англию и Америку признать себя”. Последние слова Сталина поддержал Ланге, сказав, что “именно такова и его идея”, что Комитет должен представлять собой “временный орган власти”, который “приглашает других поляков принять в нем участие”. Сталин продолжал объяснять свою по-

зицию: “Национальный комитет нам нужен с чисто военной точки зрения. Мы не будем поступать в Польше так, как действовал АМГОТ¹⁴ в Италии. Должен существовать какой-то польский орган власти. Польскую армию мы тоже не хотим обременять обязанностями гражданского управления. Необходим орган власти, который поговорил бы с польским крестьянством, интеллигенцией, рабочими” [16. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 57–60].

В ходе разговора Сталин выдвинул идею возобновления советско-польских переговоров. Поинтересовавшись, не будет ли Ланге в Лондоне, где он “мог бы поговорить с Миколайчиком и другими поляками в Лондоне”, глава СССР предложил ему быть посредником и “сказать полякам, что мы вовсе не против того, чтобы начать переговоры с лондонским правительством”. Если принять во внимание, что беседа происходила на следующий день после прибытия делегации КРН в Москву для ведения переговоров о создании альтернативного польскому правительству органа власти, то продемонстрированное Сталиным стремление к возобновлению контактов с польским “Лондоном” было принципиально важным политическим шагом. Это подтверждается той настойчивостью, с какой Сталин убеждал Ланге “заехать в Лондон” до возвращения в США и стать, строго говоря, эмиссаром Москвы: “Ланге может заявить полякам в Лондоне, что он, тов. Сталин, сказал ему, что нужно создать новое польское правительство с включением в него людей из польской эмиграции, находящихся в Америке, России и Англии... Хорошо было бы переговорить непосредственно с кем-либо из поляков. Он, тов. Сталин, вовсе не считает, что Соснковский не может измениться. Он, тов. Сталин, с известной оговоркой считает Соснковского и других поляков польскими патриотами. Ланге мог бы сказать полякам в Лондоне, что у нас нет предвзятого мнения, что с ними нельзя разговаривать. Но мы хотим разговаривать с живыми поляками, а не с Черчиллем или с Иденом. Ланге может объяснить им, что мы воевать с ними не хотим. Мы на известных условиях хотим с ними договориться...” [16. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 61]. Таким образом, имея в Москве делегацию КРН и запланированные встречи с ней, Сталин серьезно рассчитывал и на параллельные переговоры с представителями признанного в мировом сообществе, за исключением СССР, польского правительства.

Ланге выполнил порученную ему миссию и, прибыв в США, встретился с Ст. Миколайчиком. Советско-польские переговоры состоялись в Лондоне в мае–июне 1944 г., но вновь, как и раньше, “уперлись” в противостояние сторон по вопросу о границе. Для нас, в данном случае, важно констатировать другое. Искушенный политик, Сталин, стремился иметь в своем распоряжении не одну, а две политические “площадки” для максимально тактически удобного и минимально уязвимого варианта решения вопроса о новом польском политическом представительстве. Прежде всего, его интересовала проблема сохранения стабильности отношений внутри антигитлеровской коалиции. Во имя этого он шел на публичное признание “польским патриотом” даже своего главного врага в польском правительстве – генерала К. Соснковского.

Документы свидетельствуют, что как после прибытия в Москву делегации КРН и неоднократных встреч советского лидера с ней, так и после неудачей закончившихся 23 июня 1944 г. неофициальных переговоров посла В.З. Лебедева с Ст. Миколайчиком, окончательное решение в Кремле все еще не было приня-

¹⁴ АМГОТ – Англо-американское управление итальянскими территориями в 1943–1945 гг.

то. Отвечая 24 июня 1944 г. на послание Рузвельта, где речь шла о встрече последнего с Миколайчиком, Сталин писал: «Советское правительство видит важнейшие предпосылки этого (речь идет о “правильном решении вопроса о советско-польских отношениях”. – *А.Н.*) в реорганизации эмигрантского польского правительства, которая обеспечила бы участие в нем как польских деятелей в Англии, так и польских деятелей в США и СССР, и особенно польских демократических деятелей, находящихся в самой Польше» [19. Т. 2. С. 147]. Нетрудно заметить, что Сталин модифицировал свою формулу реорганизации польского правительства в эмиграции с учетом факта существования КРН.

Таким образом, летом 1944 г. Сталин, как известно, мастер многоходовых комбинаций, имел в виду различные варианты решения вопроса о признаваемой им власти в Польше. И вряд ли можно расценивать только как тактический прием демонстрацию советским лидером в конце июня 1944 г. приверженности идее реконструкции правительства в эмиграции. Думается, что Сталина весьма устроило бы повторение поляками чехословацкого опыта организации на легитимной основе власти, ориентированной на СССР.

Но стойкость польских либерально-демократических кругов в неприятии советской концепции безопасности и перехода страны в сферу интересов и контроля СССР оставляли Кремлю слишком узкий политический “коридор” для маневра. Тогда, когда вопрос о власти встал в практическую плоскость, ставка на польских коммунистов становилась не только единственно возможной, но и неизбежной. Причем отчетливо просматривалось стремление Сталина, отдавая власть в руки коммунистов, придать ей коалиционный характер, допуская к участию во власти тех социалистов, людовцев, демократов, кто признавал единственно реальный в тех условиях путь власти – переориентацию на СССР.

К сожалению, не представляется возможным на документальной основе реконструировать позицию Сталина на происходивших в мае–июне 1944 г. переговорах с делегацией КРН и деятелями СПП и ЦБКП. (Записи этих переговоров в российских архивах не обнаружены и, скорее всего, вообще не велись.) Если же исходить из воспоминаний их польских участников, например В. Василевской и Я. Ханемана, то обсуждалась концепция создания не Комитета, а Временного правительства. Сталин, по-видимому, публично не противился такому развитию событий (может быть, считая их ход удобным для отношений с западными партнерами), иначе не появилось бы известное письмо Э. Осубки-Моравского и В. Василевской от 15 июля 1944 г. с предложением создать Временное правительство. Вечером того же дня Василевская вручила письмо Сталину [11. Т. VII. С. 409; 7. Т. VIII. С. 131–133, 172–173; 12. С. 81]. Сведениями о содержании ответа Сталина на это письмо мы, к сожалению, не располагаем. Но вряд ли без санкции Сталина Василевская, Осубка-Моравский, Завадский и Роля-Жимерский направили 17 июля 1944 г. известную телеграмму Гомулке, которого извещали, что “вопрос формирования временного правительства в форме Национального комитета является непосредственно актуальным”. Гомулке предлагалось срочно прибыть в Москву во главе большой делегации и сообщалось, что “к организации перелета приняты все меры” [1. Т. I. С. 48].

Приведенные конкретно-исторические материалы показывают, что Сталин, будучи осторожным и расчетливым политиком, “прорабатывал” одну и ту же проблему в рамках разных подходов. Такой анализ, как известно, весьма продуктивен, ибо способствует стереоскопическому видению цели. Советский лидер не упускал из вида различные варианты установления власти в Польше. Он

затягивал решение, выбирая для него точное время. По доступным источникам и последовавшему ряду событий можно заключить, что Сталин не отбрасывал и возможность реализации промежуточного варианта. Как математик он высчитывал недели и даже дни для принятия оптимального, соответствующего его интересам решения.

18 июля 1944 г. ситуация на советско-германском фронте изменилась. До вступления Красной Армии на польскую землю оставались считанные часы, когда на совместном заседании представителей КРН и Главного правления СПП, о котором Сталин, несомненно, знал, было принято решение создать исполнительный орган, временно замещающий правительство, – “Делегатуру КРН для освобожденных земель”. 19 июля членов Делегатуры принял Сталин. Он высказал благожелательное отношение к этому решению [7. Т. VIII. С. 141].

Между тем советские и польские войска форсировали Буг и пересекли межгосударственную границу. 21 июля 1944 г. командующий 1-м Белорусским фронтом К.К. Рокоссовский получил приказ Ставки Верховного главнокомандующего об овладении городом Люблином [6. Оп. 50. Д. 104. Л. 76]. Поздним вечером этого дня Сталин встречался с большой делегацией из представителей КРН, СПП и ЦБКП. Без сомнения, на этой встрече было принято окончательное решение и создан ПКНО, а также утвержден отредактированный комиссией во главе с Ю. Борейшей, который до этого не участвовал в переговорах со Сталиным, текст Манифеста ПКНО. В основе Манифеста лежало “Обращение к польскому народу”, с которым в апреле 1944 г. ознакомился Сталин, о чем есть соответствующая делопроизводственная помета на документе: «Опубликовано 25 июля (в “Известиях”. – А.Н.). В измененной редакции» [6. Оп. 66. Д. 26. Л. 138]. Важно отметить и другое: эта помета свидетельствует, что с апреля 1944 г. никакой другой вариант Манифеста через Секретариат Сталина не проходил. Хотя исключить, что со Сталиным периодически консультировали какие-то варианты, тоже нельзя.

Участники встречи в Кремле вышли из кабинета Сталина в 0 час. 50 мин 22 июля 1944 г., пробыв там около полутора часов [12. С. 82; 10. S. 575]. В тот же день Манифест был оглашен в освобожденном г. Хелме.

Таковым было участие Москвы и лично Сталина в организации приемлемого для него партнера по межгосударственным отношениям с Польшей. Дав согласие на создание исполнительной польской власти в форме Комитета, советский лидер решал ряд задач. Он обеспечивал взаимодействие командования Красной Армии с признаваемой им польской гражданской администрацией и избегал варианта установления прямого оккупационного управления страной. Кроме того, СССР теперь располагал весьма выгодными исходными позициями в предстоявшей борьбе как в самой Польше, так и на международной арене за характер власти и ее удержание. При чем сделал все это он вопреки намерениям и замыслам союзников, которые не могли предотвратить совершившиеся события.

Теперь, после создания ПКНО, Сталин обретал дополнительный “аргумент” при разрешении разногласий с союзниками по польскому “вопросу”. Вместе с тем, вставала проблема легитимности этой власти, ее социальной базы и международного признания. Поэтому возможность коллективных решений союзников на этот счет советским лидером все еще полностью не исключалась. Откликаясь на просьбу Черчилля принять Миколайчика в Москве, Сталин 23 июля 1944 г. не только уведомил его и Рузвельта об установлении Москвой контакта

с ПКНО, “который создан недавно Национальным Советом Польши”, но одновременно предлагал дальнейшие переговоры: “Польский Комитет не могу считать правительством Польши, но возможно, что в дальнейшем он послужит ядром для образования временного правительства из демократических сил” [19. Т. 1. С. 244–245; Т. 2. С. 151]. Тем самым была обозначена исторически краткосрочная “жизнь” этого органа власти и прагматизм самого согласия Москвы на учреждение ПКНО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М.; Новосибирск, 1997, 1998. Т. I–II.
2. Советский фактор в Восточной Европе. М., 1999, 2002. Т. 1–2.
3. НКВД и польское подполье. 1944–1945 (По “Особым папкам” И.В. Сталина). М., 1994; “Из Варшавы. Москва. Товарищу Берия...” Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. М.; Новосибирск, 2001; Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998; Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. М., 2000.
4. *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948. М., 1993.
5. *Duraczyński E.* Polska. 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa, 1999.
6. Архив Президента РФ. Ф. 3.
7. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. VII; М., 1974. Т. VIII.
8. Новая и новейшая история. 2003. № 6.
9. *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982.
10. *Czubiński A.* Dzieje Najnowsze Polski do roku 1945. Poznań 1993; *Friszke A.* Polska. Łosy Państwa i Narodu. 1939–1989. Warszawa 2003.
11. Archiwum ruchu robotniczego. Warszawa, 1982. Т. VII; Warszawa, 1984. Т. IX.
12. Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1996. № 3.
13. Переговоры Э. Бенеша в Москве // Вопросы истории. 2001. № 1.
14. *Георги Димитров.* Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997.
15. СССР–Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. М., 1995.
16. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 434.
17. *Polska Partia Robotnicza. Dokumenty programowe.* 1942–1948. Warszawa, 1984.
18. *Gomułka W.* Pamiętniki. Warszawa, 1994. Т. II.
19. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1957. Т. 1, 2.
20. Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1988. Ч. II. После 22 июня 1941 г.

© 2008 г. В. В. МАРЬИНА

**ПРАЖСКАЯ ВЕСНА 1968 ГОДА:
К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОМ РЕЗОНАНСЕ**
(по опубликованным в Чешской Республике документам
и материалам чешского журнала “Soudobé dějiny”)

После крушения коммунистического режима в Чехословакии чешская и словацкая историография стала уделять много внимания разработке темы “Пражская весна 1968 г.”, рассмотрению причин ее возникновения и подавления войсками пяти стран Варшавского договора. Уже в 1990 г. была создана Государственная комиссия по изучению событий 1967–1970 гг., в работе которой приняли участие видные чешские и словацкие историки. Ее задачей был сбор и изучение материалов по указанной проблеме, а также подготовка публикации документов. Богатейшие фонды Комиссии в настоящее время находятся в архиве Института современной истории АН ЧР в Праге. Первые результаты своей деятельности Комиссия обнародовала уже в 1993 г. в двухтомной ротапринтной работе “Чехословакия 1968 года. Т. 1. Процесс возрождения; Т. 2. Начало нормализации” [1]. Еще раньше увидела свет первая книга о 21 августа 1968 г. [2], затем появились коллективные (В. Менцл, А. Бенчик, Й. Домански, Й. Гаек, В. Курал) [3] и индивидуальные работы по теме З. Гейзлара [4], К. Каплана [5], Й. Гаека [6]. В начальный период деятельности Комиссии в Институте современной истории были подготовлены также небольшие исследования об отношении ГДР [7], Польши [8], Венгрии [9] и Болгарии [10] к событиям в Чехословакии. Одновременно началась публикация документов, насчитывающая в настоящее время более десяти томов, некоторые из них состоят из двух-трех книг. Международные аспекты событий 1968 г. отражены в трех книгах 4-го тома [11]¹. Пражская весна 1968 г. и ее интернациональный контекст явились темой обсуждения международных конференций, состоявшихся в Либлицах и Праге в 1991, 1993 и 1994 гг. [12]. В 1990-е годы появилось много книг и статей, посвященных Пражской весне 1968 г. Их авторами в основном являлись свидетели и участники указанных событий (см. подробнее [13]). Несколько книг было переведено на русский язык [14].

Российских историков, занимающихся чехословацким кризисом 1968 г., к сожалению, можно пересчитать по пальцам. Это – М.В. Латыш [15], В.Л. Мусатов

Марьина Валентина Владимировна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ В распоряжении автора была лишь первая из трех книг тома.

[16], Р.Г. Пихоя [17]. Все они касаются реакции Москвы на чехословацкие события указанного времени. Реакция Запада на события в Чехословакии в 1968 г. уже рассматривалась в статье И.И. Орлика [18]. В настоящей статье представлены новые материалы о резонансе в мире на вторжение войск пяти стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г., прервавшее усилия коммунистических реформаторов по построению в ЧССР социализма с “человеческим лицом”. Автор ограничил свою задачу изучением некоторых опубликованных в ЧР документов и обзором ряда материалов, появившихся на эту тему в чешском журнале “Soudobé dějiny” (“Современная история”) и касающихся Румынии, Югославии и некоторых стран Запада.

Начнем с Румынии, с этого, по выражению чешского историка И. Гоппе, “enfant terrible” “социалистического лагеря”. Советско-румынские разногласия достигли пика в апреле 1964 г., когда ЦК Румынской рабочей партии одобрил так называемую “апрельскую декларацию”. Помимо прочего, в ней, в соответствии с Декларацией коммунистических и рабочих партий, принятой в Москве в 1960 г., говорилось, что ни одна из коммунистических партий не может иметь привилегированного положения и диктовать другим партиям линию поведения и взгляды. Иными словами, это означало, по мнению Гоппе, что “наряду с Китаем, Албанией и Югославией Румыния перестала признавать Москву центром мирового коммунизма” [19. S. 444]. Более того, румыны не ограничились лишь декларацией. Они стали проявлять самостоятельность во внешней политике, переориентируя ее на Китай и Югославию, а на западе – на Францию, а также на США. Во время встречи с президентом Франции Шарлем де Голлем в июле 1964 г. премьер-министр Румынской народной республики Ион Г. Маурер утверждал, что Румыния хочет следовать своим собственным национальным курсом, но в то же время не может выйти из Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), поскольку румынская экономика тесно связана с ним. Де Голль заверил Маурера, что Франция поможет Румынии достичь независимости, окажет ей в этом как экономическую, так и политическую помощь, а также содействие при вступлении в ЕС. Более того, по некоторым сведениям, он предложил помощь в случае вторжения в Румынию войск стран Организации Варшавского договора (ОВД)². В марте 1965 г. умер многолетний руководитель румынских коммунистов Георге Георгиу-Деж. Его место занял сорокавосемилетний Николае Чаушеску, с приходом к власти которого изменилось как название государства, Социалистическая республика Румыния (СРР), так и название партии – Румынская коммунистическая партия (РКП). В 1967 г. противоречия между Румынией и остальными странами советского блока еще более усилились. В конце января этого года СРР установила дипломатические отношения с ФРГ, что особенно болезненно было воспринято руководством СССР, ГДР и Польши. В официальной советской пропаганде громко звучала тема западногерманского реваншизма. РКП демонстративно не участвовала в конференции коммунистических и рабочих партий, проходившей в Карловых Варах в апреле 1967 г. Осенью того же года Румыния отказалась от участия в совместных учениях армий стран Варшавского договора. Чаушеску заявил, что его страна намерена иметь собственную военную доктрину, независимую от доктрины ОВД. После совещания Политического консультативного комитета (ПКК) 6–7 марта 1968 г. в Софии, в котором принимал участие и А. Дубчек, Румыния была исключена из

² И. Гоппе ссылается при этом на [20. S. 75]. Советские войска покинули Румынию в 1958 г.

обсуждений чехословацкой темы “шестеркой” (СССР, ГДР, Чехословакия, Польша, Венгрия, Болгария). И хотя Дубчек предлагал в дальнейшем поддерживать сотрудничество и контакты с РКП, этого не произошло, что наглядно продемонстрировало совещание “шестерки” 23 марта в Дрездене [11. S. 65–67, 73–117].

Между тем в Румынии с вниманием следили за событиями в Чехословакии. 22 марта 1968 г. поверенный в делах ЧССР в СРР К. Комарек сообщал из Бухареста: “Внутриполитическое развитие в ЧССР здесь принимается с симпатиями”. Особенно это касалось студентов, интеллигенции, средних слоев и пострадавших от репрессий. В то же время власти опасались возможного развития демократических инициатив снизу [11. S. 73]. Чаушеску по-прежнему вел себя, как диктатор. Он полагал, что после IX съезда РКП (19–24 июля 1965 г.) в Румынии произошли принципиальные изменения в вопросе либерализации режима, и считал, что благодаря политике независимости удалось своевременно предотвратить усиление внутриполитической напряженности в стране и не допустить развития событий, подобных чехословацким. Следя за ними, румыны рассчитывали, что чехословацкая внешняя политика уподобится их собственной. Однако несмотря на учащавшиеся снизу требования нейтралитета страны, руководство ЧССР продолжало ориентироваться на СССР. Чаушеску предпринял несколько попыток встретиться лично с Дубчеком, но тот не спешил с положительным ответом. Не желая дополнительных осложнений в отношениях с Москвой, официальная Прага в тот период, по мнению Й. Гоппе, вообще не рассматривала возможность идти по румынскому пути и менять внешнеполитический курс страны [19. S. 450].

ЦК РКП не согласился с утверждением Москвы о том, что в Чехословакии готовится контрреволюционный переворот и 14 июля 1968 г. довел свое мнение до сведения ЦК КПЧ и других коммунистических партий: “Снова подтверждая свою точку зрения, что решение собственных проблем является неотъемлемым правом и обязанностью каждой коммунистической партии, наша партия придерживается того мнения, что в сложившейся ситуации всякое внешнее вмешательство, любая форма давления на партию и чехословацкий народ не только не содействуют решению проблемы, но скорее затрудняют ее решение, поддерживают и стимулируют те силы, которые заинтересованы в том, чтобы усложнить и накалить ситуацию в ЧССР” [11. S. 216]. Естественно, это заявление получило негативный резонанс в компартиях стран-членов ОВД. Глава болгарских коммунистов Т. Живков, например, оценил румынское заявление, как “поддержку ревизионистов в ЦК КПЧ”. Кроме того, он утверждал, что румыны стремятся убедить и И. Броз Тито сделать подобное заявление [11. S. 267]. Л.И. Брежнев, выступая на заседании Политбюро ЦК КПСС 17 июля, тоже негативно отреагировал на позицию РКП: “Руководящие представители РКП явно стремятся занять критическую позицию в отношении совместных акций братских партий в связи с событиями в Чехословакии. Следует прямо сказать, товарищи, что эта позиция, которая соответствует общей политической линии румынских представителей, весьма и весьма далека от пролетарского интернационализма” [11. S. 319].

Чехословацкая реакция была иной: благодарственное письмо за понимание и симпатии и приглашение Н. Чаушеску посетить ЧССР в ближайшее время для подписания готовящегося союзного договора. 15 июля его текст обсуждался Национальным собранием ЧССР. Меньше говорилось о самом договоре и боль-

ше – о внешней политике ЧССР, которая, ориентируясь приоритетно на Советский Союз, должна была бы, вместе с тем, по образцу Румынии играть более значительную роль на международной сцене [19. S. 452].

В румынских официальных СМИ развернулась широкая прочехословацкая кампания, основным тезисом которой стало утверждение о специфичности развития отдельных стран и исключительной ответственности каждой компартии за ситуацию в государстве. Лично для Чаушеску, считает Й. Гоппе, такая точка зрения не только открывала путь к усилению собственных властных позиций в традиционно антироссийской Румынии, но также способствовала поддержке его режима в США и Западной Европе [19. S. 453]. Румынский лидер прибыл в Прагу 15 августа 1968 г. Официальной целью визита являлось подписание вышеуказанного договора, что и произошло в торжественной обстановке на следующий день. Чаушеску вновь выразил свою поддержку реформаторским усилиям чехословацкого руководства и осудил вмешательство остальных стран ОВД во внутренние дела ЧССР.

Руководство румынской компартии решительно осудило вторжение войск пяти стран-участниц ОВД в Чехословакию, происшедшее в ночь с 20 на 21 августа 1968 г., и дало понять, что румынская армия и румынский народ готовы дать отпор в случае аналогичных действий против Румынии. Официальные власти СРР были к тому же оскорблены тем, что нота, извещавшая о вторжении в ЧССР, была передана им шофером советского посольства в Бухаресте [19. S. 454]. Результатом вышеуказанной акции стран-участниц ОВД стало укрепление позиций румынского руководства и сплочение вокруг него народных масс, в том числе и национальных меньшинств. 21 августа состоялось совместное заседание ЦК РКП, Государственного совета и правительства при участии первых секретарей уездных комитетов партии, представителей профсоюзов, Союза коммунистической молодежи, общественных организаций и шеф-редакторов центральных печатных изданий. В коммюнике о заседании вторжение расценивалось как военная интервенция и оккупация, которую ничто не может оправдать, а также выдвигалось требование немедленного вывода воинских частей с территории Чехословакии. Более ста тысяч манифестантов Бухареста внимали энергичному протесту Н. Чаушеску и выразили свою поддержку руководству государства. Вторжение в ЧССР лидер СРР расценил как огромную ошибку и большую опасность для мира в Европе, как позорный момент в истории революционного движения.

Упорно распространялись слухи, включая и дипломатические круги, о том, что армии стран-участниц ОВД готовы к вторжению в Румынию. Такой информацией, в частности, располагали и США. 28 августа американский президент Л. Джонсон, согласно утверждению советского посла в Вашингтоне А.Ф. Добрынина, обратился с настоятельной просьбой к советскому правительству не нападать на Румынию, что могло бы привести к непредвиденным последствиям. После совещания с Москвой советский посол заявил, что “сообщения о вторжении в Румынию не соответствуют действительности” [19. S. 455]. Советские дипломаты в Бухаресте также стремились развеять эти слухи, заявляя, что в Румынии социалистический строй не находится под угрозой. Развернувшаяся в СРР кампания в поддержку чехословацкого руководства и готовности страны к отражению возможного нападения вызвала резко негативную реакцию Москвы, что, видимо, несколько охладило критический пыл Чаушеску. Он выразил видимое удовлетворение переговорами в Москве между советскими и чехосло-

вацкими политическими деятелями и заявил о необходимости реализации так называемого Московского договора, чтобы чехословацкий народ мог продолжить дело строительства социализма, а иностранные войска как можно скорее были выведены с территории Чехословакии. Постепенно стали налаживаться прерванные ранее контакты с другими социалистическими странами, сначала с соседними Венгрией и Болгарией. Попытки нормализовать взаимоотношения с Советским Союзом наталкивались на холодный прием, поскольку румыны не желали отказываться от своих принципов осуществления внешней политики. Вместе с тем, в выступлениях румынских политических деятелей подчеркивались верность обязательствам Румынии как члена ОВД и готовность развивать дружественные связи с Советским Союзом на основе соблюдения основных норм взаимоотношений между социалистическими странами, то есть равноправия.

После одобрения Национальным собранием ЧССР договора о временном пребывании советских войск на территории Чехословакии (18 октября 1968 г.) румынские политики перестали публично говорить о событиях внутренней жизни Чехословакии, неофициально объясняя это не тем, что Румыния отступает от своих принципиальных оценок августа 1968 г., а нежеланием и далее осложнять отношения между отдельными социалистическими странами. Указанный договор при этом расценивался как “нелегкий, но рациональный выход” и предпосылка стабилизации положения в Центральной Европе и на Балканах [19. S. 457].

Со временем интерес к чехословацким событиям в Румынии стал спадать. После ратификации парламентом ЧССР союзного договора с СРР, подписанного в августе 1968 г., чехословацко-румынские отношения развивались без каких-либо осложнений. Но когда в ЧССР оккупация страны стала оцениваться как “интернациональная помощь”, и в мае 1970 г. был подписан советско-чехословацкий союзный договор, в котором говорилось о совместной защите “достижений социализма”, в румынско-чехословацких отношениях снова возникла некоторая напряженность. Имидж румынского руководства, в принципе не изменившего своей оценки событий августа 1968 г., в глазах западной общественности вырос, что нашло отражение и в визите в Бухарест американского президента Р. Никсона в начале августа 1969 г. Чехословакия же, по словам Й. Гоппе, стала снова “лишь одним из не вызывавших интереса советских сателлитов” [19. S. 459].

Схожей в общих чертах с румынской была и реакция на Пражскую весну 1968 г. Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), проводившей политику неприсоединения и позиционировавшей себя тогда в качестве одного из лидеров стран так называемого “третьего мира”. Чешский историк Я. Пеликан опубликовал в журнале “Soudobé dějiny” пять документов из Архива Югославии (Белград), свидетельствующих о реакции югославского руководства и прежде всего Й. Броз Тито на оккупацию Чехословакии в августе 1968 г. [21]. Публикации предпослана вводная статья. В 60-е годы XX в. отношения между СФРЮ и “социалистическим лагерем” во главе с Советским Союзом относительно консолидировались. В связи с этим некоторые изменения претерпевала и югославская военная доктрина: угроза нападения с Востока, казалось, миновала, и все внимание было обращено на возможность агрессии со стороны НАТО. События в ЧССР в 1968 г. и реакция на них Кремля снова встревожили югославское руководство.

Первое открытое несогласие с советской политикой в отношении Чехословакии Й. Броз Тито высказал во время переговоров в Москве в конце апреля 1968 г., где он задержался после визитов в Японию, Монголию и Иран. Л.И. Брежнев тогда остро критиковал А. Дубчеку, непрямо советовал Тито воздержаться от тесных связей с Прагой, но одновременно просил его помочь Дубчеку стабилизировать положение в стране. Тито полемизировал с советскими руководителями [11. S. 216–217], но в то же время обещал содействовать укреплению социалистического режима в Чехословакии. ЦК Союза коммунистов Югославии (СКЮ) выразил несогласие с оценкой положения в ЧССР, содержащейся в письме ЦК КПСС от 11 июля 1968 г. В ответе говорилось о развитии “социалистической демократии” в ЧССР, содействующем “всеобщему укреплению социалистической общественной системы”. СКЮ предупреждал от излишней драматизации негативных явлений, сопровождавших процесс преобразований в ЧССР, а также от какой-либо политической акции извне, которая могла бы быть истолкована “как стремление ограничить независимость КПЧ в определении ее политики и даже как угроза государственного суверенитета ЧССР”. Подчеркивая, что каждая коммунистическая партия за свою политику должна отвечать прежде всего перед рабочим классом и народом своей страны, СКЮ полагала, что интернациональный долг коммунистических и рабочих партий состоит в том, чтобы оказать поддержку руководству КПЧ в его усилиях по развитию социалистических общественных отношений в стране [11. S. 268–269]. Тито был уверен, что Дубчеку удастся справиться с ситуацией в стране и элиминировать силы, стремившиеся к выходу за рамки процесса реформирования социалистического строя. Политику коммунистического руководства в Чехословакии он в целом одобрял, считая, что она к тому же содействует ослаблению доминанты Москвы в советском блоке. Тито питал также надежду, что Чехословакия может пойти югославским путем.

Лидер СКЮ ощущал необходимость “улучшения” социалистического строя и в своей “вотчине”. Немалую роль тут сыграли первые симптомы дестабилизации положения в самой Югославии: студенческие выступления летом 1968 г. прежде всего в Белграде, а также в Загребе и Любляне с требованиями улучшения жизненных условий и очищения социалистического общества от карьеристов и нуворишей. Однако Тито не хотел допустить ни вмешательства Москвы во внутреннюю политику своей страны, ни ухудшения экономических отношений с Советским Союзом. 9–11 августа он посетил Прагу и вел переговоры с руководством КПЧ, выразив ему полную поддержку в проводимых преобразованиях.

Оккупация Чехословакии Тито явно шокировала, но “лезть на рожон” он явно не собирался. Он и его окружение, по мнению Я. Пеликана, не очень “сожалели, что дело дошло до приостановки реформ” в ЧССР. Их больше занимали военные аспекты интервенции и, прежде всего, последствия, которые она могла бы иметь с точки зрения безопасности и стабильности Югославии [21. S. 713]. Днем 21 августа Тито дал интервью Агентству ТАНЮГ. Подчеркнув, что Чехословакии не грозил антисоциалистический переворот, он в то же время заявил, что не допустит в Югославии неконтролируемых демонстраций протеста против оккупации ЧССР. Вечером 21 августа состоялось совместное заседание Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКЮ, в начале и конце которого выступал Тито. Он предложил провести в Белграде официальный митинг про-

теста, аналогичный организованному в Бухаресте³. Тито заявил, что оккупация не имела ни малейших оснований ни с точки зрения опасений за дальнейшее развитие Чехословакии по социалистическому пути, ни с точки зрения военной угрозы для чехословацких границ с Запада. Последнее предположение он назвал “совершенно абсурдным”. В качестве главной причины интервенции Тито назвал “политико-идеологические калькуляции”: советское руководство было напугано “демократизацией внутренней жизни Чехословакии. Опасными стали представители, которые твердо решили ликвидировать остатки догматических и иных сил во внутренней жизни и отказаться от методов, которые применялись в течение длительного периода после окончания войны. В этом суть дела”.

Тито призвал к бдительности и готовности защищать границы Югославии на случай возможного военного вторжения не только со стороны “западных империалистов” (имелись в виду Италия и Греция, где к этому времени установился режим “черных полковников”), но и со стороны Болгарии, претендовавшей тогда на Македонию. Югославский лидер считал необходимым мобилизовать весь партийный актив, осуществить зондаж общественного мнения и провести соответствующие мероприятия против внутренних врагов, которые “угрожают нам слева и справа”. Имелись в виду прозападные силы, которые “организовали эксцессы в Университете” и так называемые “догматики” во главе с Ранковичем, в 1966 г. отстраненным от всех должностей (“...мы должны быть едины во мнении, что в отношении и тех, и других должны действовать весьма энергично, даже если бы их пришлось арестовать”).

В заключение Тито подчеркнул, что в создавшейся ситуации следует соблюдать хладнокровие, доверять армии, но с врагами расправляться так, чтобы от них “полетели перья”. Говоря о советском руководстве, он употребил термин “неосталинизм”: “Там, несомненно, победу одержало течение, которое полагает, что вернет обратно все потерянное во время демократизации, которую проводил Хрущев. Но и им следует дать ясно понять, что мы не такие люди, которые стерпели бы, чтобы по нашим улицам ездили иностранные танки и убивали наших людей”. Тито также одобрил позицию югославских представителей в Совете безопасности ООН, поддержавших проект резолюции против оккупации Чехословакии, на который СССР наложил veto. Вместе с тем, он назвал абсолютно ошибочной такую реакцию на оккупацию Чехословакии, которая может привести к развитию в стране прозападных тенденций и различным антисоветским выпадам: “Запад следит за нами, как коршун, поскольку понял, что напряжение растет и еще будет расти”. На заседании было принято краткое заявление, осуждавшее оккупацию Чехословакии как нарушение суверенитета одной из социалистических стран, выражавшее поддержку руководства Дубчека и призывавшее народ Югославии сплотиться вокруг СКЮ [21. S. 715–720, 725].

23 августа Тито выступил на заседании ЦК СКЮ. Он снова подчеркнул необоснованность пропагандистского утверждения о возможном военном нападении со стороны Запада и размещении войск НАТО на территории Чехословакии: “В данный момент, учитывая ситуацию в Европе, нечто подобное нереально. Речь идет ...о том, чтобы прервать демократический процесс в Чехословакии, который после январского пленума [ЦК КПЧ] пошел весьма

---

³ Такой митинг состоялся 22 августа. Согласно официальным данным, в нем приняли участие 250 тыс. человек. Накануне небольшие спонтанные демонстрации прошли перед советским посольством в Белграде.

быстрым темпом и создал условия для дальнейшего развития Чехословакии на основе демократизации”, а также о том, чтобы “воспрепятствовать дальнейшему весьма быстрому развитию общественных отношений в социалистических странах, подобных существующим в Югославии”. Подробно рассказав о встрече в Москве в апреле 1968 г., о впечатлениях от посещения Чехословакии в первой половине августа 1968 г., Тито расценил случившееся как страшный удар по всем прогрессивным силам в мире, как удар по престижу Советского Союза, по доверию к нему. Вместе с тем, он призвал подумать о том, как сохранить с СССР уважительные отношения, говорил, что не следует публиковать заявления, которые могли бы быть расценены как враждебные по отношению к СССР или к другим социалистическим странам [21. S. 721–726].

Именно такие советы Тито давал и Н. Чаушеску, встретившись с ним и членом исполкома постоянного президиума ЦК РКП Э. Боднэрашем 24 августа 1968 г. Инициатором встречи был румынский лидер. Тито, находившийся в Белграде, предложил во избежание излишней огласки в качестве места встречи свою резиденцию на острове Бриони. Чаушеску сначала согласился, но потом, испугавшись возможных неприятных неожиданностей на родине, попросил изменить место встречи, которая, в конце концов, состоялась на румыно-югославской границе в местечке Вршес. Чаушеску подробно рассказал о негативной реакции румынского руководства на оккупацию Чехословакии. Указав, что Румыния снова подчеркнула свою лояльность как страны-участницы ОВД, он в то же время перечислил мероприятия, направленные на усиление обороноспособности страны, включая восстановление отрядов народной милиции на предприятиях. “В стране хорошая атмосфера, – значит в югославской записи беседы. – Они полны решимости в случае угрозы независимости Румынии идти путем бескомпромиссного сопротивления, в том числе и вооруженного. Эту ориентацию широкие народные массы принимают хорошо” [21. S. 727–728].

2 сентября на совместном заседании Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКЮ Тито подробно рассказал о встрече с румынскими руководителями и о своих рекомендациях им. Чаушеску при всем своем остро критическом восприятии происшедшего осознавал, что заходить в противостоянии с Москвой слишком далеко не следует, и считал, что надо сделать шаги, направленные на смягчение отношений с ней. (“Таким образом, не будут изменены его основные принципы, но сформулированы иначе, из тактических соображений более мягко”.) Чаушеску обратился к Тито с просьбой открыть румыно-югославскую границу, чтобы в случае необходимости получать со стороны Югославии помощь, оружие и т.д. Тито ответил, что такая просьба оправдана, граница не будет закрыта, и Югославия окажет помощь, какую сможет. Если же войска стран-участниц ОВД решатся вступить на ее территорию, то югославы намерены сражаться. Тито в то же время заявил, что, если румынские войска окажутся на территории СФРЮ, то она согласно международному праву обязана будет их временно разоружить. (“Для них это был страшный удар. Они убеждали нас: вы не можете остаться в стороне, на вас также нападут и т.д. Я ответил: если на нас нападут, возникнет иная ситуация, но мы же не можем не уважать принципы международного права”.)

Далее Чаушеску, по словам Тито, попросил: посоветуйте нам, товарищ Тито, что нам сегодня делать. “Я ответил: будьте, я бы так сказал, более гибки (flexibilnĕjšĭ), не давайте своими выступлениями повод [к вмешательству, вторжению], не провоцируйте и т.д. Направьте усилия на успокоение ситуации, по-

сколько важно, как ее будет оценивать мир, если дело дойдет до вторжения. Скажет ли он, что и вы этому способствовали или что речь идет о неприкрытой инвазии против вашей страны, к которой вы не дали ни малейшего повода. Они это с благодарностью приняли и потом так и поступали... Румыны заявили, что они сделают все для того, чтобы не дать повода к агрессии... Я полагаю, что то, что нам румыны говорили о своей решимости к сопротивлению, будет реализовано. У них довольно силен национальный момент. Весь народ, вероятно, будет сопротивляться. Румынское руководство его к этому готовит" [21. S. 744–748].

Не переставало готовиться руководство Югославии и к возможному вторжению в свою страну. 30 августа Тито принял советского посла в Белграде И.А. Бенедиктова, который вручил ему, предварительно зачитав, ноту, в которой выражалось недовольство позицией СФРЮ в отношении действий Москвы и ее союзников. Запись о беседе, которая продолжалась 45 мин., довольно длинная и весьма эмоциональная в части о реакции Тито на отдельные услышанные им заявления [21. S. 722–738]. Например, на утверждение, что была оказана интернациональная помощь социалистическому строю в Чехословакии, Тито, прервав посла, раздраженно воскликнул: "Они оказали помощь? Какую помощь!" На слова ноты: "Мы возмущены тем, что Югославия высказала солидарность с антисоциалистическими силами..." – Тито отреагировал так: "Это неправда! Это обыкновенная ложь!... Мы оказали помощь Коммунистической партии Чехословакии и рабочему классу Чехословакии. Мы оказали помощь тем чехословацким лицам, с которыми вы вели переговоры в Москве". На упрек, что Югославия допустила деятельность таких лиц, как Шик, Власек, Гайек на своей территории, Тито ответил, что они находились в Югославии во время отпуска, и их деятельность не была ни антисоветской, ни антисоциалистической. Гнев югославского лидера вызвало и следующее обвинение: "Руководящие представители Югославии... поддерживали антисоциалистические силы и выступали против акции СССР и других социалистических стран. Позиция Югославии не имеет ничего общего с интересами социализма, с идеологией марксизма-ленинизма, не имеет ничего общего с солидарностью социалистических стран и рабочих партий. Югославия в результате своей антисоветской кампании объективно оказалась на таких же позициях, как и остальные империалистические силы, которые ведут войну против вьетнамского народа". Тито возмущенно: "Как Вы позволяете себе возводить на меня такую клевету! Как Вы позволяете себе повторять такую безбожную ложь! Вы лишь клеветаете на позицию Югославии. Просто очаровательно, что Вы здесь читаете такие пошлости о Югославии". На это советский посол заявил, что он лишь читает то, что ему приказано правительством СССР и ЦК КПСС. Тито ответил, что ему жаль, что правительство СССР и ЦК КПСС посылают ему такие лживые заявления. Он подчеркнул, что еще во время переговоров в Москве ясно сказал, что каждый иной акт кроме политических шагов является катастрофической ошибкой. Использование насилия, и тем паче вооруженного насилия, при решении ситуации в Чехословакии означало бы агрессию против Чехословакии. От этой позиции президент Югославии не отказывается. Интервенция в Чехословакию являлась абсолютно неспровоцированной. Тот факт, продолжал Тито, что "войска социалистических государств оккупировали другое социалистическое государство, поразителен. Это – страшно. Человеку в здравом уме трудно понять, как случилось, что войска СССР и других стран-участниц ОВД оккупировали социалистическое государство и изображают это, как братскую помощь и выполне-

ние обязанностей, проистекающих из принципов пролетарского интернационализма. Вследствие этого насильственного действия был нанесен страшный удар интересам социализма, международного рабочего движения и делу мира. Все крупные коммунистические партии западноевропейских стран (Италии, Франции, Великобритании, Испании и др.) осуждают этот акт. Я не могу с ним ни в коем случае согласиться”, – заявил Тито. Президент упрекнул в свою очередь советских руководителей в том, что они имеют плохих советчиков в лице Ульбрихта и Живкова, которые преследуют свои собственные интересы. Далее Тито подчеркнул, что если Югославия окажется под угрозой с Запада или с Востока, то она будет решительно сражаться и защищать свою независимость. Если бы здесь вместо советского посла были Брежнев, Косыгин и Подгорный, то президент, по его словам, высказал бы свое мнение в еще более острой форме.

Между Тито и Бенедиктовым разгорелась полемика. Каждый защищал свою точку зрения. Посол подчеркнул, что те коммунистические партии, которые ранее осудили действия СССР и пяти социалистических стран, теперь – их 23 – высказались в поддержку Московского договора. Тито заявил, что оккупация и договор это разные вещи, что поддержка договора означает желание не обострять и не ухудшать далее ситуацию, что в Югославии тоже поддерживают только что подписанный лидерами СССР и ЧССР договор. Далее речь шла о югославско-советских отношениях. Тито заверил, что СФРЮ хочет развивать с СССР нормальные межгосударственные отношения, но есть признаки, которые указывают, что Москва не хочет этого. Бенедиктов заверил, что как посол он будет содействовать развитию отношений между СССР и Югославией.

Тито так рассказывал на вышеупомянутом заседании 2 сентября [21. S. 739–749] о визите советского посла: «Он не принес с собой отпечатанного документа, читал его из своего блокнота. Читал очень торжественным тоном. Иногда я должен был его прерывать, поскольку я этим, признаюсь, был сыт по горло. Я не мог сохранить необходимый декорум, поскольку то, что он читал, каждого нормального человека вывело бы из нормы. В ноте – в большинстве ложь, неправда и очень мало правды. Он [Бенедиктов] не позволил себе выйти из нормы. Был очень спокоен. Пережидал, когда я прерывал его, а потом продолжал читать. Сказал, что “это я получил сверху, это не мой текст”. Попрощались мы достойно, так, как люди должны расставаться. Ничто его не нервировало, как представляется, у него хорошие нервы». Тито предложил обсудить ноту и ответить на нее, но, выбрав форму, которая в этом случае возможна. Ни ноту, ни беседу с послом, по словам Тито, публиковать нельзя. Поэтому он просил всех возвратить текст обсуждаемого документа, который был роздан на руки участникам заседания. Мы в советской ноте, заявил Тито, поставлены в один ряд с Бонном, со всеми возможными адвокатами контрреволюционных сил и пр. Это для нас очень оскорбительно. Вместе с тем, Тито критиковал газету “Борба” и ее редакцию за слишком резкие выпады в адрес СССР и заявил: “Мы не допустим пропаганду против Советского Союза. Имеется ряд факторов..., которые мы должны принимать во внимание. Это – вопрос экономического давления, которое по отношению к нам СССР, скорее всего, осуществит”. Поэтому Тито предложил идти путем “умиротворения настроений” и не допустить дальнейшего разжигания страстей, добавив при этом, что это вовсе не означает одобрения “их ошибок” (“То, что сегодня происходит в Чехословакии, страшно”). Далее президент продолжал: “Сегодня надо серьезно обсудить то, что нас интересует с точки зрения наших взаимоотношений с Советским Союзом, экономических и

прочих. Что может привести к их ухудшению и какие могут быть последствия этого... Таким образом, мы не должны упускать из вида, что, хотя мы должны защищать наши основные принципы, но одновременно не можем сделать ничего, что могло бы дать им повод снова возвратиться к ситуации 1948 года, то есть, чтобы были ликвидированы все экономические договоры и т.д. Я ожидаю, что они кое-что ликвидируют”.

Дискуссия на заседании свидетельствовала, что в позициях и оценках ее участников выявились разногласия. Наиболее наглядно это появилось в выступлениях военного министра И. Гошняка и К. Поповича. Первый полностью поддержал точку зрения Тито о необходимости постепенной нормализации отношений с Москвой. Гошняк также критиковал чересчур резкое выступление СФРЮ в Совете безопасности ООН при обсуждении вопроса об оккупации Чехословакии. Он настаивал на сохранении существующего внешнеполитического курса и предупреждал от предоставления политического убежища чехословацким деятелям, которые после оккупации лишились своих постов. Сербский коммунист К. Попович осторожно, непрямо, но ясно критиковал прошлые попытки Тито сблизиться с Советским Союзом. Он требовал изменения внешней политики Югославии, в том числе пересмотра вопроса об отрицательном отношении к Китаю и Албании.

Тито в заключительном слове настаивал на том, что не следует подливать масла в огонь, и подчеркнул нежелательность ухудшения отношений с Советским Союзом, поскольку “на кон поставлен” внутренний строй, система самоуправления трудящихся, система социалистического развития Югославии. Говоря об ответственности прессы, он отметил необходимость понимания того, что от нее во многом зависит стабильность в стране, и что надо писать не что кому нравится, а осознавать возможные последствия этого. На предложение изменить внешнеполитический курс и более приблизиться к Западу, опираться на Запад, Тито ответил: это была бы ошибочная политика, поскольку в этом случае Югославия потеряла бы своих союзников в малых странах, которым грозит опасность. При этом Америку и Советский Союз Тито поставил “на равную доску”, выразив уверенность, что в СССР будет усиливаться влияние прогрессивных сил, активных антисталинистов, поддерживающих линию XX съезда КПСС. Президент СФРЮ не исключил наличие конкретных договоренностей между двумя супердержавами, США и СССР, о том, насколько широк может быть ареал их влияния в мире, и снова подчеркнул возможность нападения на Югославию.

В связи с этим Тито говорил и о внутреннем положении, указав, что в стране начали поднимать голову “информбюровцы”⁴. Деятельности каждого, кто проявит себя как противник нашей общественно-политической системы, как “противник самоуправления, как противник нашей независимости, мы должны немедленно положить конец”, заявил он. “Мы не должны в этом вопросе поддаваться сентиментальности, а наоборот, поступать жестко”, – продолжал Тито, предупреждая в то же время от развязывания кампании в этом плане. Особенно его беспокоило положение в армии: нельзя допустить, чтобы в армии служили люди, особенно офицеры, которые бы выражали взгляды, отличные от позиции политических органов. Он явно давал понять, что охлаждение отношений с

---

⁴ Странники созданного в 1949 г. Информационного бюро коммунистических и рабочих партий, ведшего острую идеологическую борьбу против СКЮ и Й. Броз Тито.

Советским Союзом вовсе не должно вести к либерализации внутривнутриполитического режима. Таким образом, осудив принципиально оккупацию Чехословакии войсками пяти стран-участниц ОВД, Югославия под руководством своего лидера Й. Броз Тито взяла курс на ужесточение внутренней политики, на подготовку к защите страны от возможного нападения извне и, в то же время, на нормализацию из тактических соображений отношений с Советским Союзом.

Осуждение и одновременно официальная осторожность в оценке действий СССР и его союзников в августе 1968 г. были характерны и для Запада. В мире еще свежа была память о Карибском кризисе 1962 г., который мог привести к новой мировой войне, и нарушать сложившийся баланс сил пока никто не намеревался. Нельзя сказать, что на Западе не интересовались событиями в Чехословакии весной и летом 1968 г. Наоборот, интересовались и поддерживали начавшийся там процесс преобразований, но осторожно, по принципу “не навреди”. В США, согласно информации чехословацкого посольства в Вашингтоне от 30 марта 1968 г., внимательно следили за тем, что происходит в ЧССР, и приветствовали усилия реформаторов. “Менее знающие люди усматривают в современном развитии у нас крах коммунистической политики и идеологии, более знающие люди с интересом следят за тем, удастся ли в Чехословакии увязать социализм с демократией, поскольку эти понятия до сих пор по представлениям большинства американцев являлись взаимоисключающими”, – говорилось в информации. “Развитие в Чехословакии определяется, как революция, более глубокая, чем венгерские события 1956 г., поскольку она охватывает все сферы экономической и политической жизни в стране, происходит мирным путем и в государстве, которое относится к наиболее развитым социалистическим и передовым, цивилизационно зрелым странам”. Поэтому ожидается, что “чехословацкий пример” будет заразителен и для других членов социалистического лагеря. Это – что касается общественного мнения. Другое дело – официальная американская политика. “Правительство США, – говорилось в информации, – симпатизирует изменениям, которые у нас происходят, поскольку они дают ему возможность спекулировать на перспективах дальнейшего развития в соответствии с представлениями США. Однако неправдоподобно, чтобы США сделали какой-либо значительный жест, выражающий эти симпатии”. Объяснялось это войной во Вьетнаме, предвыборной ситуацией в стране и опасениями навредить демократическому процессу в Чехословакии, поскольку активность Америки могла “лить воду” на позиции чехословацких консервативных сил и насторожить Советский Союз и другие социалистические страны, повлияв на их оценку положения в ЧССР и усилив подозрительность в отношении происходящих там процессов. «Интересно, – писал автор информации К. Дуда, – что некоторые сотрудники [американской] администрации в частных разговорах дают понять, что США считают с интересами СССР в Восточной Европе, и даже “советуют” действовать осторожно и постепенно, вероятно из опасений, что чересчур быстрое развитие [событий] в Чехословакии может вызвать такое сопротивление ее союзников, что они захотят вмешаться, увеличив риск того, что позитивному развитию в Чехословакии будет положен конец или оно будет значительно заторможено». О выжидательной позиции США Дуда сообщал и в информации от 27 марта 1968 г.: “Сотрудники государственного департамента в неофициальных беседах дают понять, что США признают интересы СССР в Восточной Европе и не желают, чтобы ЧССР стала объектом конфронтации великих держав” [11. S. 121–123].

Примерно в то же время, как сообщал тот же К. Дуда, по дипломатическим каналам США и ФРГ обсуждался вопрос об отношении к странам социалистического лагеря. Решено было продолжать существующий курс: США будут поддерживать активную политику ФРГ в отношении Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии, не вызывая при этом раздраженную реакцию СССР. Отдельно стоял вопрос о ГДР [11. S. 127]. ФРГ при посредничестве французской дипломатии проявляла интерес к установлению дипломатических отношений с ЧССР в течение 1968 г. и предпринимала в этом направлении необходимые шаги, встречая положительную реакцию чехословацкого руководства [11. S. 129]⁵.

Положительно оценивали происходившие в ЧССР процессы и официальные круги Франции. Выражались надежды, что внешняя политика страны станет действительно независимой и “чехословацкой”. Осенью 1968 г. намечался визит Ш. де Голля в ЧССР. Вместе с тем, опасаясь, что усиление влияния Запада на развитие внутренних процессов Чехословакии может вызвать отрицательную реакцию ее союзников по ОВД, французское правительство воздерживалось от каких-либо официальных выражений симпатий в отношении ЧССР и комментирования происходивших там событий [11. S. 135–136].

Аналогичную позицию занимало и правительство США. Как сообщал К. Дуда в Прагу 28 апреля 1968 г., по словам советского посла в Вашингтоне А. Добрынина, американская администрация заверила его, что США не предпримут никаких шагов, которые можно было бы расценить, как вмешательство во внутренние дела ЧССР. Это относилось и к позиции НАТО [11. S. 155–156]. Состоявшаяся в начале мая конференция American Assembly⁶ тоже высказалась за подобную политику. В ее решениях говорилось: 1. США уважают интересы безопасности и политики СССР в Восточной Европе и свою политику в отношении этих стран подчиняют интересам отношений США – СССР. 2. США не намерены поддерживать в Восточной Европе такой национализм, который бы ставил под угрозу стабильность в регионе и вынуждал СССР к вмешательству. 3. США симпатизируют нынешнему развитию Восточной Европы, особенно ЧССР, но их цель состоит в том, чтобы страны Восточной Европы получили большую свободу в определении своей политики, не отдаляясь при этом от Советского Союза, не рискуя вступить с ним в конфликт и породить конфликты между собой. 4. Практическая политика США должна быть осторожной – активные шаги могут быть предприняты только после зрелого обдумывания и после гарантий, что СССР отнесется к ним толерантно, и что они не станут важным фактором внутривосточноевропейского развития в этих странах... 6. Выражалась поддержка политики, проводимой ФРГ. Собственная политика США в отношении Восточной Европы и СССР в контексте немецкого вопроса не может выходить за рамки политики ФРГ, включая признания существования ГДР и границ по Одере–Нейсе. 7. Ситуация в ЧССР отслеживается крайне внимательно и с симпатиями. Однако преобладает мнение, что она переменна, и что следует подождать дальнейшего развития событий [11. S. 220]. Передислокация войск пяти социалистических стран у чехословацких границ и проведение маневров на тер-

---

⁵ Чехословацкий МИД разработал свои предложения, касающиеся нормализации отношений с ФРГ [11. S. 158–161]. В мае по настоянию СССР и других соцстран, в первую очередь, ГДР и Польши, этим усилиям был положен конец.

⁶ Неправительственная организация, основанная в 1950 г. Д. Эйзенхауэром.

ритории ЧССР в мае–июне 1968 г. расценивались Госдепом США как попытка политического давления на руководство ЧССР [11. S. 221]. Еще 13 июля, согласно сообщению Дуды из Вашингтона, советник президента США Л. Джонсона политолог и дипломат Н. Дейвис полагал, что США будут играть роль “стороннего наблюдателя” в отношениях между СССР и ЧССР. Сотрудники чехословацкой референтуры Госдепа расценивали воззвание “Две тысячи слов” и то, что некоторые члены Политбюро ЦК КПЧ от него не дистанцировались, как тактическую ошибку либеральных сил. Это, по мнению указанных сотрудников, вызвало острую реакцию со стороны СССР и публичную критику некоторых чехословацких руководителей. Также оценивал воззвание и голландский министр иностранных дел Й. Лунс, который подчеркнул, что его правительство весьма заинтересовано в мудром и спокойном развитии, что никто в Европе не желает обострения отношений с СССР. Как “опасную платформу” оценивал воззвание и Генеральный секретарь ФКП В. Роше [11. S. 264–265, 326].

И после состоявшегося в середине июля Варшавского совещания представителей пяти стран-участниц ОВД по вопросу о Чехословакии, Госдеп США, согласно информации Дуды в МИД ЧССР от 20 июля 1968 г., считал возможным и в дальнейшем сохранять “безучастную” точку зрения, чтобы не дать повод для интервенции или поддержки консервативных сил в ЧССР. Хотя в частной беседе ответственный сотрудник Госдепа Ч.Э. Болен заявил Добрынину, что военная интервенция СССР в Чехословакию поставила бы под угрозу возможность сотрудничества СССР и США, но, как считал Дуда, не существовало признаков того, что США в ближайшее время предпримут какие-либо конкретные акции против СССР. На вопрос, могли бы США оказать экономическую помощь Чехословакии, если бы СЭВ ввел экономические санкции в отношении ЧССР, представитель Госдепа ответил уклончиво, в том смысле, что, скорее всего, лишь в крайнем случае, и что гораздо большие возможности имеют в этом плане некоторые западноевропейские страны [11. S. 330–331].

О сдержанности официальных оценок Запада положения в Чехословакии и Восточной Европе свидетельствовали и позиция вице-канцлера и министра иностранных дел ФРГ В. Брандта во время его визита в Австрию 10–11 июня 1968 г. Он непрестанно подчеркивал, что ФРГ не хочет “вбивать клин” в отношения между СССР и восточноевропейскими странами. Однако у австрийских участников переговоров осталось впечатление, что ФРГ видит существующие между ними противоречия и намерена использовать их в своей политике [11. S. 240–241, 243].

Весьма сдержанной в отношении Чехословакии и Пражской весны была и позиция Великобритании, которая переживала в этот период серьезные экономические трудности и опасалась возможного ухудшения взаимоотношений с СССР [21]. Английский посол в Праге У. Баркер (май 1968 г.) считал представления чехословацких политиков о том, что им первым удастся создать модель общества, комбинирующего социализм и демократию, наивными. Британские официальные лица решались лишь на осторожное выражение симпатий к странам Восточной Европы, но в то же время не желали “вбивать клин” между Советским Союзом и его сателлитами, что, по мнению Форин Офис (меморандум от 17 июня 1968 г.), усилило бы напряженность внутри блока и нестабильность в этой части Европы. Детальный разбор международной ситуации английскими и американскими дипломатами привел их к выводу, что ни США, ни Великобритания, ни НАТО не могут предпринять ничего существенного, чтобы защитить

находившийся под угрозой суверенитет Чехословакии. Советскому послу в Лондоне Смирновскому лишь в достаточно общей форме 22 июля было заявлено, что в случае вступления “русских” в Чехословакию “обнадеживающие признаки прогресса во взаимоотношениях Восток – Запад” могли бы тем самым быть поставлены под сомнение [22. S. 346]⁷. Осторожность обуславливалась еще и тем, что никаких призывов к Западу об оказании помощи от “официальной” Праги не поступало. Чехословаки приветствуют, говорилось в телеграмме британского посла в Форин Оффис от 25 июля, личные и неофициальные проявления симпатий, но решительно отвергают все, что могло бы быть интерпретировано, как тайный сговор между ними и каким-либо западным правительством [22. S. 347]. Позиция британского правительства в этой ситуации сводилась к следующему: “Более чем важно не сделать ничего, что могло бы нанести вред чехословацким руководителям. Советская печать продолжает антизападную кампанию, и поэтому мы не можем дать русским предлог для ее проведения” (24 июля), “британское правительство не может заявлять ничего, что могло бы быть истолковано, как вмешательство Запада” (1 августа).

Сразу после оккупации Чехословакии именно лейбористское правительство Великобритании проявило инициативу в постановке вопроса о случившемся на заседании Совета Безопасности ООН. В правительственном заявлении, сделанном в 12.35 21 августа помимо прочего говорилось: “Вторжение Советского Союза при помощи некоторых его союзников в Чехословакию является очевидным нарушением Хартии ООН и всех норм международного сосуществования... Это – серьезный удар по усилиям многих стран улучшить отношения между Востоком и Западом”. В таком же духе было сделано заявление советскому послу в Лондоне Смирновскому. Вечером, выступая по телевидению, глава Форин Оффис Стюарт подчеркнул, что главной задачей Великобритании после вторжения в Чехословакию должно стать усиление НАТО, приобретающее в сложившихся условиях огромное значение. 22 августа состоялось заседание правительства, обсудившего ситуацию. Стюарт заявил, что нет оснований говорить об опасности общеевропейской войны, что советское правительство с самого начала вторжения заверило в ограниченности этой акции, и ничто не указывает на обратное. Кстати, он добавил, что военные части НАТО были сконцентрированы на границах с Чехословакией и не были захвачены врасплох ее оккупацией [22. S. 351]. Стюарт отметил также, что не подтвердились опасения относительно аналогичного вторжения в Румынию. По его словам, везде господствует мнение, что Запад не станет вмешиваться во взаимоотношения Советского Союза со странами его блока. Стюарт не рекомендовал кабинету принимать каких-либо окончательных решений по обсуждавшемуся вопросу. Правительство последовало его совету: официальных заявлений протеста принято не было. В то же время до минимума были сведены политические контакты со странами советского блока, войска которых участвовали в оккупации Чехословакии, хотя переговоры по торговым вопросам не приостанавливались. Британские аналитики пришли к однозначному выводу, что события в ЧССР не могут

---

⁷ Интересно отметить, что в тот же самый день американский министр иностранных дел Д. Риск встретился с советским послом Добрыниным и протестовал против необоснованных утверждений советской пропаганды о том, что американцы вмешиваются во внутренние дела Чехословакии, утверждений, которые могут послужить предлогом для советской интервенции в ЧССР.

непосредственно угрожать западному союзу. Официальный курс в отношении Чехословакии, определяемый как “здоровый реализм”, по-прежнему оставался выжидательным, и интерес к ней постепенно стал ослабевать [22. S. 352–356].

Что касается коммунистических партий Западной Европы, то они с самого начала симпатизировали политике А. Дубчека. Особенно это относится к компартиям Италии и Франции. 5–7 мая 1968 г. Прагу посетил Генеральный секретарь ИКП Л. Лонго, встретившийся с А. Дубчеком и другими руководителями КПЧ. Обсуждались ситуация в ЧССР и актуальные вопросы коммунистического и рабочего движения в мире. Лонго приветствовал развитие событий в Чехословакии, которое, по его мнению, подтвердило правильность ориентации ИКП на “открытый демократический социализм”. Он выразил удовлетворение по поводу того, что сообщения западной прессы об отходе ЧССР от СССР и социалистических стран являются “реакционными спекуляциями”. На пресс-конференции лидер итальянских коммунистов заявил, что “чехословацкий опыт поможет коммунистическим партиям капиталистических стран в борьбе за новое, молодое, открытое и современное социалистическое общество” [11. S. 227–230].

В начале июля 1968 г. секретарь и член Политбюро ЦК КПСС А.П. Кириленко посетил Италию с целью улучшить отношения между обеими коммунистическими партиями. Обсуждалась и ситуация в ЧССР. Л. Лонго снова настаивал на поддержке “нового курса” в Чехословакии. 15–17 июля делегация ИКП (Г. Пайетта и С. Галлузи) прибыла в Москву, чтобы обсудить вопросы о подготовке совещания европейских коммунистических и рабочих партий. Член Политбюро ЦК ИКП Пайетта вновь говорил о солидарности ИКП с новым руководством КПЧ и рекомендовал руководству КПСС не драматизировать ситуацию в ЧССР. Позиция итальянских коммунистов полностью совпадала с позицией руководителя ФКП В. Роше, с которым Пайетта встречался перед поездкой в Москву. 17 июля руководство ИКП приняло резолюцию по чехословацкому вопросу, подтвердив солидарность с процессом демократического обновления чехословацкого общества и политикой руководства КПЧ. Вместе с тем Праге рекомендовалось соблюдать большую осторожность и постараться “укротить” прессу, выступавшую с раздражавшими Москву заявлениями [11. S. 321].

В. Роше, учитывая наличие в партии довольно сильного догматического крыла, выражал более осторожную солидарность с реформаторскими усилиями Праги. Обеспокоенный резко критическими оценками Москвы в ее адрес и возможностью вооруженной интервенции, он высказал предложение о необходимости быстрее созыва совещания европейских коммунистических партий для обсуждения чехословацкого вопроса. С этим он и отправился в Москву [11. S. 264]. Во время встречи с Л.И. Брежневым 16 июля Роше назвал возможность военной интервенции в ЧССР катастрофой, которую необходимо во что бы то ни стало избежать. Брежнев подробно изложил свой взгляд на развитие ситуации в Чехословакии и заверил Роше в желании СССР избежать “крайних мер”. Генсек ФКП, сообщив о своем намерении посетить Прагу и встретиться с Дубчеком, по-видимому, был впечатлен монологом Брежнева и обещал ему приложить все усилия к тому, чтобы руководство КПЧ “приняло содержание”, направленного ему письма пяти социалистических стран, принятого в Варшаве. (“Скажу Дубчеку: надо разговаривать с советскими друзьями и принимать во внимание, что они говорят”). О предложении Роше немедленно собрать совещание европейских коммунистических партий в записи беседы ничего не говорит-

ся [11. S. 305–309]⁸. Однако уже после переговоров в Москве ФКП выступила с таким предложением, ознакомив с ним другие компартии, о чем 17 июля была оповещена и Прага.

19 июля Роше встретился с Дубчеком и другими руководителями КПЧ в Праге, убеждая их в серьезности ситуации и выражая желание быть посредником в ее разрешении [11. S. 324–330]. В интересах нормализации отношений с КПСС и компартиями других соцстран он советовал взять под действительный контроль партии, прочно опирающейся на рабочий класс в борьбе против правых и антисоциалистических сил, все средства массовой информации – печать, радио, телевидение, говорил о жестоком ударе, который мог бы быть нанесен международному коммунистическому движению разрывом КПЧ с КПСС и компартиями других соцстран. Дубчек, разъясняя линию КПЧ, заверил его, что она не имела и не имеет таких намерений. Одновременно он заявил о несвоевременности и нежелательности в данный момент созыва совещания европейских компартий по чехословацкому вопросу⁹. Хотя Роше уехал из Праги несколько успокоенный, но миссия миротворца, судя по вскоре происшедшим событиям, ему явно не удалась. 23 июля Политбюро ЦК ФКП направило письмо Брежневу, которое в мягко-извинительном тоне содержало отказ поддержать так называемое Варшавское письмо пяти социалистических стран, адресованное КПЧ. Ссылаясь на Заявление коммунистических и рабочих партий в Москве (1960 г.) о принципах взаимоотношений между отдельными коммунистическими партиями и их независимости, французские коммунисты утверждали, что упомянутое письмо нарушает эти договоренности. Указывалось на катастрофические для международного коммунистического и рабочего движения последствия возможной интервенции в ЧССР и необходимость улаживания вопроса путем переговоров и убеждения [11. S. 337–339]. Руководство ФКП официально осудило интервенцию войск стран-участниц ОВД в Чехословакию, хотя это решение не вызвало всеобщего одобрения в партии [23. S. 63].

Итак, официальная позиция Запада осталась, по сути, неизменной и после вторжения войск пяти стран-участниц ОВД в Чехословакию. К такому мнению, пишет Й. Гоппе, пришла преобладающая часть исследователей этого вопроса. «Западный мир, – считает он, и с этим можно согласиться, – хотя и осудил советское вторжение, но одновременно, учитывая интересы своей безопасности, дал понять, что готов, несмотря на чехословацкий кризис, продолжать политику “ослабления напряженности” (*détente*)». Отсутствие явных шагов в поддержку Чехословакии Гоппе усматривает в следующем:

1. Советский Союз напрямую давал понять, что Чехословакия остается одной из составных частей его военно-стратегических и экономических планов. В такой ситуации было заранее исключено, чтобы одна супердержава, т.е. США, политически, а тем более при помощи военной силы, вторглась в сферу прямого влияния другой супердержавы, т.е. СССР.

2. Чехословакия даже в самые напряженные моменты декларировала устами своих ведущих политиков неразрывную связь с советским блоком. Не было никаких признаков того, что она каким-либо образом собирается менять свою

---

⁸ В письме ЦК КПСС ЦК ИКП говорится, что Роше во время пребывания в Москве не вносил такого предложения [11. S. 333].

⁹ Многие западные компартии поддержали эту идею, но КПСС, компартии других соцстран, ИКП, СКЮ, а также КПЧ не согласились с ней, и ФКП 21 июля сняла свое предложение.

внешнеполитическую ориентацию. Согласно американским аналитикам, в этом сказывался политический реализм А. Дубчека и его сторонников, которые осознавали невозможность немедленного поворота страны в западном направлении. Однако, по мнению Гоппе, ближе к истине утверждение, что как убежденные коммунисты и “искренние друзья” Советского Союза, ни о чем таком они и не помышляли.

3. Запад опасался, как бы его даже умеренно сформулированные протесты против советских методов устрашения и давления не вызвали бесконечную череду нападок СМИ стран советского блока на Чехословакию. Открытая политическая поддержка Пражской весны могла бы резко обострить опасность военной интервенции, которую Советский Союз мотивировал бы вмешательством Запада во внутренние дела ЧССР, чего западные правительства чрезвычайно боялись.

К этим более общим доводам “безучастности” Запада к чехословацким событиям 1968 г. добавлялись и другие, более частные, например чехословацкие поставки оружия в Демократическую Республику Вьетнам, против которой США осуществили вооруженную агрессию, неразрешенные экономические претензии американских граждан к ЧССР, связанный с этим вопрос о чехословацком золоте и др. Отсюда и слова, произнесенные западногерманским министром иностранных дел В. Брандтом 1 августа 1968 г. и подхваченные на Западе: “Самое лучшее, что мы можем сделать для Праги, это не делать ничего” [22. S. 338–339].

В заключение отметим, что вышеизложенная картина – это позиция официальных западных кругов. Диапазон общественных мнений был гораздо шире и зависел от политических взглядов отдельных партий, группировок, лиц. Эта сторона вопроса пока еще недостаточно изучена. Наконец, еще одно замечание: официальные заявления, думается, вовсе не означали практическую “безучастность” Запада к чехословацким событиям 1968 г. На деле шаги предпринимались, о чем, в частности, свидетельствует вышеприведенное утверждение Стюарта о размещении войск НАТО вдоль границ ЧССР. Существовало множество неофициальных каналов оказания воздействия на ход событий в Чехословакии: связи по дипломатической линии, чрезвычайно активное западное радиовещание на страну, финансовая поддержка так называемых “антисоциалистических сил”, частные человеческие связи и контакты и пр. Все это, безусловно, улавливалось Москвой и вносилось в копилку аргументов в пользу “исправления положения” с помощью военной силы, тем более, что официальная позиция “невмешательства” Запада во взаимоотношения СССР и ЧССР была советскому руководству хорошо известна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Československo roku 1968. Praha, 1993. Díl 1: Obrodný proces; Díl 2: Počátky normalizace.
2. Benčík A., Domaňský J. 21. srpen 1968. Praha, 1990.
3. Osm měsíců pražského jara 1968. Praha, 1991.
4. Hejzlar Z. Praha ve stínu Stalina a Brežněva: Vznik a porážka reformního komunismu v Československu. Praha, 1991.
5. Kaplan K. Československo v letech 1967–1969. Praha, 1993.
6. Hájek J. 1968: Mezník dějin. Praha, 1994.
7. Belda J., Benčík A., Pecka J. Podíl NDR na intervenci proti Československa v roce 1968. Praha, 1995.
8. Belda J., Benčík A., Pecka J. Polsko a vojenská intervence v Československu 1968. Praha, 1994.

9. *Benčík A., Pecka J.* Madarskáá účast v srpnové intervenci 1968. Praha, 1994.
10. Bulharsko a československá krize 1968. Praha, 1995.
11. Mezinárodní souvislosti československé krize 1967–1970: Prosinec 1967 – červenec 1968; červenec – srpen 1968; září 1968 – květen 1970. Brno, 1995–1997 (Prameny k dějinám československé krize v letech 1967–1970. Díl 4. Sv. 1).
12. Československý vývoj roku 1968, jeho mezinárodní souvislosti a důsledky. Konference. Liblice. 2–6. XII. 1991; Praha – Berlin – Paříž – 1968. Mezinárodní konference. 21.05–22.05. 1993. Praha; Československo a svět 1968 ve světle nových archivních dokumentů. Konference. 18–20. IV. 1994. Praha.
13. Bibliografie českých/československých dějin. 1918–1995. Výběr knih, sborníků a článků vydaných v letech 1990–1995. Praha, 1997. Sv. I; Czech and Czechoslovak history, 1918–1999. A Bibliography of Select Monographs, Volumes of Essays, and Articles Published from to 1999. Prague, 2000.
14. *Валента Й.* Советское вторжение в Чехословакию 1968 г. М., 1991; *Шик О.* Весеннее возрождение: иллюзии и действительность. М., 1991; *Млынарж З.* Мороз ударил из Кремля. М., 1992.
15. *Латыш М.В.* “Пражская весна” 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998.
16. *Мусатов В.Л.* Предвестники бури. М. 1996; *Мусатов В.Л.* Советский Союз и Пражская весна 1968 г. // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М. 2005. Кн. 2.
17. *Пихоя Р.Г.* Чехословакия 1968 год. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1994. № 6; 1995. № 1.
18. *Орлик И.И.* Запад и Прага в 1968 г. По документам архива Министерства иностранных дел Чешской Республики // Новая и новейшая история. 1996. № 3.
19. *Hoppe J.* Od nedůvěry ke spojení a zpět. Československo-rumunské vztahy v letech 1967–1970 // Soudobé dějiny. 1999. № 4.
20. *Šejna J.* We will bury you. London, 1982.
21. *Pelikán J.* Jugoslávie a okupace' Československa v srpnu 1968. Pět dokumentů k srpnovým událostem // Soudobé dějiny. 2000. № 4.
22. *Hoppe J.* Britský pohled na “Pražské jaro” // Soudobé dějiny. 2000. № 3.
23. *Pfeil U.* SED, PCF a “Pražské jaro” // Soudobé dějiny. 2001. № 1.

© 2008 г. В. В. ВОЛОБУЕВ

ВЛАДИСЛАВ ГОМУЛКА И ПОДАВЛЕНИЕ “ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ”. О НЕКОТОРЫХ ВЗГЛЯДАХ ПОЛЬСКОГО ПАРТИЙНОГО ЛИДЕРА НА РЕФОРМЫ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

В интервенции войск Организации Варшавского договора (ОВД) в Чехословакию принимала участие 2-я польская армия (ок. 26 000 чел., 600 танков, 450 орудий), составлявшая примерно 10% сил вторжения [1. С. 251]. Тогдашний первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) В. Гомулка был одним из наиболее ревностных поборников военного решения “чехословацкой проблемы”. Уже в феврале–марте 1968 г., столкнувшись у себя в стране с открытыми проявлениями недовольства интеллигенции и студенческими выступлениями, он демонстрировал беспокойство по поводу проникновения в Польшу “чехословацкой заразы” [2. С. 719]. Возможность вооруженного вмешательства во внутренние дела Чехословакии допускалась некоторыми представителями польского руководства уже в начале мая [2. С. 739], а 5 июля на заседании Политбюро ЦК ПОРП такая перспектива обсуждалась как вполне реальная. Гомулка при этом был раздражен “мягкотелостью” Москвы: «Советские делают это в перчатках. Если бы это зависело от нас, я бы их (чехословацких “контрреволюционеров”. – В.В.) давно переломал...» [2. С. 740–742].

Чем было вызвано такое резкое неприятие чехословацких реформ со стороны лидера ПОРП? Ведь еще относительно недавно, в 1948–1956 гг. Гомулка сам был одним из главных возмутителей спокойствия в социалистическом лагере, а его деятельность, заклеянная как “правонационалистический уклон”, считалась подрывающей единство стран советского блока.

При анализе взглядов В. Гомулки на процесс реформ в Чехословакии можно констатировать существование конгломерата разнообразных идей, которые выстроились у первого секретаря к августу 1968 г. в целостную и взаимосвязанную концепцию. Корень зла Гомулка усматривал в ревизионизме как орудии капиталистической пропаганды. Чем был для Гомулки ревизионизм? В разные годы он не раз возвращался к этому вопросу. При этом налицо была все более нетерпимая и наступательная позиция польского партийного лидера, идущая рука об руку с ужесточением внутривнутриполитического курса в ПНР.

На XIII пленуме (ЦК ПОРП) летом 1963 г. Гомулка кратко заявил, что “ревизионизм в странах, строящих социализм, фактически стремится ликвидиро-

вать марксизм-ленинизм в пользу социал-демократии” [3. С. 73]. На IV съезде ПОРП в июне 1964 г. было дано несколько более широкое понятие: “Ревизионизм в наших условиях – это уступки буржуазной идеологии, пропаганда лозунга свободы для антисоциалистических сил, антимарксистских течений и *оспаривание руководящей роли партии в общественной и культурной жизни страны* (курсив мой. – В.В.)” [4. С. 232]. Пожалуй, самое полное определение ревизионизма прозвучало на V съезде ПОРП в ноябре 1968 г.: «Ревизионизм – это совокупность теоретических понятий и вытекающих из них практических действий, находящихся в противоречии с основополагающими принципами марксизма-ленинизма, ослабляющих и разоружающих рабочий класс и его партию в борьбе с реакцией, с внутренними и внешними врагами социализма. В основе теории и политической практики ревизионизма лежит буржуазная идеология. Его тезисы, как правило, повторяют положения социал-демократических партий в западных странах, они являются адаптацией традиционных аспектов капиталистического строя, которые ревизионисты хотели бы привить социализму... *Ревизионисты подрывают принцип руководящей роли рабочего класса и его партии в пользу свободной игры политических сил, заявляют, что диктатура пролетариата в обществе без антагонистических классов является анахронизмом* (курсив мой. – В.В.). Они стремятся стереть границы между буржуазной и социалистической демократиями, пропагандируя включение в социалистическую демократию буржуазных институтов. Они провозглашают мирное сосуществование социализма с капитализмом в области идеологии. Они стараются ориентировать деятелей культуры и искусства на современные буржуазные образцы литературы и искусства, и таким образом пропагандируют угодничество перед Западом. В философии и социологии они отрицают либо искажают марксизм-ленинизм, пытаясь “творчески” осовременить их воззрениями различных буржуазных “марксоведов” или даже явных антикоммунистов. В экономических науках ревизионисты высказываются за ликвидацию центрального социалистического планирования и замещение его рыночными механизмами...» [5. С. 134–136]. Заметим, что это определение было дано по горячим следам мартовских волнений в Польше и интервенции в Чехословакию.

В чем же тогда заключалась пресловутая “оппозиционность” Гомулки, так ярко проявленная им в 1948 и 1956 гг.? В целом декларировавшаяся им в то время политическая программа сводилась к следующим пунктам: равноправие всех стран социалистического лагеря на основе международной солидарности трудящихся; неприятие культа личности; внутривластная демократия (т.е. открытость партийной жизни, свободные выборы руководства, право защищать свое мнение при условии подчинения решениям большинства); повышение роли Сейма как высшего органа власти в стране. Ни принцип руководящей роли партии, ни национализация промышленности, ни гегемония марксистской идеологии не только никогда не оспаривались Гомулкой, но напротив, считались им основой для успешного строительства социализма. Тех же, кто покушался на этих “священных коров” социалистической доктрины, польский партийный лидер всегда воспринимал как ревизионистов.

Любопытно, в чем Гомулка видел истоки ревизионизма. На XIII пленуме ЦК ПОРП он ясно высказался на этот счет: “Условная сила ревизионизма и сложность борьбы с ним в области идеологии исходят, прежде всего, из общественной базы, которую он находит в мелкобуржуазных слоях и в мелкобуржуазном менталитете” [3. С. 73]. На V съезде ПОРП Гомулка развил эту мысль. По его

мнению, причина распространения ревизионизма лежит “в буржуазном образе мышления и отношении к общественным интересам в разных слоях общества, в особенности тех, которые корнями уходят в многочисленную когда-то в Польше мелкобуржуазную среду ... Ликвидация старой материально-технической базы капитализма не ликвидирует остатков влияния буржуазной идеологии на сознание общества...” [5. S. 135–136, 200]. Другими словами, секрет стойкости ревизионизма лежит скорее не в бытии, а в сознании, в пережитках буржуазного мировоззрения. Именно в силу того, что социалистическое общество с трудом избавлялось от “мелкобуржуазных пережитков” в сознании, страны соцлагеря, по мнению Гомулки, вынуждены были ограничивать у себя демократию. “Любая демократия является классовой, то есть ограниченной для потребностей определенных общественных классов и определенного общественного слоя..., – утверждалось первым секретарем ЦК ПОРП с трибуны IX пленума ЦК ПОРП в мае 1957 г. – Без ликвидации или, по меньшей мере, серьезного сужения идейно-политической базы буржуазии в обществе существует постоянная опасность, что буржуазия воспользуется свободами социалистической демократии, предназначенными для рабочего класса и трудящихся, и станет подрывать народную власть или даже пытаться свергнуть социалистический строй и восстановить капитализм” [6. S. 53–54, 56]. Впоследствии Гомулка неоднократно возвращался к этой теме (см. [3. S. 69; 7. ХІА/275. S. 240; ХІ/1073. S. 13].

Таким образом, первоначальная “крамольная” позиция Гомулки с течением времени сама стала догмой, акцентируя внимание не на борьбе с пережитками “культы личности” и не на равноправии социалистических стран, а прежде всего, на подавлении любой самостоятельной мысли в марксистском движении – на том основании, что она, эта мысль, якобы играет на руку классовому врагу. Такая эволюция произошла, главным образом, потому, что эпоха “ошибок и искажений”, как именовались годы сталинизма, не привлекала к себе после 1956 г. много внимания, чего нельзя было сказать об “обновленческих” идеях в коммунизме. Влияние ревизионизма, именно в своем понимании, Гомулка и увидел в событиях “Пражской весны”.

Все вышесказанное, однако, не означает, что Гомулка полностью предал забвению свои прежние “реформаторские” убеждения. Скорее, в силу потери их актуальности в Польше (после отмежевания от “эпохи ошибок и искажений”) они перенеслись почти исключительно во внешнеполитическую плоскость, и в 1960-е годы наиболее ярко проявлялись в спорах с китайскими и албанскими “товарищами”. Если после 1956 г. Гомулка и обращался к теме “догматизма”, то происходило это опять-таки в связи с его инвективами в адрес “ревизионизма”. Два этих явления, по мнению первого секретаря ЦК ПОРП, имели непосредственную связь. В Польше, говорил он на XIII пленуме ЦК ПОРП, ревизионизм так развился потому, что в 1948–1955 гг. в области подготовки партийных кадров господствовали догматизм, поверхностность и примитивизм [3. S. 72]. Подобное мнение высказывалось им и в отношении чехословацких событий. “Опыт Чехословакии свидетельствует, – указывалось в одной из речей Гомулки в конце июня 1968 г., – что упорное следование догматическим и сектантским ошибкам в политике партии значительно облегчает ревизионистским элементам работу в распространении смуты и дезориентации в сознании не только интеллигенции, но и всего партийного актива” [7. ХІА/331. S. 38]. Другим проявлением “эпохи ошибок и искажений” Гомулка считал совмещение в одних руках партийных и государственных функций. По убеждению польского партийного

лидера, выраженному им еще в 1956 г., подобная практика была глубоко порочна. Поэтому сохранение этой традиции в Чехословакии он полагал косвенной причиной столь бурного всплеска недовольства общества политикой руководства. Польским журналистам Гомулка прямо заявил, что отставка А. Новотного была правильной, ибо линия на объединение партийных и государственных постов не могла привести ни к чему хорошему [7. XI/1073. S. 5].

В силу вышесказанного первоначальная реакция Гомулки на перемены в чехословацком руководстве была в общем положительной. Отчитываясь 10 февраля 1968 г. на заседании Политбюро ЦК ПОРП о своей первой встрече с А. Дубчеком (прошедшей 7 февраля недалеко от г. Острава), первый секретарь заявил: “Выглядит так, что чехословацкая партия до сих пор слишком увлекалась администрированием, навязывала решения государственным органам и другим инстанциям, она чересчур обюрократилась...” Что же касается самого Дубчека, то он, по впечатлению Гомулки, «здро оценивал отношения с Советским Союзом, вопрос кредитов для “третьего мира” и другие проблемы» [2. S. 717].

Однако выступления польских студентов, прокатившиеся по всей стране в марте, вынудили Гомулку резко ужесточить свою позицию. Лозунги, в частности “Вся Польша ждет своего Дубчека”, по всей видимости, заставили польского партийного лидера усмотреть в польских и чехословацких событиях “спланированную акцию зарубежных империалистов при поддержке внутренних врагов”. Наблюдая за разворачивающейся в прессе ЧССР все более острой критикой советско-чехословацких отношений и прежней политики руководства страны, польский лидер увидел в свободе высказываний нарастающую “контрреволюционную волну”, о чем и заявил на дрезденской встрече делегаций пяти компартий Восточной Европы, прошедшей 23 марта [8. С. 63]. 19 апреля в беседе с прибывшим в Польшу командующим вооруженными силами ОВД И. Якубовским он с тревогой сказал, что “контрреволюционные силы явно стремятся сменить существующий в ЧССР строй на буржуазную демократию”. Гомулку, в частности, тревожили деятельность средств массовой информации ЧССР, стремление других чехословацких партий играть самостоятельную роль, лозунг создания легальной оппозиции, попытки восстановить социал-демократическую партию и призывы созвать чрезвычайный съезд КПЧ [2. S. 735]. Обеспокоенность первого секретаря ЦК ПОРП возросла, когда власти Чехословакии отказались выдать разрешение на размещение в стране советских войск, как того добивалось руководство КПСС на переговорах в Москве 4–5 мая [2. S. 738]. Манифест “Две тысячи слов”, опубликованный чехословацкой прессой 26 июня, Гомулка воспринял как один из этапов контрреволюции. На заседании Политбюро ЦК ПОРП 5 июля, посвященном манифесту и письму руководства КПСС в связи с ним, первый секретарь указал на чрезвычайно опасную, на его взгляд, ситуацию, сложившуюся в преддверии чрезвычайного съезда КПЧ. По мнению Гомулки, этот съезд должен был привести к “ликвидации партии и преобразованию ее в партию социал-демократического типа. В новом уставе будут обеспечены демократические права меньшинств, ликвидирован демократический централизм и т.д. Потом объявят выборы в парламент. Это процесс постепенного, эволюционного превращения ЧССР в буржуазную республику” [2. S. 740–741].

На встрече партийных лидеров Польши, СССР, Венгрии, Болгарии и ГДР в Варшаве 14–15 июля Гомулка уточнил: в Чехословакии идет контрреволюция в том смысле, что там пытаются социалистическую экономику увязать с капита-

листической, но угрозы реприватизации в стране нет [7. ХІА/18. S. 272]. Впрочем, это не помешало лидеру ПОРП на той же встрече склонять Л.И. Брежнева к силовому разрешению чехословацкой проблемы [8. С. 167]. Выступая с речью, Гомулка указал на два наиболее тревожных, по его мнению, явления: стремление чехословацкого руководства ориентировать свою экономику на Запад и невозможность КПЧ осуществлять свою руководящую роль в силу раскола партийного руководства на фракции. Это, по словам лидера ПОРП, облегчало реакционным силам работу по подрыву социализма [7. ХІА/18. S. 272–276].

Пассаж о мирной контрреволюции прозвучал и на встрече Гомулки с польскими журналистами 21 августа 1968 г., т.е. в самый день военной акции, причем обосновывался он предельно просто: как существует возможность мирного перехода от капитализма к социализму, так же существует и вероятность обратного [7. ХІ/1073. S. 15]. Дабы утвердить данное положение в партийной идеологии и объяснить его с точки зрения марксизма, в программу V съезда ПОРП был включен пункт о возможности сворачивания с социалистического пути даже при сохранении определенных форм обобществленной промышленности [7. ХІ/1073. S. 4–5].

Существовали и другие причины, не менее важные для первого секретаря, которые могли склонить его к резкому неприятию того, что происходило в ЧССР в 1968 г. Обратимся вновь к Отчетному докладу ЦК ПОРП на V съезде в ноябре 1968 г. “Классовая борьба, неизбежно сопутствующая рождению и развитию социализма, идет не только в рамках отдельных социалистических стран. Ее мировой масштаб вытекает из факта разделения мира на две системы. Поэтому даже полная ликвидация антагонистических классов не приводит к исчезновению классовой борьбы в разных социалистических странах... В политическом кризисе в Чехословакии ревизионизм, целясь в главные теоретические принципы практической деятельности партии, вытекающие из марксизма-ленинизма, сыграл главную роль в открытии поля для наступления явно правых и контрреволюционных сил. Эти силы, действуя фактически единым фронтом с силами ревизионизма, все более решительно толкали Чехословакию на путь отхода от марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, на путь откола этого государства от социалистического сообщества государств Варшавского договора, что вело к изменению соотношения сил в Европе в пользу империализма” [5. S. 199–200].

По мнению Гомулки, ревизионизм подпитывался диверсионной пропагандой “вражеских центров”, которые, понимая бесперспективность прямой борьбы с марксистской идеологией, сделали ставку на ее внутреннее расшатывание под лозунгом научного плюрализма и свободы слова. Кто же был главным рассадником этой пропаганды? Ответ на этот вопрос также содержится в Отчетном докладе. “Руководители ФРГ, отказываясь от войны, должны отбросить и ложную мысль, что [мирное] сосуществование открывает им дорогу к мирной ревизии результатов Второй мировой войны, к нарушению статус-кво в Европе. События в Чехословакии еще раз доказали, как далеко они отошли от этого основополагающего принципа мирного сосуществования. Их новая восточная политика занимает главное место в диверсионной линии мирового империализма, рассчитанной на подрыв и дезинтеграцию сообщества социалистических государств, входящих в Варшавский договор” [5. S. 201].

Получается, что одним из существенных факторов, повлиявших на отношение верхушки ПОРП к “Пражской весне”, было подозрение, что реформы в Че-

хословакии изменяют соотношение сил в Европе в пользу империализма, а конкретно – “германского реваншизма”. Антинемецкая пропаганда вообще занимала видное место в идеологических схемах ПОРП гомулковского периода. Пользуясь тем, что ФРГ на протяжении долгого времени отказывалась признавать новые западные границы Польши, руководство страны постоянно, и не без успеха, поддерживало в населении чувство опасности перед немцами. При этом нельзя сказать, что сама правящая элита ПНР была чужда подобным настроениям. Гомулка, пережив фашистскую оккупацию, а затем проработав на посту министра “возвращенных земель” (т.е. Силезии и Поморья), был очень восприимчив к явным или мнимым угрозам, исходящим от ФРГ. Так, в беседе с К. Йесперсеном 22 мая 1968 г. он откровенно заявил, что если бы не территориальные претензии ФРГ, обстановка в Европе была бы совершенно иной. Какие бы маневры ни предпринимал Бонн, продолжал Гомулка, “нас они не обманут, ибо пока не улажены отношения между двумя немецкими государствами, ни о каких польско-западногерманских соглашениях не может быть и речи” [7. XI/18. S. 56–57]. Даже “новая восточная политика” Бонна, направленная на нормализацию отношений с восточноевропейскими государствами и связанная с именем В. Брандта, в этом контексте воспринималась как очередная уловка “империалистов”, имеющая своей целью внести раскол в ряды стран-участниц ОВД.

“Пражская весна” заставила первого секретаря ЦК ПОРП вновь устремить взгляд в сторону Западной Германии, заподозрив руку “немецких реваншистов”. Уже 17 апреля на встрече в Варшаве с маршалом И. Якубовским он заявлял, что дезорганизация в чехословацкой армии вызывает беспокойство, так как фактически означает открытие границ с ФРГ, а “возможный провокационный удар даже небольших западногерманских сил может вызвать непредвиденные последствия. Поэтому целесообразно разместить на территории Чехословакии советские войска в рамках Варшавского договора” [2. S. 735–736]. В информации ПОРП от 7 мая 1968 г., разосланной всем первичным парторганизациям, также нашлось место “западногерманской угрозе”. Ревизионистская группа в КПЧ, утверждалось там, действует по соглашению с реакционными центрами, управляемыми чужими разведками, что ведет к выходу ЧССР из Организации Варшавского договора и ее тесному сплочению с Западом, а особенно с ФРГ. В силу этого “события в Чехословакии не являются внутренним делом братской страны”, но имеют “принципиальное значение как для безопасности Польши, ГДР и других социалистических стран, так и для позиций социалистических сил в Европе” [2. S. 737; 7. XI/1073. S. 145–148]. Тезис о западногерманской угрозе прозвучал и на варшавском совещании лидеров пяти компартий. “Наше единство, – говорил Гомулка, – фактор столь же важный в борьбе с капитализмом, как и ядерная мощь СССР”. А чехословаки, с возмущением указывал первый секретарь ЦК ПОРП, проводят “какие-то” переговоры с ФРГ и даже не ставят в известность своих партнеров по ОВД (вероятно, имелся в виду проект нового министра иностранных дел ЧССР Й. Гаека о налаживании дипломатических отношений с ФРГ) [7. XIA/18. S. 277–278]. На встрече с польскими журналистами 21 августа Гомулка прямо указал, что процесс отрыва Чехословакии от ОВД, шедший все последние месяцы, усиливал позиции империалистов, а особенно немецких реваншистов, поэтому подавление “контрреволюции” не могло оставаться внутренним делом чехословацкого народа, так как затрагивало интересы его соседей [7. XI/1073. S. 1]. Наконец, в беседе с генеральным секретарем ЦК Румынской компартии Н. Чаушеску в мае 1969 г. Гомулка, обращаясь к событи-

ям “Пражской весны”, эмоционально произнес: “Наша интервенция была сродни нашей помощи Вьетнаму”; румыны не могут этого понять, продолжал он, так как не граничат с Чехословакией, “а у нас гитлеровцы резали людей как уток”, так неужели нужно ждать, когда все это повторится [7. XIA/58. S. 213–216].

Патриотическую риторику, звучащую из уст Гомулки в 1968 г., не следует воспринимать как холодный политический расчет. Во-первых, для Гомулки не меньший вес, чем интересы “международного рабочего движения”, имели также интересы Польского государства, в силу чего он до конца отстаивал концепцию самостоятельного пути Польши к социализму и поплатился за это отстранением от политической жизни в 1948–1955 гг. Во-вторых, в ПОРП вообще наметился в 1967–1968 гг. крен в сторону патриотических лозунгов. Проявлением этого были и “антисионистская кампания”, и речи многих партийных деятелей, делавшие упор на государственные интересы страны и “национальную связь” всего народа [9. S. 286–287, 348–352]. Апофеозом этой “патриотической волны” стал V съезд ПОРП, открывшийся ровно в 50-ю годовщину завоевания Польшей независимости, 11 ноября 1968 г. Выступая с Отчетным докладом ЦК, Гомулка посвятил немало места столь знаменательному событию польской истории. Первый секретарь выдвинул тезис, что независимая Польша может быть только социалистической Польшей, и что “наша партия олицетворяет собой это неразделимое единство интересов трудового народа и польской нации – единство социализма и независимости” [5. S. 23–29]. Поэтому нет ничего удивительного, что покушение на основы строя в соседней стране, да еще находящейся в непосредственной близости с твердыней “германского реваншизма”, Гомулка воспринял как покушение на независимость Польши. Участие польских войск в подавлении “Пражской весны” стало, таким образом, выражением не только догматизма Политбюро ЦК ПОРП, но и стремлением защитить национальные интересы Польши в том виде, как их понимало руководство ПНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Paczkowski A.* Pół wieku dziejów Polski. Warszawa, 2005.
2. *Eisler J.* Polski rok 1968. Warszawa, 2006.
3. *Gomułka W.* O aktualnych problemach ideologicznej pracy partii // XIII Plenum KC PZPR. Warszawa, 1963.
4. IV zjazd PZPR. Warszawa, 1964.
5. V zjazd PZPR. Warszawa, 1964.
6. *Gomułka W.* Węzłowe problemy polityki partii. Uchwały. Warszawa, 1957.
7. AAN PZPR KC.
8. *Латыш М.В.* “Пражская весна” 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998.
9. *Zaremba M.* Komunizm, legitymizacja, nacjonalizm. Nacjonalistyczna legitymizacja władzy komunistycznej w Polsce. Warszawa, 2001.

© 2008 г. М. МИТРОВИЧ

ЮГОСЛАВСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В АНОНИМНЫХ ПОСЛАНИЯХ ЙОСИПУ БРОЗ ТИТО (1956–1966 годы)

Йосип Броз Тито был очень хорошо осведомлен о многом, что происходило в государстве, во главе которого стоял. Хорошо известно, что он получал официальную информацию из различных властных институтов, ОЗНы¹, УДБы², контрольных комиссий, военных, дипломатических органов и пр. Значительно меньше известно о том, что Тито как носитель важнейших функций в государстве имел “прямые” связи с гражданами своей страны. Люди обращались к нему как к маршалу, пожизненному руководителю правительства, генеральному секретарю, “товарищу Тито”. Писали по поводу конгрессов, пленумов партии, важных международных конференций, после возвращения Тито из его многочисленных зарубежных турне, по случаю праздников и т.д.

В безбрежной архивной документации эти обращения граждан зарегистрированы как жалобы, просьбы, анонимные донесения. Можно с уверенностью утверждать, что в 1950-е годы большую часть этих документов Й. Броз читал, комментировал, делал пометки и активно участвовал в решении различных проблем. Позднее, когда число обращений переросло его читательские возможности, различные институции готовили бюллетени, составляли краткие сводки, годовые отчеты, которые передавали ему на рассмотрение.

В качестве исторического источника наиболее интересными представляются анонимные письма, посланные Й. Броз Тито как генеральному секретарю Союза коммунистов Югославии (СКЮ). В них наиболее свободно выражены мысли и, следовательно, наиболее адекватно отражается реальность 50–60-х годов прошлого века. На это обстоятельство обращено внимание во многих обобщениях, которые составляли чиновники, обрабатывавшие корреспонденцию Тито.

Тот факт, что анонимным письмам уделялось серьезное внимание в те годы, говорит сам за себя. По этим документам можно проследить размах репрессий в отношении критиков югославской реальности, степень демократических свобод, гласности и др. Это все является интересной исследовательской темой, но не менее интересной представляется и выбранная нами – отражение югославской реальности в анонимных донесениях.

Митрович Момчило – директор Института новейшей истории Сербии.

¹ Отделение защиты народа.

² Управление государственной безопасности.

В канцелярии генерального секретариата СКЮ в период с 1 октября 1956 г. по 1 октября 1957 г. было получено 105 жалоб, просьб, предложений и анонимных посланий. Последних было девять, из которых четыре относились к жалобам на неправильное руководство на местах, три – предложения и замечания в связи с политической работой и по одной – о невнимании к ветеранам и об инциденте в селе Преко под Задаром (в Задарской гимназии). Все эти донесения были перенаправлены организационному секретариату ЦК СКЮ для проверки [1. IV–2].

Член партии с довоенных времен писал в июне 1958 г. Й. Броз Тито о том, что он приветствует установку партии “в споре с восточными странами”, и считает, что “не приносит пользы, но вредит” то обстоятельство, что печать и радио воспроизводят материалы буржуазной прессы. Для него совершенно неинтересно, что пишет “L’Aurore”, “Deily Telegraph”, “Avanti!” и даже индийская печать и пр. [1. IV–7].

Одно из посланий, пришедших в ЦК СКЮ “в руки Йосипа Броз Тито”, подписано “преданные революционеры”. В нем написано, что самым большим в обществе является вопрос руководящих кадров. Авторы письма указывали, что различные враги рабочего класса и народа, “которые ходили в кумовьях у всех режимов и были сервильны, вновь смогли достичь руководящих постов в нашем обществе”. Их деятельность противоречит развитию производительных сил общества и представлениям “подписантов”. То, что только они определяют политику страны, а все остальные должны подчиняться, приводит в результате к деморализации подлинных строителей социализма и в действительности “отравляет жизнь не только с идейной, но и с материально-вещественной стороны”. В высших органах, таким образом, появилась установка на лихорадочное “великое строительство и инвестирование” и бюрократизм, так же, как и в низших местных организациях власти и производства.

Проводимая в это время, по мнению авторов письма, децентрализация способствовала пополнению органов власти и производства вредителями дела социализма. “В высшем руководстве все-таки находятся отличные коммунисты, здесь нет усташских и других негативных элементов, но мы задаемся вопросом, почему тогда они находятся на руководящей работе в местных органах власти и производства?” Эти “пережитки прошлого” не смогли занять руководящие посты в республике и федерации, но зато они успешно инфильтрировались в низшие органы власти и производства. Они сами о себе говорят: “Отлично, эта спущенная сверху децентрализация льет воду на нашу мельницу, ведь, если бы сохранялась централизованная строгая партийная дисциплина, мы никогда не стали бы руководителями”. В местных органах власти и производства все сильнее проявляется стремление к личному обогащению за счет “уважаемых граждан”, все шире распространяется “мода” на владение машиной, виллой, и все это ведет к взяточничеству и коррупции.

Авторы анонимного послания утверждали, что причиной такого положения вещей является приход к власти представителей усташско-четнических, оппортунистических, корыстолюбивых группировок, часто вовлекающих в свои ряды слабых, “но в душе добрых людей”, которые затем постоянно испытывают угрызения совести и готовы “расплакаться” при встрече со своими прежними однополчанами-революционерами.

“Разве не достаточно, – писали авторы, – что мы были столь гуманны, что простили и в повседневной жизни не припоминаем этим бандитам их сотрудни-

чество с оккупантами и прочими квислингами, или их неучастие в строительстве нового государства. Разве не достаточно, что мы дали им работу и хлеб. Но мы еще даем им и руководящие должности, что противоречит основным законам пролетарской диктатуры”. Другими словами, все, кто в годы войны был уже совершеннолетним, но выступал на стороне оккупантов, или проявлял пассивность, “не должны находиться на руководящей работе”, потому что есть достойные кадры революционеров, а также среди молодежи [1. IV–7].

Примерно в это же время в другом анонимном послании были отмечены нарушения в работе предприятия “Строй” в Загребе: разбазаривание общественного имущества и использование его в личных целях, частные поездки, которые выдаются за командировки, пьянки, прогулы, неисполнение решений рабочего совета, вмешательство в технические вопросы директора, который не имеет профессиональных знаний и пр. Донесение подписано “Ж. Дж.” с примечанием: “Мое имя не нужно знать раньше времени” [1. IV–7].

С 21 июля по 31 октября 1958 г. в генеральный секретариат поступили 62 жалобы, просьбы и анонимных письма. В 25-ти из них сообщается об ошибках в работе руководства – коммунистов, членов местных – общинных и уездных комитетов, руководителей предприятий, в 12-ти содержатся жалобы на партийные взыскания, в 11-ти – прошения о материальной помощи и др.

В анонимном письме из Шековича приводятся примеры нарушений в работе членов общинного комитета СКЮ: прием на работу родственников, растраты, вмешательство в личную жизнь, несправедливое назначение пенсий и выплат награжденным “Медальми за 1941 год”, гонорарная работа пенсионеров и пр. [1. IV–4]. В письме из Дренчи, уезд Крушевац, сообщалось о нарушениях в сельскохозяйственной коммуне, руководитель которой был ранее в четнических отрядах и выступает “против современных порядков”, а бухгалтер – осужден за растраты [1. IV–4]. Жалобы из Загреба на работу директора института агроэкономики и его отношение к рабочим и служащим подтвердились во время расследования дела о растрате на этом предприятии в организационно-политическом секретариате ЦК СКЮ Хорватии [1. IV–4].

С 1 ноября 1958 г. по 30 мая 1959 г. на имя Й. Броз Тито поступило 120 обращений, из которых девять – анонимных. Жалоб было – 14, просьб – 37, предложений – 60. На беседах с Тито настаивало 11 человек. Больше всего нареканий было на работу общинных и уездных предприятий, органов власти, а также отдельных членов ЦК [1. IV–5].

Во второй половине того же года через канцелярию генерального секретариата СКЮ Тито было направлено 87 жалоб, просьб и предложений, из них – 13 анонимных. Семь анонимных посланий сообщали о недостатках в работе и деятельности членов общинных и уездных комитетов партии, органов власти и руководства предприятий и организаций, три содержали просьбы приостановить свертывание частной врачебной практики, а в одном – осуждалась “вражеская сущность по линии Информбюро” [1. IV–6].

В анонимном послании из Сплита говорилось о работе Мате Вуевича – секретаря районного комитета Союза коммунистов Хорватии (СКХ). Сообщалось, что он бесплатно получил мебель, которую затем продал, из 30 выделенных наград взял себе и членам своей семьи – семь (для сестры исколотал “Медаль за 1941 год” и пенсию); на все важные должности назначил родственников и друзей, хотя многие из них не имели необходимой квалификации, а “некоторые участвовали во вражеских формированиях”. Первое, что он сделал – обустроил

свое рабочее место, и намеревается вообще перевести его из Имотрской гимназии в Макарску, чтобы удобнее было учить своих детей. “Народ негодует, но не отваживается выражаться открыто, так как боится возмездия”, – читаем в указанном послании. И хотя по поводу этих обвинений в ЦК СКХ рассудили, что они “не продиктованы добрыми намерениями”, было решено “рассмотреть” дело Вуевича на партконференции [1. IV–6].

Подтвердились, однако, анонимные сообщения из г. Крижа-Кутина, где в народно-освободительном комитете организовывались банкеты и пьянки. Отдельные служащие избивали мирных граждан, а милиция не реагировала. Там не заботились о “старых борцах”, которые, “имея и по четыре награды, были вынуждены разносить и продавать веники” [1. IV–6]. На основании анонимных сообщений с фабрики мостоконструкций в г. Нише из фабричного комитета были исключены секретарь и еще ряд членов, а директор не только исключен из районного комитета СКЮ, но и был осужден на два года заключения.

С 1 января по 30 апреля 1960 г. было получено 99 писем, адресованных Тито, из них пять – анонимных. Восемь человек просило его о личной встрече [1. IV–8]. За весь этот год было зарегистрировано 258 обращений.

В одном анонимном обращении говорилось о проступках секретаря комитета одной из общин Союза коммунистов Загреба; в другом – о поведении председателя народного комитета и секретаря комитета общины Савски венац в Белграде; в третьем – о низком жизненном уровне работников; в четвертом выражалось несогласие с территориальным делением Народной Республики Сербии. Из Винковаца пришло сообщение о положении рабочих, особенно учеников на производстве, которые работали по шесть–восемь часов, а затем еще четыре часа проводили в школе. При этом они не включались в список на оплату сверхурочных часов. Проверка в местных органах подтвердила эти факты.

С 1 января по 30 апреля 1961 г. Тито получил 34 жалобы, просьбы, предложения и анонимных письма. Шесть жалоб было по поводу исключения из СКЮ, шесть – критиковали работу различных руководителей, три – касались различных злоупотреблений, пять – относились к вопросам о ветеранах и три – жалобы на неправильное увольнение [1. IV–9]. Небольшое количество обращений, поступивших в канцелярию за этот период, объясняется долгим пребыванием Тито с визитами в странах Африки.

В анонимном письме из Илияша приводились примеры криминальных действий и нарушений в работе предприятия “Партизан”. По результатам проверки ЦК СК Боснии и Герцеговины пять человек были осуждены на сроки от трех месяцев до 10 лет. Из Ниша указывали на несправедливые наказания членов СКЮ на табачной фабрике из-за растрат в рабочей столовой, среди рабочих укрепилось мнение, что “лучше уж промолчать, хотя бы и сама фабрика загорелась” [1. IV–9].

До августа этого же года на имя Тито в числе 51 обращения поступили еще три анонимных послания, в которых описываются злоупотребления в работе одного из членов ЦК, обвиняемого в присвоении средств от прибыли в сфере туризма и общественного питания, а также получении немотивированно высокой зарплаты.

В последние три месяца 1961 г. из 40 корреспонденций, поступивших в канцелярию генерального секретариата на имя И. Броз Тито, было зарегистрировано шесть анонимных писем. На одном из них Тито написал: “Из этого сообщения видно, что существует много слабых сторон в рассмотрении различных жалоб.

Первое, я считаю, что мы не должны удовлетворяться оценками, которые дают местные, уездные, а иногда и республиканские партийные органы, ведь приходят повторные обращения по тому же самому вопросу. Второе, из этого сообщения мы видим, что существует тенденция к скрытию руководством различных уступок и протекций, которые делаются за счет членов партии – СКЮ, которых обходят. Обо всем этом следует позаботиться и предпринять строгие меры” [1. IV–11].

В 1962 г. количество писем на имя Й. Броз Тито резко возросло. За первые четыре месяца было получено 462 жалобы, просьбы, донесения, а за последние три месяца канцелярия приняла уже 559 писем, из которых 139 были анонимными. Наряду с обычными обращениями, зарегистрированными в более ранний период, появились просьбы о помощи в решении квартирного вопроса (118 случаев), принятии на работу (104), или по поводу увольнения с работы (101) [1. IV–16]. Объяснение факта увеличения корреспонденций можно найти в той политике партии, которая проводилась в этот период. Прежде всего следует упомянуть известное письмо Исполкому ЦК СКЮ, речь Тито в Сплите, Решения IV Пленума ЦК СКЮ, а также дискуссии об изменении Конституции.

К этому же времени относится еще одно явление. В обобщениях, которые составлялись чиновниками канцелярии, стали указываться только инициалы, а не полные имена руководителей тех предприятий, которые критиковались. Так, по поводу А.М. из Панчево говорится, что он снят с должности директора предприятия “Ремонт”, но назначен директором автотранспортного предприятия, снят и с этой должности, но опять назначен – теперь уже директором строящегося молокозавода [1. IV–16].

Проверка анонимного сообщения из Нови-Сада установила, что на автотранспортном предприятии “Воеводина” царили нетерпимость, фамильярность, воровство, групповщина; в результате последовали партийные и дисциплинарные взыскания, снятие с работы и уголовное преследование. Еще в одном из донесений о члене комитета СКЮ общины Бенковац и директоре строительного комбината “Радник” сообщалось следующее: «Купил два виноградника и построил дом, используя услуги предприятия и “спекуляции с частными лицами”». В 1961 г. 65% рабочего времени провел в командировках, строил дома шурина и зятю и т.д.» [1. IV–16]. Аналогичная картина наблюдалась и с директором предприятия “Ядран” в Загребе, и с Туристическим обществом в Вочине, и с “Меркуром” из Брчко, и на кирпичном заводе в Ульне, и на фабрике “Козара” в Земуне и т.д.

По следам анонимного письма организация Союза коммунистов на предприятии “Томос” из Копара лишила директора всех привилегий, объявила ему и его ближайшим сотрудникам строгие выговоры. Председатель общинного комитета Социалистического союза трудового народа (ССТН) в Боре был снят с работы за манипуляции с квартирами и привлечен к партийной ответственности. Похожая судьба ждала директоров столярного предприятия “Звезда” и “Вперед” (Велике-Планы), предприятия общественного питания “Мостар” (Белград), “Поморавья” (Светозарево) и многих других руководителей, со злоупотреблениями которых был ознакомлен Тито.

В середине 1963 г. генеральный секретариат подготовил анализ предложений и прошений, которые поступали на имя Тито как президента страны. Было констатировано, что всего принято 17 898 обращений, а желание личной беседы высказало 7838 человек. Из собственно Сербии было 5815 обращений, Воево-

дины – 2557, Косово и Метохии – 329, Хорватии – 4263, Словении – 1504, Боснии и Герцеговины – 2220, Македонии – 1059, Черногории – 155 [1. IV–15].

В 1965 г. служба писем и обращений приняла 41 121 обращение, в которых граждане обращались в генеральный секретариат президента республики. Больше всего обращений было по вопросам получения работы, производственных отношений, распределения квартир и жилищных споров, социального страхования и судопроизводства. По республикам принятые обращения распределялись так: из Сербии – 10 318 от 7505 человек, Хорватии – 5745 обращений от 1346 человек, Словении – 2160 обращений от 159 человек, Македонии – 1659 обращений от 752 человек, Боснии и Герцеговины – 3117 обращений от 1437 человек, Черногории – 227 обращений от 72 человек [1. IV–19].

По вопросу, связанному с национальными отношениями, поступило анонимное обращение из Мостара, в котором помимо прочего сообщалось: «1. Подтверждаются факты, что происходит оживление шовинизма. Это требует внимания и у нас в Мостаре, и во всей Герцеговине. К этому приводит слабая идейно-политическая работа в массах, с коммунистами, с комсомолом и т.д. К этому прибавляются “соревнование за чины”, слабая работа в школе, в науке, в искусстве. Все это ведет к национальной нетерпимости, разрушению братства и единства, различным политическим сплетням. 2. В деятельности священнослужителей также присутствует соревнование друг с другом. Говорят: “Если могут католики, почему не можем и мы”. 3. Запад затапливает нас своим идейным и культурным воздействием. В особенности это отражается на телевизионных программах, системе образования, проявляется в литературном творчестве» [1. IV–19].

Анонимное сообщение из Земуна, подписанное цифрой “17”, поступило в апреле 1966 г. В нем сообщалось, что создана антикоммунистическая организация “Свобода важнее крови”, в которой оскорбляют самого Тито, называя его неудачником, мучителем сербов, украинским жидом, губителем страны и т.д. [1. IV–19].

К этому же времени относится и донесение, подписанное “Революционер”, в котором утверждалось, что Тито не оправдал полученное им неограниченное доверие. Приводятся следующие причины, приведшие к этому:

«1. Потому, что не взялся за строительство железной дороги Белград–Бар, имеющей жизненно важное значение.

2. Потому, что не был на похоронах покойного Крчуна, “который олицетворял весь сербский народ”, но при этом пошел на похороны покойного Салая».

В донесении также утверждается, что “сербский народ недоволен и молчит, но такое состояние долго продолжаться не может, ... ведь сербы в своей истории сводили счеты с каждым, кто переходил границу их терпения; у нас сейчас погибло много людей, в особенности сербов” [1. IV–19].

Среди сотен писем, жалоб и анонимных донесений, которые Й. Броз Тито получил через кабинет генерального секретариата, партийные органы, общественные организации и др., одно представляется нам особенно показательным. Хотя на нем нет даты, анализируя текст, можно понять, что оно написано между III и IV Пленумами ЦК СКЮ 1966 г. (последний состоялся 1 июля). Оно обнаружено в архивных фондах среди документов III Пленума, который упомянут и в тексте сообщения. С другой стороны, это донесение, помимо Тито, адресовано Владимиру Бакаричу, Михе Маринко, Эдварду Карделю, Александру Ранковичу, Мике Шпиляку, Джуре Пучару-Старому. Документ сопровождается приме-

чением: “Ставим в известность ответственных руководителей, чтобы увеличить вероятность получения Тито этой информации” [2. П/27]. Донесение отправлено и Александру Ранковичу еще в бытность его ответственным руководителем, каковым он являлся до IV Пленума ЦК СКЮ. Это и позволяет датировать сообщение весной 1966 г.

Текст напечатан на одиннадцати страницах и включает в себя ряд оценок и тезисов, которые нашли детальное выражение в документах так называемой “Хорватской весны” конца 1960-х годов. Создается впечатление, что авторы этого письма, подписавшиеся “коммунисты из Боснии и Хорватии”, безусловно, принимали активное участие в “маспок”³, и содержание этого письма послужило для них отправной точкой для антисербской кампании, присутствовавшей в этом движении.

Й. Броз Тито в этом письме называют “товарищ Тито”, извиняясь, что вообще к нему обращаются. Однако авторы указывают, что “ситуация дошла до кульминационной точки”. В первую очередь они имеют в виду ситуацию в межнациональных отношениях, в которую необходимо вмешаться с тем, чтобы “идеи братства и единства, вдохновлявшие народ на освободительную борьбу, получили свое развитие”. “Позвольте вам указать на некоторые исторические факты и на некоторые зачатки кризиса в современной ситуации, а в особенности на развитие великосербской политики”, – указывают авторы на первой странице и просят Тито уделить им некоторое время, с тем, чтобы и он осознал свою ответственность за нежелательные последствия.

Первая ошибка была совершена, по их мнению, сразу же при создании страны. “В то время был принят тезис о том, что первое антифашистское восстание было поднято на территории Сербии, а не на территории Хорватии”. Факты, однако, говорят о том, что коммунисты в Хорватии тотчас после призыва ЦК СКЮ вступили в борьбу, и не спонтанно, а организованно и широким фронтом. Уже 21 июня 1941 г. был сформирован отряд из города Сисака, но государственным праздником было провозглашено 27 июля (день восстания в Сербии) и, “таким образом, Сербия получила возможность стать первой республикой, которая начала вооруженную борьбу с фашистами, хотя исторически это не так”. Из-за этого многие хорватские коммунисты унижены и оскорблены.

Во время массовых празднеств, которые в 1970 г. организовывались политическим руководством Хорватии, тезис о первенстве Хорватии в сопротивлении фашизму стал одной из излюбленных тем.

Границы между республиками были обозначены после освобождения страны, и это было осуществлено также в ущерб Хорватии. У нее был “отнят весь Срем, который в составе Воеводины присоединен к Сербии” [2. П/27].

В приведенных констатациях легко просматривается идея Великой Хорватии, которая не раз появлялась и в XIX и в XX вв. Среди попыток реализации этой идеи – создание усташского Независимого государства Хорватии (НГХ), а также переговоры между Туджманом и Милошевичем, создание Герцег-Босны во время современного югославского кризиса и пр. Тема “Хорватии до р. Дрины” – излюбленная в хорватском национальном движении, она присутствовала и в движении “Хорватская весна” (подробнее см.: [3]).

Анонимные авторы полагали также, что “Босния и Герцеговина были объединены в республику потому, что не смогли провести границу между сербами и

---

³ “Маспок” – (массовое движение) – другое название “Хорватской весны”.

хорватами, но все вновь было осуществлено за счет хорватской нации. И если уж стали создавать автономные образования и края, то возникает исторический вопрос: почему оба автономных края были присоединены именно к Сербии. Было бы логичнее, если бы Косово и Метохия отошли к Македонии, а Воеводина была поделена между Хорватией и Сербией” [2. П/27].

Одним из действующих в то время политиков, который также отстаивал автономию Косово и Метохии в составе Македонии, был Крсто Црвенковски. Рассуждая на тему “Югославская федерация и развитие национальных государственных” в Загребе в 1970 г., он сказал: “Я не вижу перспективы для развития сербов в Хорватии и турок, т.е. албанцев, в Македонии, если они будут настаивать на отрицании хорватской и соответственно македонской государственности. Наоборот, мне кажется, что существует достаточно возможностей для полного равноправия сербов в Хорватии и албанцев-турок в Македонии. Но только в том случае, если и те и другие получают не только уважение, но и полное развитие национальной государственности внутри Хорватии и, соответственно, Македонии” (см.: [3]).

Тезис о неравноправном положении хорватов в Югославской народной армии (ЮНА), а именно – о непропорциональном представительстве хорватов в югославском офицерском корпусе, можно было услышать практически на всех общественных мероприятиях в Хорватии в 1970 г. Об этом пишут и цитируемые нами анонимные авторы: “До 1954 г. из Хорватии очень мало людей могло попасть в академии и другие военные школы. Посылали в основном сербов и евреев, в то время как хорватским юношам отвечали, что кто-то из их родственников был в домобране⁴ или что в настоящий момент нет возможности их принять. Очень мало хорватов-участников войны осталось в качестве действующих офицеров. Большая часть из них должна была по разным мотивам демобилизоваться, поскольку издевательства становились невыносимыми”. Офицеров наказывали за незначительные мелочи по дисциплинарной или партийной линии, им трудно было вступить в партию, и они должны были при составлении документации переходить на кириллицу [2. П/27].

Между тем Д. Худелист, биограф Туджмана, недавно пришел к следующему выводу: «В Югославской армии в течение длительного периода времени существовала своеобразная “хорватская лестница”, во главе которой стоял Й. Броз Тито (президент государства и Верховный главнокомандующий), за ним – Иван Гошник, министр обороны, далее – Влада Янич-Капо и в конце, как относительно маленький винтик в этом относительно сложном армейском механизме, Франьо Туджман (начальник одного из военкоматов)» [4. S. 158].

М. Шпигель в самой последней своей книге, ссылаясь на опубликованные в обзорах “Управление личным составом ЮНА” данные, пишет, что до 1968 г., “до начала значительной сербизации ЮНА, хорваты составляли 15%, а словенцы и боснийцы – по 10% офицерского кадрового состава, что было более чем идеальное соотношение, учитывая долю этих народов во всем населении страны” [5. S. 53]. В тоже время в октябре 1969 г. Мате Мештрович писал, что в послевоенные годы армия, органы безопасности и милиция в Хорватии были в основном сербскими по национальному составу. Он также приводит данные, что на 15% сербов в Хорватии приходится 70% представителей этой нации в составе

⁴ Домобран – добровольческие вооруженные формирования в Хорватии во время Второй мировой войны, выполнявшие в том числе и полицейские функции.

республиканского Секретариата внутренних дел. В государственном аппарате федерации было 80% сербов и 5% хорватов [3. S. 249].

Авторы анонимного сообщения писали далее, что после договора, достигнутого в Нови-Саде, во всех хорватских школах был введен предмет, который получил название “Хорватско-сербский язык”. В Сербии же очень редко употребляется термин “сербско-хорватский язык”, “а говорится только о сербском языке”. Такая же ситуация и в Воеводине, и в Боснии и Герцеговине, хотя там живут не только сербы, но и хорваты. Все учебники в Сербии напечатаны на кириллице. Учебников из Хорватии вообще очень мало. Студенты, получившие диплом в вузах в Загребе, с трудом могут найти работу в Боснии, а также в Воеводине – они якобы “обучались в усташском духе”. “Все это привело к тому, что из многих сел в Среме хорваты переселились в Хорватию, побросав свои дома”. Это обстоятельство, как указывается в послании, может в будущем “иметь далеко идущие последствия, более тяжкие, чем до сих пор” [2. П/27].

Тезис о неравноправном использовании хорватской и сербской версии языка в югославском государстве наиболее полно разработан в Декларации о хорватском языке, которая появилась в печати 24 марта 1967 г., через год после цитируемого анонимного послания. Она была подписана представителями ведущих институтов Хорватии, занимающихся языковой политикой, во главе с “Матицей хорватской”, а также Союза писателей Хорватии. В Декларации, в частности, говорилось: “В нашей стране оживают тенденции этатизма, унитаризма и пр.” Появилась концепция о том, что в реальности роль единого государственного языка отведена литературному сербскому языку. Вопреки принципу равноправия народов и соответственно их языков, такое положение закрепляется путем использования административного ресурса, средств общественной коммуникации (радио, телевидение, печать и прочее), а также путем языковой практики в ЮНА, что находит отражение и в сфере законодательства [3. S. 2]. Декларация требовала законодательно закрепить равноправность всех четырех литературных языков [3. S. 13]. Подписанты вручили декларацию Сабору Хорватии, Союзной Скупщине СФРЮ, а также ее опубликовали. Она вызвала острую полемику как в Хорватии (случай Жанко), так и по всей стране. Многие считали ее началом “маспок”, хотя более точен Мико Трипало, который утверждает, что политическая программа для Хорватии была создана и разработана между 1963 и 1971 гг. [6. S. 304].

В анонимном послании Тито указывается, что самая большая несправедливость по отношению к представителям хорватской нации заключалась в том, что “многие выдающиеся военные, деятели культуры и литературы исчезли из поля зрения жителей Боснии и Герцеговины, Воеводины и нынешней Хорватии”. В то время как другие личности, деятельность которых разворачивалась в Сербии и “имела исключительно великосербские претензии, получили свои памятники, упоминания в учебниках и другие знаки отличия”. В качестве примера приводятся Петар Свачич и царь Душан Сильный. “А еще хорошо известно, – сообщают Тито, – что многие памятники после войны, по какой-то вашей директиве, исчезли в течение ночи; но произошло это только в Хорватии, в Сербии такого не было”. К этому можно добавить и те случаи, когда на памятниках бойцам освободительной войны – хорватам, надписи были сделаны на кириллице. Чаще всего это происходит в Боснии, Лике, Кордуне и Бане, в то время как в Сербии и Воеводине вы не найдете надписей на хорватском языке.

В письме не обошли вниманием и кадровую политику – в Боснии, Воеводине и таких городах Хорватии, как Карловац, Сисак, Осиек, Биеловар. Определяли ее якобы также сербы [2. П/27].

Данные о кадровой политике можно взять из другой депеши Тито из Славонска-Пожеги. Там проживало 29% сербов и 71% хорватов, а из 58 руководящих должностей 48 (или 83%) занимали хорваты, а сербы – до 17%. За период с 1967 по 1970 гг. были сменены 13 руководящих работника, и во всех случаях вместо сербов были назначены хорваты. Из 17 членов общинного комитета Союза коммунистов Хорватии в 1970 г. 16 было хорватов и лишь одна – сербка. И никто из них не был участником войны, и не был даже из семьи “освободителей”. Следует добавить, что в высшем руководстве Хорватии находились тогда преимущественно хорваты: председатель ЦК СКХ Савка Дабчевич, председатель Сабора Яков Блашевич, председатель правительства Драгутин Харамия, председатель Социалистического союза трудового народа Степан Ивич, и только председатель республиканских профсоюзов Милутин Валтич был сербом. Автор послания на имя Тито пишет: “Приношу свои извинения за анонимное обращение к вам, это мне несвойственно. Однако сейчас другого выбора у меня нет. У нас еще свежи в памяти события, когда многие наши товарищи делились своими взглядами в борьбе за истину, но впали в немилость” [2. П/27].

Но вернемся к предыдущему сообщению. “Достаточно быть сербом и выступить на двух или трех важных собраниях, чтобы считаться перспективным и профессиональным, совершенно невзирая на то, какую политическую и профессиональную подготовку человек имеет”. Если кто-то из хорватов был в домбране, “не говоря уж об усташах, с которыми можно сравнивать четников”, то у его потомков перспектив нет. “А если ты был в четниках, то будешь продвигаться по службе, как если бы ты был в народно-освободительном движении”. По мнению анонимных авторов письма, в органах внутренних дел и милиции также преобладают сербы. Хорваты не имеют права петь старые хорватские песни, потому что их за это провозглашают шовинистами и таскают по судам. При этом старые сербские песни считаются “передовыми и национальными”. Похожая ситуация и с религиозными праздниками: если отмечаешь католические, то ты религиозен, “а если крестную славу славишь, то это историческое явление, которое не имеет национальных корней”. Кроме того, судебные наказания для хорватов выше, а для сербов ниже [2. П/27].

Здесь имеются в виду хорватские песни “Вставай Бан Елачич – зовет тебя Хорватия”, “Райская Дева – королева хорватов”, сербская – “Марш на Дрину” [3. S. 101].

Обращаясь к вопросам экономики, авторы цитируемого послания утверждают, что во время распределения инвестиций из союзного бюджета в период с 1955 по 1965 гг. “под видом поддержки слаборазвитых регионов больше всего получала Сербия”. Так, в туризм на хорватском побережье вкладывалось меньше, чем в туризм в Сербии, в то время как это не было рентабельно. В частности, в туристическую инфраструктуру на горе Копаоник “средства вложены, а туристов нет”. Хорватский “Нафта-плин”, например, должен был платить “рабочий вклад”, а “Нафтагаз” из Воеводины – нет. Нефтеперерабатывающий завод был построен в Панчево, хотя экономически это было не оправдано.

Авторы письма также обращали внимание Тито, что во всех крупных городах Хорватии (в документе прилагается список. – М.М.) после освобождения не был построен ни один серьезный объект, в то время как в каждом городе Сер-

бии (список также приложен. – М.М.) построены новые объекты по выпуску продукции общей стоимостью более чем на 5 млрд. динар. На территории Хорватии нет ни одного производства, которое бы превышало по объему продукции аналогичное производство в Сербии. Инвестиционные и другие югославские банки всегда найдут формальную причину для отказа в инвестициях для объектов в Хорватии. А для Сербии не требуют даже документации. Таков пример с регулированием течения р. Моравы, в то время как Сава и далее затопляет огромные пространства. Были выделены также средства для канала Дунай–Тиса–Дунай, бассейна реки Вардар, и только на регулирование течения Савы до сих пор средств не выделено, “а это пошло бы на пользу всем жителям Югославии” [2. II/27].

Позже, в 1969 г., на заседании хозяйственной палаты Загреба доктор Веселица сказал: «Внешние факторы серьезно вредят развитию заградской экономики, в том смысле, что из нее изымают большую часть доходов и не возвращают ни прямо, ни косвенно... Другие центры развиваются искусственными способами, что приводит к “экономическому гегемонизму”» [3. S. 177].

В конце авторы анонимного послания пишут: «Так как мы не считаем свое письмо злонамеренным, то хотели бы предложить и некоторые решения:

А) На территории Боснии и Воеводины, там, где проживают хорваты, должен быть введен хорватско-сербский язык, и ученики должны снабжаться книгами, напечатанными в Хорватии; часть Воеводины и Срема должна находиться под влиянием хорватской культуры; хозяйственные и другие органы на территориях с хорватским населением должны называться на хорватско-сербском языке.

Б) На территории проживания сербского населения в образовательных структурах в обязательном порядке должно быть введено название “сербско-хорватский язык”.

В) В органах внутренних дел и милиции на всей территории Хорватии должен употребляться только хорватско-сербский язык; в этих органах представители хорватской национальности должны быть представлены пропорционально своей численности, так же должно быть в Боснии и Герцеговине и Воеводине.

Г) Косовско-метохийская область должна быть отдана в административное управление Македонии, в силу того, что национальная группа в Косово ближе македонской, чем сербской национальности.

Д) В югославской армии допустим экавский диалект ради единообразия учебников и команд, но должна быть введена латиница. Таким образом армейские кадры не развивались и не воспитывались бы в однопациональном духе. Если же сохранить кириллицу как служебное письмо, то тогда надо ввести иекавский диалект вместо нынешнего экавского.

Е) В союзных, республиканских и местных органах власти, а также на дипломатической службе кадры должны подбираться пропорционально численности нации. Недопустимо, чтобы только одна нация – сербская, могла получать преимущества в руководстве, в особенности в партийных, военных органах, а также в милиции и органах внутренних дел.

Ж) Ввести контроль над системой наказаний и унифицировать наказания, получаемые представителями всех национальностей. Одинаковые наказания – за одинаковые преступления.

З) Исторические личности и события должны получить соответствующее место в истории вне зависимости от того, с какой национальностью они связаны.

И) Поскольку республика Словения ввела регулирование верхнего течения Савы, представляется совершенно необходимым регулирование на всем ее протяжении, иначе в ближайшем будущем это превратится в национальную проблему» [2. II/27].

В анонимном письме из Призрена, направленном лично президенту республики, пишется, что со времен освобождения Призрена в городе не было такой ситуации, как в последние два года. Во главе местного комитета Союза коммунистов, местного профсоюзного собрания и других органов встали в основном учителя “без какого бы то ни было авторитета, дешевые демагоги”. В ранее спокойном городе “начинает возрастать негодование против выскочек не потому, что кто-то кому-то не нравится, а потому, что они не доросли до руководства и не заслужили быть во главе этого населения”. В донесении приводятся имена тех, о ком идет речь, “кто одновременно и волк, и лиса: Круежи Реджеп, Боголюб Динкич, Бора Живгаревич, Йорда Симич, Бесим Коси, Пера Ракич, Якша Шаниевич и Халид Саити”. Письмо подписано группой “сельскохозяйственных производителей” [2. IV/7].

Таким образом, нет сомнений в том, что Й. Броз Тито был очень хорошо осведомлен о “пульсации масс” не только через различные государственные и военные институты, но и через десятки тысяч писем, которые граждане Югославии направляли ему. Жалобы, просьбы, прошения и анонимные донесения приходили со всех концов тогдашней Югославии, начиная с 1956 г. и до смерти Тито. Количество обращений, приходивших на адрес генерального секретариата и других органов власти, ответственных за связь с народом, становилось год от года все больше и, в конце концов, составляло около 50 000 обращений в год.

Мы убедились, что Й. Броз Тито читал многие из этих писем, оставлял свои резолюции на полях и содействовал в решении обозначенных в них проблем. Реакция Тито во многом зависела от того, к какой именно из его должностей апеллировали обращающиеся. Когда к нему обращались как к генеральному секретарю СКЮ, большая часть писем касалась именно работы партийной организации, но иногда граждане обращались и в связи с личными проблемами – прием на работу, жилищные условия, работа судебных инстанций и т.д. Многие видели в таком способе связи возможность решения сугубо частных проблем. С другой стороны, значительное число граждан добивалось личной встречи с Тито, но лишь немного подобных просьб было удовлетворено.

Для нашего анализа мы брали примеры из анонимных обращений, которые сочли в наибольшей степени заслуживающими внимания из всего массива подобных документов периода 1955–1965 гг. Особенно нас заинтересовало анонимное письмо от коммунистов из Хорватии и Боснии и Герцеговины. В нем явно различимы детали программы, которую хорватское руководство продолжило затем продвигать в рамках так называемого “маспок”, во время “Хорватской весны”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Югославии. А. ЦК СКЮ XIX.
2. Архив Югославии (Архив Сербии и Черногории). 507. ЦК СКЮ.
3. *Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N.* Geneza MASPOK-a u Hrvatskoj. Beograd, 1990.
4. *Hudelist D.* Tudjman: Biografija. Zagreb, 2004.
5. *Špegelj M.* Sjećanje vojnika. Zagreb, 2001.
6. *Tripalo M.* Hrvatsko proljeće, Zagreb, 2001.

© 2008 г. С. А. РОМАНЕНКО

“ХОРВАТСКАЯ ВЕСНА” И СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ 1960–1970-х годов

Спустя десять лет после событий в Венгрии и Польше 1956 г., во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов обе средневропейские социалистические федерации – Чехословакия в 1968 г. и Югославия в 1970–1972 гг. – пережили серьезный кризис, связанный с необходимостью экономических, социальных и политических реформ. Одной из центральных проблем, стоявших перед обоими государствами и правившими коммунистическими партиями, был национальный вопрос – необходимость переустройства федерации, которая как форма национального самоопределения перестала удовлетворять родственные, “братские” славянские народы. Однако сразу возникла проблема: возможно ли осуществить эти реформы в рамках “социалистического выбора” или же они логически ведут к “изменению существующего строя” и распаду существовавших государств?

Обе попытки реформирования социально-экономической системы и политического строя потерпели поражение. В Чехословакии реформы А. Дубчека были подавлены войсками государств Варшавского договора, что привело к замене реформаторов, оказавшихся во главе всей Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) и государства. В Югославии президент государства и глава Союза коммунистов Югославии (СКЮ) Йосип Броз Тито сумел собственными силами, не допустив вмешательства извне, нанести поражение реформаторам, возглавившим республиканские партийные организации и учреждения государственной власти, первоначально – не без его поддержки. Хотя нельзя отрицать, что “советский фактор” сыграл значительную роль в разгроме как хорватских “националистов” в 1971 г., так и сербских “либералов” и словенских “технократов” в 1972 г.

Драматический парадокс ситуации рубежа 1960–1970-х годов в Югославии состоял в том, что реформаторские идеи, иногда выходившие за рамки или даже противоречившие официальной доктрине, выдвигали не антититовская эмиграция и не противники коммунизма. Положение Югославии и тенденции ее развития перестали удовлетворять молодое поколение партийных деятелей, т.е. тех, кого Тито воспитывал с особой заботой и тщательностью. В конце 1960-х годов произошла смена поколений в Союзах коммунистов Словении (СКСл), Хорва-

---

Романенко Сергей Александрович – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

тии (СКХ) и Сербии (СКС). На руководящие посты пришли М. Никезич и Л. Перович в СКС, С. Дабчевич-Кучар, П. Пиркер и М. Трипало в СКХ, С. Кавчич в СКСл и правительстве Словении. Им было присуще иное, нежели Й. Броз Тито, Э. Карделю и их соратникам, восприятие марксистской политической науки и окружающего мира. Нараставшие экономические, социальные и национальные проблемы Югославии “молодые” хотели решать по пути демократизации и продолжения процесса национального самоопределения в новых формах.

О “Хорватской весне” и сербских либералах 1971–1972 гг. отечественному читателю практически ничего неизвестно. Причины этого вполне ясны – в СССР объективные исследования югославского опыта, тем более кризиса 1970–1972 гг., были невозможны по политико-цензурным и психологическим причинам. А после 1991 г., после исчезновения с политической арены обеих правивших коммунистических партий и распада обоих многонациональных государств события недавнего прошлого отошли на второй план перед лицом трагического распада Югославии и войн 1991–1995 гг. (см. [1. С. 354–368]).

В отечественной историографии до сих отсутствуют монографические исследования, посвященные кризису 1971 г. Впрочем, это относится практически ко всем важнейшим проблемам истории Югославии 1950-х – начала 1990-х годов. Поэтому приоритет в изучении данной проблематики принадлежит, естественно, историкам Хорватии, Сербии, Словении, Боснии и Герцеговины, а также зарубежным исследователям (см., например [2–9]). По вполне понятным причинам до 1990–1991 гг. в югославской официальной исторической и политической литературе была представлена единственная точка зрения и только одна оценка, основанная на выступлениях Й. Броза Тито и решениях партийных органов разных уровней, прежде всего, начавшегося с совещания Президиума ЦК СКЮ с представителями ЦК СКХ, переросшего в XXI пленум Президиума СКЮ в местечке Караджорджево 30 ноября – 2 декабря 1971 г. При этом негативная оценка “Хорватской весны” была свойственна как представителям СКЮ, по-прежнему придерживавшимся концепции “пролетарского югославизма”, так и последователям концепций сербского этнического национализма. В произведениях исследователей обеих этих групп “Хорватская весна” (или “маспок” – сокращенное название от слов “masovni pokret” (хорв.) – массовое движение) были оценены сугубо негативно как националистическое движение, угроза целостности Югославии (см., например [10. S. 990–991, 1003–1004]).

События в Югославии на рубеже 1960–1970-х годов были первым серьезным общегосударственным кризисом в развитии коммунистического федеративного государства южных славян, поставившим под вопрос и роль СКЮ, и целостность государства, и официальную концепцию “братства и единства наций и национальностей”, восходившую как к традициям югославизма второй половины XIX – начала XX в., так и к “пролетарскому интернационализму”, и само существование федеративного государства. Кризис в межнациональных отношениях был связан с обострением нескольких “национальных вопросов” – словенского, сербского, хорватского и косовско-албанского, каждый из которых имел свои особенности и динамику развития. Финансово-экономические и культурно-языковые требования были важной составляющей национальных требований лидеров “Хорватской весны”.

Кризис СФРЮ и СКЮ второй половины 1960-х – начала 1970-х годов был связан не только с нарастанием внутренних противоречий, но и с развитием

международной ситуации. Существенным элементом и того, и другого были югославско-советские – межгосударственные и межпартийные – отношения.

Характер “Хорватской весны” был двойственным. С одной стороны, это было движение коммунистических реформаторов молодого поколения, стремившихся к большей общественной свободе не выходя за рамки социалистического строя (их возглавляли С. Дабчевич-Кучар и ее товарищи по руководству ЦК СКХ). Оно пришло в январе 1970 г., когда на X пленуме ЦК СКХ при поддержке Тито было провозглашено, что главное сопротивление реформам оказывают “унитаристско-централистские силы”. С другой, – активное участие в “маспоке” приняли антикоммунистические и националистические элементы, занимавшие сильные позиции в обществе “Матица хорватская”, связанные с националистически настроенным крылом хорватской эмиграции. Первые выступали за реформу социалистической федерации, вторые – за создание независимой некоммунистической Хорватии.

Двойственность “Хорватской весны” проявляется в историческом контексте. С одной стороны, ее, безусловно, можно поставить в один ряд с движениями за демократизацию социалистического строя и против подчиненного положения по отношению к СССР в ГДР 1953 г., в Венгрии и Польше 1956 г. и Чехословакии 1968 г. С другой, – она относится и к наиболее ярким проявлениям борьбы хорватского народа за национальную свободу – “весне народов” 1848 г. и подъему хорватского национального движения в 1883 г. и 1903 г.

Провозвестником “Хорватской весны” стали события марта 1967 г., когда исполкомом “Матицы хорватской” была разработана и опубликована “Декларация о названии и положении хорватского литературного языка”, взорвавшая политическую жизнь не только Хорватии, но и всей СФРЮ. Она была поддержана большинством хорватов, ее содержание состояло в следующем: во-первых, за хорватским языком должен быть признан статус, равноправный статусу других официальных языков, существовавших в Югославии – сербскому, словенскому и македонскому; во-вторых – федеративным органам власти вменялось бы в обязанность все законодательные акты публиковать в том числе и на хорватском языке.

Сербские культурные деятели подготовили свой ответ (“Предложения для дискуссии”). Хорватская декларация подверглась резкой критике в официальной печати, а ее авторы и инициаторы были исключены из СКХ (см. [11; 5. S. 513–518]).

Внутреннее развитие Югославии и СКЮ было тесно связано с событиями в социалистических странах, входивших в Организацию Варшавского договора и СЭВ. Не только в Югославии, но и в Чехословакии постепенно обострялись межнациональные и межреспубликанские противоречия, что требовало конституционных реформ социалистических федераций.

Й. Броз Тито, несмотря на публично выраженную поддержку чехословацким реформаторам [10. S. 1042], не без тревоги следил за развитием событий в Чехословакии. Его позиции в 1968 г. по отношению к “Пражской весне” была свойственна та же двойственность, что и в 1956 г. по отношению к восстанию в Венгрии. Что будет с его властью, если поддержку Москвы получают молодые хорватские и словенские партаппаратчики, мыслившие в границах социализма, и если их настроения совпадут по направленности с тенденцией национального самоопределения? Наверняка он задавал себе этот вопрос. Еще в середине 1930-х годов деятели хорватского и словацкого национальных движений прово-

дили параллели между положением хорватов и словаков, соответственно, Югославии и Чехословакии [12. S. 270]. И проблемы власти, и проблемы межнациональных отношений напрямую касались и созданного им “славянского” социалистического федеративного государства, в котором также постепенно нарастали и трудности, и противоречия, и его правящей партии, в которой с течением времени вызревали и поднимали голову реформистские тенденции, требовавшие пересмотра и системы национально-политических отношений в стране. Среди прочего, это отразилось и в студенческих демонстрациях июня 1968 г., идеи и требования которых, выдвинутые их собственной организацией (констатация социального неравенства, безработицы и наличия сильной бюрократии, а также требования улучшения материального положения университетов, равноправного участия студентов в решении актуальных общественных проблем, осуждение появления “кланов” и “монополий” на факультетах и кафедрах, переизбрания всех преподавателей демократическим путем и свободной записи на факультеты), с большой тревогой обсуждались Тито и ближайшим кругом его соратников по Президиуму и Исполкому ЦК СКЮ (подробнее см. [10. S. 956–967]).

В условиях нарастания напряженности в социальных и национальных отношениях внешние события помогли Тито сохранить и укрепить свою власть. Однако он не пошел по пути осуждения “Пражской весны”, предложенному ему из Кремля. Как вспоминает С. Дабчевич-Кучар, в 1968 г. советское руководство хотело, чтобы Тито “образумил” чехов, то есть вел с ними переговоры якобы для того, чтобы избежать военного вмешательства. По ее мнению, это был блеф: план вторжения был уже разработан, и опять, как и в 1956 г., Москва просто использовала Тито для пропагандистских целей [13. Кнж. II. S. 600].

Сам Тито соотносил “Пражскую весну”, по его словам – “прогрессивное движение, ведущее к демократизации не только в Чехословакии, но и во всем Восточном блоке”, – с конфликтом, начавшимся в 1948 г. между КПЮ и ВКП(б), а также с подчиненным Сталину, но имевшим и свои амбиции Коминформом¹. (Точно также он воспринимал и венгерские события 1956 г.) Он, как и все югославское руководство, не только не мог, но и не хотел “образумить” А. Дубчека и открыто поддержал “Пражскую весну” (в отличие от восстания в Венгрии 1956 г.). Когда же его попытка убедить Л.И. Брежнева не вмешиваться в развитие событий потерпела неудачу, Тито был “разочарован и озабочен судьбами мира и отношениями внутри Восточного блока, в котором, таким образом, советская гегемония усиливалась” [14. S. 58].

“Пражскую весну” за Кремлевской стеной оценивали принципиально иначе, чем в Белграде. На заседании Политбюро ЦК КПСС 19 июля 1968 г., возражая председателю КГБ Ю.В. Андропову, считавшему, что руководство КПЧ “борется за свою шкуру”, и защищая свое совместное с генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым (на тот момент – более умеренное) предложение о проведении двусторонней встречи руководства СССР и ЧССР, чтобы попытаться воздействовать на последних чисто политическими мерами, председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин сказал: “[Правые во главе с Дубчеком] борются за социал-демократическую программу. Вот суть их борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, за то, чтобы на первых порах

¹ На мой взгляд, широко распространенное мнение о том, что у Тито уже в 1948 г. была своя собственная, отличная от сталинской, концепция построения социализма, – естественно возникший и сознательно культивируемый миф более позднего происхождения.

превратить Чехословакию в Югославию, а затем в что-то похожее на Австрию” [15]. К этому можно добавить, что антиюгославские настроения в аппарате ЦК КПСС отнюдь не были изжиты.

Сложности в советско-югославских отношениях в конце 1960-х годов не ограничивались идейными разногласиями. Свое слово сказала и геополитика. В Москву по строго конфиденциальным каналам стала поступать информация о попытках Румынии, Чехословакии и Югославии наладить более тесные связи, выходящие за границы принятых в Восточном блоке межгосударственных и межпартийных отношений. Возникал призрак очередного варианта более не зависимого от СССР объединения стран Средней и Юго-Восточной Европы – не только “славянской (или балканской) федерации”, но и даже Малой Антанты. Свидетельством этого стало заявление Л.И. Брежнева, сделанное им 19 июля 1968 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС: время работает “не в нашу пользу, против нас. Сейчас в Праге ждут приезда Чаушеску и Тито, идет разговор о каком-то дунайском сговоре, дунайской встрече” (цит. по [16. С. 307]). “Правда” 25 августа 1968 г. обвинила Югославию и Румынию в “оказании активной помощи чехословацким антисоциалистическим силам. Именно в Белграде и Бухаресте политические авантюристы из Праги в этот период плетут интриги”. Стремление наладить региональное сотрудничество было для югославского руководства не только и не столько данью исторической традиции, сколько вполне реальными опасениями, что если советские войска войдут и в Румынию, то они будут “развернуты сразу на двух участках югославской границы” – не только на венгерском, но и на румынском направлениях [16. С. 332].

Все это вносило дополнительную остроту в советско-югославские отношения, и без того ухудшившиеся в результате вторжения в Чехословакию армий стран Варшавского договора. В Югославии ожидали, что “тем же ударом” СССР покончит не только с поисками новой государственной политики странами Средней и Юго-Восточной Европы и с “социализмом с человеческим лицом”, но и с югославским “ревизионизмом” или “правым оппортунизмом”, как его называли в советских партийных документах (см. [17. С. 209]). В Кремле, однако, не забывали, что массовые реформаторские движения зачастую начинались с литературных дискуссий, как, например, в Венгрии в 1956 г. и, несмотря на все политико-идеологические расхождения, вовсе не хотели смены “родственного” им вопреки всему режима Й. Броза Тито.

Москва не могла не учитывать и нормализацию китайско-югославских отношений. «До мая 1968 г. китайская пресса вообще замалчивала существование Югославии, а в мае даже произошел всплеск антиюгославской пропаганды в связи с негативными оценками президентом Тито “культурной революции”. Начиная с 1970 г., процесс улучшения китайско-югославских отношений набирал быстрые темпы. В 1970 г. КНР и СФРЮ обменялись послами (до этого в течение 12 лет они поддерживали дипломатические связи на уровне временных поверенных в делах). В июне 1971 г. состоялся визит в КНР правительственной делегации СФРЮ во главе с государственным секретарем по иностранным делам М. Тепавцем» [18. С. 470]. Однако реформистское крыло СКЮ, в том числе и будущих лидеров “Хорватской весны”, не вдохновлял не только советский, но и китайский опыт социалистического строительства.

Над отношениями двух партий и стран вновь стали витать призраки 1948–1953 гг. и поздней осени 1956 г. В очередном письме Л.И. Брежнева от имени ЦК КПСС, посвященном позиции югославских товарищей (17 октября 1968 г.),

содержались и стандартные обвинения югославской стороны в отходе от “марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма”, и резкая критика “непрекращающейся в СФРЮ кампании против Советского Союза и других социалистических стран”. “В вашей стране, наряду с извращением сущности событий в Чехословакии активно распространяются провокационные и безосновательные измышления об угрозе нападения на Югославию со стороны социалистических государств” [19. S. 13]. Письмо закачивалось обычными уверениями в том, что СССР заинтересован в сотрудничестве и позитивном развитии двусторонних отношений. Советская печать также либо замалчивала события в Югославии и точку зрения ее руководства на внутреннюю и внешнюю политику СССР, либо представляла ее в далеком от реальности виде.

Дополнительную остроту советско-югославским отношениям в тот момент придавали два обстоятельства. Во-первых, руководство КПЧ, опасаясь интервенции, передало Президиуму ЦК СКЮ стенограмму своих переговоров с советским руководством в городке Чиерна-над-Тисой. Во-вторых, американские дипломаты проинформировали правительство СФРЮ, что в случае непосредственной опасности для Югославии США окажут ей помощь [20. S. 104; 19. S. 40]. На советско-югославские отношения неизбежно накладывалась и калька “холодной войны” – идеологического и военно-политического противостояния двух блоков.

Спор вокруг Чехословакии для СССР и СФРЮ стал политическим конфликтом в борьбе за сферы влияния в Средней и Юго-Восточной Европе, а для КПСС и СКЮ – идеологическим столкновением вокруг трактовки “ленинизма” и “сталинизма”. О свойственной в те годы как политикам, так и интеллектуалам в Югославии попытке отделить Ленина от Сталина и противопоставить их друг другу свидетельствует одна из фотографий Белграда в августе 1968 г.: на одном плакате под портретом Сталина было написано: “Он бы так поступил!”; на соседнем, под портретом Ленина надпись утверждала: “Он бы так не поступил!” [19. S. 80–81].

В Югославии начала создаваться атмосфера истерии. Председатель Исполкома СКЮ Миялко Тодорович наряду с советской политикой публично резко раскритиковал и генерала Раде Хамовича, только в конце 1967 г. сдавшего пост начальника Генерального штаба Югославской народной армии (ЮНА), за то, что тот не прервал свой отпуск в Дубровнике и не оказал помощь Генштабу в проведении мобилизации и развертывании сил на северо-восточном направлении. Вскоре после этого генерал был уволен из армии и долгое время подозревался в “работе на русских”. Однако главной целью выступлений некоторых политиков, как считает бывший союзный секретарь по делам обороны Бранко Мамула, был сам президент Тито, не допускавший вмешательства партийных функционеров в руководство армией [21. S. 27–28; 19. S. 34]. Кроме того, совсем немного времени прошло после снятия со всех постов А. Ранковича [3. S. 350–353; 22. S. 252–259].

Создавшуюся в Югославии осенью 1968 г. атмосферу ярко характеризует история с задержкой в белградском аэропорту Сурчин самолета Аэрофлота под “благовидным” предлогом. Как вспоминает бывший сотрудник югославской секретной службы и дипломат М. Трешнич, Тито якобы сообщили, что этим обычным пассажирским рейсом в Белград будет доставлен “штаб сил вторжения войск Варшавского договора, который из советского посольства в Белграде будет руководить вторжением в Югославию”, как это было в Чехословакии.

Поэтому выход пассажиров из самолета был задержан, что позволило югославским спецслужбам проверить поступившую (дез)информацию [23. S. 63–66].

Сам же М. Трешнич (да и он ли один?!) фактически воспринимал СССР как фашистскую Германию: “Если будет война, я опять буду знать свое место в строю, как это было в тысяча девятьсот сорок первом” [23. S. 61]. По всей стране проходили многотысячные митинги протеста против действий СССР и его союзников и солидарности с народом Чехословакии. Эти события еще больше осложняли советско-югославские отношения.

В. Мичунович, вновь назначенный послом в СССР и прилетевший в Москву поздней осенью 1969 г., едва сойдя с трапа самолета, на себе почувствовал резкую перемену в отношении к Югославии по сравнению с 1956 г. Не говоря уже о резких спорах по принципиальным идеологическим и геополитическим вопросам, советская сторона пользовалась и тактикой “мелкого фола”, унижая югославских дипломатов, часто себе же во вред (например, послы СФРЮ долгое время не могли добиться приема у высших руководителей или вручить Л.И. Брежневу личные и срочные послания президента Й. Броза Тито). Впрочем, в ноябре 1969 г. антиюгославская кампания в советской печати в связи с позицией СФРЮ и СКЮ по отношению к событиям в Чехословакии и IX съездом СКЮ была свернута, но недовольство югославской прессой со стороны советских руководителей высказывалось при каждом удобном и неудобном случае [19. S. 37–38, 65, 72].

Раздражение Москвы против политики СКЮ и СФРЮ вновь возросло в 1970 г. в связи с решениями Первой конференции СКЮ и визита в СФРЮ (в том числе и в Хорватию) президента США Ричарда Никсона.

В июле 1970 г. председатель Союзного исполнительного веча (правительства) СФРЮ М. Рибичич посетил Москву, где был принят председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным, который сказал, что югославы смотрят на свет идеалистически только в теории, а на практике колеблются между блоками и используют обе стороны. В доказательство своих слов Косыгин привел точную цифру, сколько миллионов долларов было получено от Вашингтона и размер долгов Западу и пророческим тоном добавил, что государство, которое легко делает долги, оказывается в трудном положении. Слова Косыгина имели результат, обратный ожидаемому, считает современный словенский историк Й. Пирьевец – Югославия постаралась укрепить связи с Западом и свою роль в Движении неприсоединения [22. S. 314].

Идеологическое соперничество между Москвой и Белградом в коммунистическом движении и геополитическое – в Средней и Юго-Восточной Европе, начавшееся во второй половине 1940-х годов, продолжалось и в 60–70-е годы XX в. «Югославия не принадлежала к числу покорных русских сателлитов, – пишет С. Дабчевич-Кучар. – Югославию Москва рассматривала как своеобразную “тампон-зону” по отношению к Западу» [13. Кнj. II. S. 597–598].

К тревожным событиям в Москве отнесли и прошедший 14–17 января 1970 г. в Загребе X пленум ЦК СКХ, опубликование в Загребе полного текста секретного доклада Хрущева на XX съезде КПСС [24] и появление “Исламской декларации” Алии Изетбеговича, распространявшейся нелегально, но тогда все же не оказавшей большого влияния на национальное движение боснийских мусульман и косовских албанцев (см. [25; 3; 5; 6; 22]). Нельзя было игнорировать и постоянных оппонентов из эмигрантского – прежде всего сербского и хорватского лагерей, разделенных на радикальных националистов, исповедовавших идеи мо-

ноэтнических государств и немногочисленных демократов-югославистов (см., например [26]).

Дополнительный драматизм событиям 1971–1972 гг. придавала неразрешенность проблемы со все еще существовавшей в СССР югославской “революционной эмиграцией”. Еще в 1969 г. глава СКС М. Никезич следующими словами охарактеризовал политику и методы “информбюровцев”, в конфликте 1948–1955 гг. сохранивших верность Сталину: «Они будут считать, что ослабляют нас изнутри. Поэтому я считаю, что более чем когда-либо с 1948 г. происходящее сейчас будет советским вмешательством, чтобы нас продырявить изнутри. И они пойдут на все возможные комбинации. Они скажут в Хорватии – нет судостроения без заказов в СССР. Черногорцам они скажут: ваш алюминий и все остальное, ваши перспективы связаны с нами. Сербским националистам они скажут: ваше положение было бы совсем иным, если бы Югославия опиралась на Советский Союз; тогда вы были бы “главной нацией” наподобие того, как русские являются “главной нацией” в СССР... Сербские националисты могут симпатизировать или не симпатизировать русским, но русская модель организации государства должна быть им близка. Они не должны хотеть видеть русских в Белграде, но такое стечение обстоятельств, как внешнеполитическое, так и внутриюгославское, которое обеспечило бы более сильное русское влияние, они должны учитывать. Таким образом, я считаю, что русские будут присутствовать в гораздо большей степени, и это надо иметь в виду в наших схватках... Важен тот факт, что у нас все еще существует база государственного социализма» [27. S. 126–129].

Безусловно, ни Й. Броз Тито, ни Л.И. Брежнев, принимая решения в 1971 г., не упускали этот существенный с политической точки зрения фактор из виду. Немногочисленная община югославских коммунистов, принявших в 1948 г. сторону Сталина и оказавшихся в СССР, довольно продолжительное время оказывала негативное влияние на взаимоотношения двух партий и государств, считая себя “просоветской” альтернативой курсу СКЮ и СФРЮ. Политическое наследие 1948–1953 гг. в значительной мере было преодолено только в 1975 г., после визита в Москву идеолога СКЮ Э. Карделя. 27 ноября 1975 г. “Правда” в передовой статье за подписью “И. Александров” (псевдоним высшего руководства КПСС), резко раскритиковала «различные эмигрантские группировки и отдельных ренегатов, как в самой Югославии, так и за ее пределами, которые демагогически пытаются представить себя в качестве “самых верных” последователей социализма в СФРЮ, а в действительности борются против политики СКЮ и единства народов Югославии в борьбе за социализм» [28. S. 248].

Отражением нараставшего кризиса национально-политического устройства стали и предложенные изменения в конституции СФРЮ, бурно обсуждавшиеся и принятые летом 1971 г. [10. S. 975–981].

Примерно в это же время в Сербии формируется концепция реформистского движения в рамках СКЮ. 10 января 1969 г. на семинаре в белградском Институте политических исследований новый глава СКС М. Никезич, отвечая на вопрос о “советской теории и практике национальной независимости”, в частности, сказал: “[Русские] сейчас выдвинули теорию, поскольку каким-то образом им надо легитимизировать то, что они совершили. Но не только то, что они совершили в Чехословакии, но и то, что они совершали уже в течение многих лет... У них со всеми странами Восточной Европы, социалистическими странами, происходил конфликт, в тот или иной момент, когда кто-то пытался в большей или мень-

шей степени эмансипироваться. Но эмансипироваться не для того, что бы выйти, не за рамки социализма, поскольку в конце концов социализм остался сущностью всех этих обществ... Они стремились эмансипироваться от неравноправных межгосударственных отношений. В этом вся суть. Любому, кто пытался из этого высвободиться, говорили, что он занимает антисоциалистические позиции. Поскольку ведущей силой социализма является Советский Союз, быть против Советского Союза то же самое, что быть против социализма. И такое же клеймо ставили и на целые партии, и на любое движение, которые стремились к изменению этих взаимоотношений в направлении равноправия”.

Отвечая на связанный с предыдущим вопрос о том, как в современной теории и практике ставится вопрос борьбы за национальный суверенитет при социализме, М. Никезич заметил: «Мы и сейчас убеждены, что только социалистическая революция может решить национальный вопрос. Но тот факт, что только она может его решить, не означает (и практика это подтвердила), что она, только потому, что произошла, тем самым и решила этот вопрос. Революция произошла в целом ряде стран, где сохранились неравноправные отношения между нациями. Например, чехи и словаки, нации экономически, культурно и социально наиболее развитые, после новой революции решили первый раз создать федерацию. И надо сказать, что “старшие братья” смотрели на эту федерацию с одобрением, хотя сам Советский Союз также является крупной федерацией, но федерацией особой. Не хочу говорить об особом положении, которым обладает русская республика, РСФСР. Откровенно говоря, особое положение занимает и русская нация. Да и Сталин этого не скрывал» [27. S. 118–119].

Описывая ситуацию, сложившуюся в СФРЮ и СКЮ в 1971–1972 гг., Л. Перович характеризует ее как “попытки демократизации партии, которые впервые после Джиласа, привели к внутренним дискуссиям и оформлению различных течений... Но разрыв со Сталиным в партии никогда не был ясно проартикулирован. Это отвечало и тем, кто удовлетворился организационной независимостью, и тем, кто стремился идеологически дистанцироваться. И догматики, и реформисты с полным правом ссылались на одни и те же источники и одну и ту же линию... Демократическая ориентация осталась в тени господствующей концепции, выросшей из того же корня, что советский строй” [29. S. 424].

Все это не могло не встревожить Кремль. СССР проводил антиюгославскую кампанию под лозунгом “общего кризиса в Югославии из-за роста международных противоречий и национализма”, что официально объяснялось “озабоченностью за целостность и безопасность Югославии”. Тито на встречах высших руководителей страны в самом узком кругу говорил об опасности интервенции со стороны СССР. Советские руководители все более открыто сравнивали Югославию с Чехословакией периода “Пражской весны”, упрекая Тито за поддержку А. Дубчека. Вовсю использовалась концепция “ограниченного суверенитета”, которую распространяли и на Югославию. Это сопровождалось ссылками на решения Ялтинской конференции 1945 г. и передвижением войск около границ Югославии. Как пишет С. Дабчевич-Кучар, советская пропаганда активнее всего действовала в Сербии, Черногории и части Боснии и Герцеговины. Активную роль в распространении советской позиции, по ее мнению, играли Дом советской культуры в Белграде, а также бывшие информбюровцы. С советской стороны также активно критиковались планы конституционных реформ СФРЮ, а руководство ЦК СКХ изображалось “западной агентурой”. Распространялись слухи, что руководство хорватских коммунистов,

лидеры “Хорватской весны” связаны с ұсташской эмиграцией [13. Кнј. II. S. 601–603].

Среди “прозападно настроенных” деятелей СКЮ упоминались даже В. Бакарич и Э. Кардель, а также такие партийные руководители, как М. Никезич, Л. Перович, К. Црвенковски, М. Трипало и С. Дабчевич-Кучар [30. С. 20, 88]. Впрочем, “либерал”, “реформатор” и “борец со сталинизмом” Э. Кардель называл хорватское руководство тех лет “дубчековцами” и “контрреволюционерами” и повторял: «Лучше русские танки в Загребе, чем ваша “дубчековщина”». Все это подтверждает мысль М. Джиласа о том, что “титоизм, титовский марксизм по своей функции ничем не отличается от марксизма или марксизмов в остальных коммунистических странах – он освящает и обосновывает власть” [30. С. 57].

Главный редактор “Правды” М.В. Зимянин заговорил об “интернациональном долге”, о разжигании националистических страстей и разрушении Югославии как единой социалистической страны, о стратегическом значении Югославии для СССР, об оппозиции Тито, которая является средоточием антисоветизма и антикоммунизма. “Спокойно наблюдать за распадом Югославии – значит предать принципы интернационализма и принципы Маркса и Энгельса”, – заключил один из главных идеологов КПСС [13. Кнј. I. S. 560].

30 апреля 1971 г. Брежнев позвонил Тито на о. Бриони во время пленума ЦК СКЮ. Он “выразил озабоченность ситуацией в Югославии, где, по его мнению, основы социализма и единство государства находятся под угрозой”, и предложил помощь во имя спасения социализма в стране. Когда Тито сообщил об этом, в зале наступила мертвая тишина. Собравшихся, не забывших ни 1948 г., ни 1956 г., ни интервенцию в Чехословакию, словно “сразил удар молнии”. Имевший большой опыт общения с советскими руководителями Тито не растерялся и пригласил Брежнева приехать в страну и самому оценить обстановку. По его словам, он твердо сказал: “Мы свои проблемы решим сами” [13. Кнј. I. S. 561] (см. также [29. S. 251]). Но объективно этот звонок помог ему в борьбе с представителями “реформистских” течений в СКЮ, до того пользовавшихся его поддержкой или, хотя бы именем, и грозивших стать реальной оппозицией. Тито заявил, что в сложившейся обстановке необходимо единство партии, поскольку “без СКЮ наше содружество и наша общность не выживет и не сможет развиваться”².

Особой проблемой были взаимоотношения между хорватскими и сербскими реформаторами. Особого доверия между ними не было, не говоря уже о сотрудничестве. «В конце заседания, к нам пришла Савка Дабчевич-Кучар, – вспоминает Л. Перович. – Она мне сказала: “Вы нам очень помогли”. “Но поймите и вы нас”, – ответила я. “Кое-кто, – продолжала она, – действует и против нас и против вас”. Кажется, что они (руководство СКХ. – С.Р.) только тогда поняли, что сербы (руководство СКС. – С.Р.) не имеют ничего общего с “заговором” (против руководства СКХ. – С.Р.)... Решения Семнадцатого пленума Президиума СКЮ были опубликованы 3 мая 1971 г.» [29. S. 251–252].

Этот эпизод затронул самые основы югославской политики и политической системы того времени. Сам Тито воспринял звонок из Москвы и как отражение деятельности “некоторых офицеров, которые ждут советскую интервенцию”, и той части его белградского окружения, которое “считало, что его время истек-

---

² Некоторые функционеры СКЮ предполагали, что звонок Брежнева придумал сам Тито. Однако, скорее всего, этот звонок действительно имел место (см., например [23. S. 163–165, 172–179]).

ло” и критиковало его за “прорусскую политику, вспоминая визит в Москву в июне 1967 г. по приглашению Л.И. Брежнева для обсуждения со странами Варшавского договора вопроса о военной помощи Египту [14. S. 244; 22. S. 302].

Давление нарастало. 8 июля посол СССР в Югославии В.И. Степаков посетил Тито на о. Бриони. 24 июля последовало личное послание Брежнева Тито. 18 августа югославского лидера в его резиденции на Бриони посетил поверенный в делах Д. Севьян. Апогеем этого давления стал визит в Югославию Л.И. Брежнева 22–25 сентября 1971 г., когда переговоры Й. Броза Тито с Л.И. Брежневым продолжались с глазу на глаз в течение нескольких часов.

В самом начале официальных переговоров советская делегация выдвинула свои “семь пунктов” – углубление политического сотрудничества и преодоление всех разногласий; развитие экономических отношений; расширение сотрудничества с СЭВ; углубление межпартийного сотрудничества, в особенности в борьбе против империализма и колониализма; усиление совместного сотрудничества с развивающимися странами; наблюдение за прессой, чтобы не допускать слишком критических материалов друг о друге, поскольку у обеих сторон есть сильные и слабые стороны; и, наконец, о принятии позиции советской историографии относительно национально-освободительной борьбы народов Югославии во время Второй мировой войны. При этом Л.И. Брежнев утверждал, что “деятельность информбюровцев” практически прекращена. Он чуть ли не “со слезами на глазах” опроверг и “распространяемое в Югославии мнение о том, что Советский Союз намеревается [на нее] напасть” [14. S. 113, 288].

Возможно, у этих переговоров был и еще один, третий план. На первый взгляд трагикомический случай произошел в августе 1971 г. В. Мичунович обсуждал с Л.И. Брежневым ситуацию в Югославии. Советский генсек (как утверждает Мичунович), имея в виду осевших в СССР югославов, сказал: “СССР никогда не поддерживал этих усташей”. Лишь присутствовавший на переговорах сотрудник ЦК КПСС, большой знаток Югославии Ю.П. Островидов помог разъяснить недоразумение и избежать опасного конфуза в и без того натянутых отношениях [19. S. 134–135; 23. S. 171–179].

Однако этот эпизод имел более глубокий подтекст, поскольку в Сербии в тот момент все чаще начали распространяться высказывания о том, что “хорватских националистов поддерживает Москва, которая хочет вызвать распад Югославии, разделить сербский народ и укрепить свои позиции на Адриатике” [22. S. 296]. Основанием для этого стало открытое письмо одного из лидеров правого крыла хорватской эмиграции Б. Елича одному из руководителей СКХ В. Бакаричу, в котором он утверждал: “Нам нечего ждать от Запада, но мы можем рассчитывать на помощь Советского Союза. СССР считает, что хорваты, как и любой народ, имеют право на независимость” [22. S. 298]. Позднее, как утверждает С. Дабчевич-Кучар, стало известно, что это было результатом деятельности некоторых функционеров СКЮ и спецслужб. Впрочем, на словах они были готовы принять помощь и от США. Однако, по ее мнению, «в то время никакая русская помощь в деле независимости Хорватии для нас (лидеров “Хорватской весны”. – С.Р.) была неприемлема, поскольку [мы] считали советскую модель коммунизма еще хуже нашей, также несовершенной!» [13. Кнj. I. S. 160, 181] (см. также [7. P. 195]).

М. Трешнич утверждал, что в августе якобы “проговорившийся”, а на переговорах в Белграде 22–25 сентября 1971 г. “отлично подготовленный Брежнев категорически опроверг слухи о том, что советские граждане поддерживают

контакты с усташской эмиграцией” (см. [23. S. 164, 171–179; 19. S. 147; 31. С. 95]). Несмотря на непримиримость, версии хорватских сторонников “весны” и сербских ее противников сходились в одном – в ответственности СССР. Разница состояла лишь в том, что первые возлагали на Советский Союз вину за поражение движения, а последние – за то, что оно возникло и достигло столь внушительных масштабов. В то же время, на этих переговорах Л.И. Брежнев подтвердил признание советской стороной Московской декларации 1956 г. [22. S. 315].

После изложения на переговорах советской платформы (в составе официальной делегации СКЮ не было ни одного представителя Хорватии [19. S. 143–156; 14. S. 112])³, Тито пришел к заключению, что “русские нас опять хотят не мытьем так катаньем вернуть в Восточный блок”. Югославская же платформа исходила из идеи дальнейшего развития Белградской декларации. “Брежнев нас немного поругал, но мы уже к этому попривыкли”, – сказал Тито своему окружению. Естественно, в ответной речи он защищал свою внутреннюю политику и пытался успокоить гостя, предлагавшего четыре месяца назад “братскую помощь”: “в Югославии отсутствует дезинтеграция, а национальные права основываются на ленинских принципах. Никто не требует отделения наиболее развитых республик от, например, Черногории. Наши эмигранты на Западе никакие не террористы и не поджигают леса и предприятия”. Тито также опроверг распространенное утверждение, что “исключительно он, Тито, сохраняет единство Югославии”, назвав такими факторами также СКЮ, президиум СФРЮ, и правительство [14. S. 115].

Был затронут и “македонский вопрос”: в ответ на слова Л.И. Брежнева о том, что македонская нация существует, югославский руководитель попросил его “сказать об этом громче”. Позднее сам Тито рассказывал, что на встрече с глазу на глаз советский генсек попросил его во время предстоящего визита в США намекнуть президенту Р. Никсону, что СССР хочет хороших и дружественных отношений с США и согласен при гарантиях Израиля уйти из арабских стран [14. S. 116].

В подписанном после визита заявлении содержались общие слова о верности принципам документов 1955 и 1956 гг. [31. S. 381–385]. Практически ничто не выдало истинного смысла визита и содержания переговоров! Чуть позднее, “в начале октября на Бриони состоялось заседание Исполнительного бюро Президиума СКЮ, на котором присутствовали председатели и секретари республиканских центральных и областных комитетов. Тито сделал доклад о переговорах с советской делегацией. У всех присутствующих чувствовалась известная сдержанность” [29. S. 304].

В Белграде считали, что визит Л.И. Брежнева, а также проведенные 2–10 октября крупнейшие в истории Югославии маневры “Свобода-71” (в них приняло участие около 400 000 военнослужащих и служащих территориальной обороны и была опробована система общенародной обороны – все это способствовало тому, что был отведен меч, висевший над Югославией”. О степени “удовлетворенности” Тито переговорами с Брежневым свидетельствовал и сам факт проведения маневров [9. S. 302; 14. S. 122]. А 28 октября – 2 ноября 1971 г. состоялся ответный визит Тито в США (см. [32. S. 385–387]).

30 ноября – 1 декабря 1971 г. в резиденции в местечке Караджорджево состоялось заседание Президиума СКЮ, 2 декабря перешедшее в его XXI пленум. Ти-

³ Текст совместного заявления см. [32. S. 381–385].

то напомнил участникам о “советских танках”. “Советскую угрозу”, которая в тот момент отнюдь не была политико-пропагандистским штампом, он использовал для сохранения собственной власти и нанес окончательное поражение не только сторонникам “Хорватской весны”, но и в более широком смысле всем поднявшим было голову реформистским силам в СКЮ – хорватским “националистам”, сербским “либералам”, словенским “технократам” [30. С. 88] (подробнее см. [3. S. 354–375; 4; 5. S. 553–668; 8. S. 96–99; 9. P. 98–134; 20. S. 190–202; 33]). Пустить в Югославию советские войска он не мог и не собирался, по его собственным словам, играть роль А. Дубчека [13. Кпј. I. S. 562].

«Сербские либералы восприняли эти действия без воодушевления. Так случилось, что Никезич и Перович не защищали загребских коллег, но протестовали в принципе “против давления сверху»», – пишет словенский историк Й. Пирьевец [22. S. 305–306].

После разгрома “Хорватской весны” руководители СКХ подали в отставку. В Хорватии начались преследования наиболее активных участников “маспока”. Согласно данным М. Трипало, из партии вышло или было исключено около 50 тыс. человек, своих должностей лишились около 5 тыс. экономических и партийных руководителей, по обвинению в преступлениях против государства и народа было осуждено около 2000 человек. Несколько иные данные приводит С. Дабчевич-Кучар – из партии было исключено около 70 тыс. членов СКХ, лишились работы примерно 60–70% руководителей предприятий и партийных функционеров, за три года – с 1969 по 1971 – было возбуждено всего 1449 уголовных дел, а в первую половину 1972 – 3606, причем 2289 приходилось на Хорватию (см. [4. S. 655–656]).

Либеральные (в коммунистическом понимании тех лет) идеи проникли даже в “святая святых” режима – в армию. Это, по мнению адмирала Б. Мамулы, занимавшего в 1970–1980-е годы высшие военные посты, “поставило под сомнение единство вооруженных сил”. Фактически в ЮНА сложились две группировки, но победа, так же, как и в СКЮ, досталась “консерваторам”. Приверженцы “либеральных” теорий вынуждены были один за другим либо выйти в отставку, либо перейти на незначительные должности [34. S. 29–33]. “В 1948 г. в момент столкновения с СССР Тито и узкий круг его ближайших соратников отвергли сталинистские методы, а теперь сами их использовали для того, чтобы нанести поражение силам, возглавлявшим битву за реформы”, – пишет хорватский историк Х. Маткович [3. S. 367]. После этого секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов выразил удовлетворение тем, что “югославские товарищи подавили хорватский национализм и его руководителей” [13. Кпј. II. S. 602–603].

Обобщая рост национализма в ЧССР и СФРЮ, М. Джилас в октябре 1971 г. охарактеризовал их как “бюрократический национализм, свойственный, конечно, в разных национальных вариантах, коммунистическим партиям, даже тем из них, которые не находились у власти”. По мнению югославского диссидента, «бюрократический национализм имманентен коммунизму и переживает свою скрытую эволюцию. Его предшествующей стадией был так называемый “национальный коммунизм”. Этот термин стал использоваться в период конфликта Югославия – СССР». В ситуации начала 1970-х годов “состоялось объединение бюрократического национализма и шовинизма. Партийная бюрократия не эволюционирует, а распадается и по большей части превращается в новые авторитарные структуры” [35. С. 285–286].

В известном смысле в советско-югославских отношениях повторилась ситуация 1948–1953 гг. Советские руководители под лозунгом “пролетарского интернационализма” и “борьбы с национализмом” занимались подавлением либеральных и демократических тенденций не только в своей стране, но и в других “социалистических странах”. Однако в этом случае официальные Москва и Белград оказались по одну сторону баррикад. Кремль не мог допустить победы реформистов в Югославии. Поэтому быстро выяснилось, сколь близки оказались – несмотря ни на что – сталинский “государственный” и титовский “самоуправленческий” – социализм. По сравнению с “реформаторами” Й. Броз Тито для Политбюро явно казался не только “меньшим злом”, но и “своим”, “социально близким”. В то же время, в 1971 г. он учел также “венгерский” и “чешский” опыт не только в отношениях с СССР, но и не позволил выйти из-под контроля событиям внутри своих “собственных” партии и государства. Для полного успокоения Москвы (как, впрочем, и для своего собственного) 5–10 июня 1972 г. Й. Броз Тито посетил советскую столицу уже с официальным визитом, в результате которого “стороны подчеркнули большое значение Заявления от 25 сентября 1971 г. и констатировали, что его реализация уже приносит значительные положительные результаты, что отношения между СССР и СФРЮ стали еще более дружественными” [36].

Заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС А.С. Черняев записал в своем дневнике: «В контексте Никсона прошел у нас и Тито. (Речь идет о визите президента США Р. Никсона в СССР 22–30 мая 1972 г., во время которого, в частности, был подписан Договор ОСВ-1. – С.Р.) Демонстративное радушие, дружба, уважение, даже некоторое почтение к нему – событие примечательное. Английская газета “Observer” писала, что визит означает, что в новой обстановке, когда “великие” договорились о status quo, Тито уже невозможно будет так ловко балансировать между “двумя”, как это он делал 20 лет с лишним. Вот он и сделал выбор (учитывая свои внутренние трудности). Может быть, может быть... Однако, я вижу и другое: отныне югославский ревизионизм перестает быть фактором нашей внутренней идеологической политики. Им теперь можно пугать только на ушко! А ведь Тито не пошел в Каноссу. В своей публичной речи на “Шарикоподшипнике”, опубликованной в “Правде”, он трижды говорил “о самоуправлении”, очень много – о невмешательстве и суверенном праве каждого, один раз, но веско – о разнообразии форм социализма, о социализме вне границ как общемировом явлении, а не как о системе государств, и т.д., и ни разу о заслугах Советского Союза в мировых делах, о советско-американском сдвиге» [37. С. 129].

Естественно, советские руководители и их помощники рассматривали положение в Югославии сквозь призму проблем собственной страны. К 50-летию СССР в декабре 1972 г. был подготовлен доклад Л.И. Брежнева, посвященный в основном межнациональным отношениям. Наличие национальной проблемы было в нем отмечено “в очень взвешенной форме”, как заметил А.С. Черняев. “А между тем – открытый, наглый антисемитизм по всей Украине, да и в Москве тоже, антирусизм в Литве etc. Что-то будет с нашей великой дружбой народов лет через двадцать? Спасение только в выведении благосостояния повсеместно хотя бы на уровень Западной Европы и резкий рывок в сфере культуры народа: она, кажется, в массе образованного населения падает. Иначе выход – в новой диктатуре”, – записывал в свой дневник вполне “диссидентские” мысли А.С. Черняев [37. С. 135].

Этот визит югославское руководство, со своей стороны, считало “концом советской иллюзии о том, что Югославия могла бы отойти от самоуправления и неприсоединения”. Тито решил, что на новой встрече не следует возвращаться ни к обсуждению “открытых вопросов”, ни к тому, что “давно известно как принципы нашей политики”, и надо заранее сообщить “русским, что об этом мы не будем вести переговоры”, что “система самоуправления не является препятствием к хорошим отношениям на ленинских принципах”. Во время переговоров и сам Тито, и секретарь ЦК СКЮ С. Доланц коснулись “проблемы националистических и антисоциалистических элементов в Хорватии”, подчеркивая “укрепление СКЮ, экономическую стабилизацию и дальнейшую демократизацию политической системы”. Доланц упомянул также и о том, что деятельность “информбюровцев” препятствует “сотрудничеству по всем направлениям”, на котором настаивала Москва. В целом югославы были довольны тем, что в отличие от переговоров в сентябре прошлого года, “русские не выдвигали своих требований и не использовали метод давления” [14. S. 139, 141–145].

Как вспоминает Л. Перович, «в начале июня (1972 г.) Тито ездил в СССР. В делегацию входил и Д. Стаменкович. После возвращения он рассказал Никезичу и мне, что Брежнев воздал должное Тито за его энергичные действия в случае с Хорватией, а Тито на это ему ответил: “С этим еще не покончено! Меня ждет Сербия!”» [22. S. 394]. А советское руководство сербский “либерализм”, в отличие от хорватского “национализма”, сильно не встревожил.

И “сербская осень” наступила. 9 октября 1972 г. началось продолжавшееся четыре дня совещание “верхов” СКЮ с участием партийных работников из Сербии и обеих автономных областей – Косово и Воеводины. Линия М. Никезича–Л. Перович потерпела поражение и была осуждена. Оба деятеля подали в отставку. Затем, как и в Хорватии, последовали “чистки”. Работы лишились около 60 тыс. человек – самая образованная часть сербского общества [4. S. 661–664]. Подобные же мероприятия были проведены в Словении и Македонии [10. S. 992–1004].

«В конфликте 1971–1972 гг. потерпело поражение течение в Союзе коммунистов Сербии, квалифицировавшееся как “советофобское”, антититовское, оппортунистическое, техноменеджерское, элитарное. Было сказано, что это был троянский конь классового врага в Союзе коммунистов Югославии, – пишет одна из активных участниц событий тех лет Л. Перович. – Позднее все это вошло в термин “либералы”. Это не было случайностью. Либерализм был известной ересью в международном коммунистическом движении: этим термином всегда обозначали течения, которые тяготели не только к критике деформаций и исправлению системы, но и постепенному пересмотру целей... Для нас, кто сформировался в то время, присоединение к [коммунистическому] движению совпало с разоблачением уродливой сущности сталинизма. Мы верили, что являемся современниками и участниками начала его конца» [22. S. 8–9, 21]. “Тито знал, что мы были лояльны (по отношению к нему. – С.Р.), – продолжает она. – Но нас и нашу позицию он со своей точки зрения чувствовал как позицию противника, поскольку мы, стремясь к изменениям системы, подрывали и основы личной власти. Мы одновременно были и лояльны Тито, и боролись за изменение системы. Наши критики перевернули это с ног на голову: они назвали нас антититоистами, защищавшими систему” [22. S. 174].

4 апреля 1972 г. под давлением Э. Карделя была отстранена от своих должностей и группа словенских “технократов” во главе с председателем правительства Словении Стане Кавчичем [4. S. 661–664].

Подавление реформистских сил, отстранение их от власти и преследования означали окончание периода “демократического правления” Тито.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романенко С.А. Югославия, Россия и “славянская идея”. М., 2002.
2. Djordjevic D. The Yugoslav Phenomenon // The Columbia History of Eastern Europe in the Twentieth Century. Josef Held ed. New York, 1992.
3. Matković H. Povijest Jugoslavije. Hrvatski pogled. (1918–1991). Zagreb, 1998.
4. Šošić H. Slom hrvatskog komunističkog proljeća. 1971. Zagreb, 1997.
5. Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999.
6. Зечевић М. Југославија. 1918–1992; Јовић Д. Југославија – држава која је одумрла. Успон, криза и пад четврте Југославије. 1974–1990. Загреб; Београд, 2003; Allock J.B. Explaining Yugoslavia. London, 2000; Judah T. The Serbs. History. Myth & the Destruction of Yugoslavia. New Haven; London, 2000; Cuvilo A. The Croatian National Movement. 1966–1972. Columbus, 1990; Pavlovitch S.K. The Improbable Survivor. Yugoslavia and Its Problems. 1918–1988. Columbus, 1988; Vujica S.M. Razmat ranja o sadašnjosti Hrvata. Chicago; Ill, 1968.
7. Tanner M. Croatia. A Nation forged in War. Second edition. New Haven; London, 2001.
8. Garde P. Život i smrt Jugoslavije. Zagreb; Mostar, 1996.
9. Ramet S.P. Nationalism and Federalism in Yugoslavia 1962–1991. Second edition. Bloomington; Indianapolis, 1992.
10. Petranović B., Zečević M. Jugoslavija. 1918/1984. Zbirka dokumenata. Beograd, 1985.
11. Deklaracija o hrvatskome jeziku s priložima i deset teza. Drugo izdanje. Zagreb, 1991.
12. Maček V. Vođa govori. Zagreb, 1936.
13. Dabčević-Kučar S. '71: hrvatski snovi i stvarnost. Zagreb, 1997. Knj. I–II.
14. Vrhunec M. Šest godina s Titom. (1967–1973). Pogled svrha i iznutra. Zagreb; Rijeka, 2001.
15. Независимая газета. 14 XII. 2000.
16. Лавренов С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах М., 2003.
17. Улуян Ар.А. Старая площадь и “единая Восточная Европа” в 50–90-е годы. Советская коммунистическая доктрина и геополитика // История европейской интеграции (1945–1994). М., 1995.
18. Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000.
19. Mićunović V. Moskovske godine. 1969/1971. Beograd, 1984.
20. Tripalo M. Hrvatsko proljeće. Zagreb, 1990.
21. Matula B. Slučaj Jugoslavija. Podgorica, 2000.
22. Pirjevec J. Jugoslavija 1918–1992. Nastanek, razvoj ter razpad Karadjordjeve in Titove Jugoslavije. Koper, 1995.
23. Trešnjić M. Vreme razlaza. Od Briona do Karađorđeva. Beograd, 1989.
24. Tajni referat N.S. Hruščova. Zagreb, 1970.
25. Izetbegović A. Islamska deklaracija. Sarajevo, 1990; Filandra Š. Bošnjačka politika u XX. stoljeću. Sarajevo, 1998. S. 229–250; Duraković. Prokletstvo Muslimana. Sarajevo, 1993.
26. Galić M. Politika u emigraciji. Demokratska alternativa. Zagreb, 1990.
27. Nikezić M. Srpska krhkla vertikala. Beograd, 2003.
28. Banac I. Sa Staljinom protiv Tita. Informbirovski rascjepi u jugoslavenskom komunističkom pokretu. Zagreb, 1990.
29. Perovic L. Zatvaranje kruga. Ishod političkog rasepa u SKJ 1971/1972. Sarajevo, 1991.
30. Джилас М. Тито – мой друг и мой враг. Париж, 1982.
31. Вукмановић С. Зашто се и како распала Југославија. Београд, 1996.
32. Balkanski ugovorni odnosi. 1876–1996. Dvostrani i višestrani međunarodni ugovori i drugi diplomatski akti o državnim granicama, političkoj i vojnoj saradnji, verskim i etničkim manjinama. Beograd, 1996. T. I–II. 1946–1996.
33. Sjeća Hrvatske u Karađorđevu 1971. 21 sjednica. Autorizirani zapisnik. Zagreb, 1994; Đukić S. Slom srpskih liberala. Tehnologija političkog obračuna Josipa Broza. Beograd, 1990.
34. Matula B. Slučaj Jugoslavija. Podgorica, 2000.
35. Ђилас М. Пад нове класе. Повест о саморазаранју комунизма. Београд, 1994.
36. Правда. 11 VI 1972.
37. Черняев А.С. На Старой площади. Из дневниковых записей // Новая и новейшая история. 2004. № 5.

ЧЕЛОВЕК “ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ”. ВОСПОМИНАНИЯ ЧЕСТМИРА ЦИСАРЖА

Сорок лет, прошедшие с августа 1968 г., убедительно показали, что “Пражская весна” с ее отрицанием сталинской тоталитарной модели социализма стала знаковым событием второй половины XX в. Она явилась поворотным моментом в развитии этой модели, который завершился развалом СССР и серией демократических революций в сопредельных с ним странах. Именно значимостью “Пражской весны” в развитии социализма на европейском континенте и объясняется устойчивый интерес историков, особенно в Чехии и Словакии, к проблемам развития их некогда общего государства в 1950–1960-е годы. Их усилия концентрировались на том, чтобы выявить внутренние и внешние факторы, обусловившие зарождение реформистских настроений внутри правящей коммунистической элиты и интеллектуальных слоев общества, а также рассмотреть процесс оформления этих настроений в программные требования разработки нового курса на базе соединения идей социализма и демократии путем осуществления реформ в политической, социальной и экономической сферах (см. [1]).

Особое место в работах, посвященных рассмотрению “Пражской весны”, занимают мемуары активных протагонистов реформаторского курса. В 1970–1980-е годы они появились сначала в зарубежных изданиях или в подпольных изданиях “самиздата” [2–4], и только после “бархатной” революции 1989 г. воспоминания непосредственных участников реформаторского движения стали предметом внимания разных издательств Чехии и Словакии.

Сейчас мемуары активных политиков “Пражской весны” наряду с партийными и государственными документами, с прессой тех лет для нового поколения историков являются важнейшими свидетельствами ушедшей эпохи. В них раскрываются не только малоизвестные стороны – “закулинье” противостояния противников и сторонников реформ. Размышления авторов, их оценки, порой весьма жесткий критический анализ конкретных ситуаций и собственных позиций позволяют увидеть, сколь сложным был процесс поисков новой модели социализма, диктуемый необходимостью включения страны в общий контекст мирового развития в условиях набирающей темпы научно-технической революции.

Эта особенность воспоминаний “шестидесятников” Чехословакии наиболее четко прописана в мемуарах Честмира Цисаржа – одного из популярных и ярких политиков “Пражской весны”¹. Его биография во многом типична для поколения, вступившего на арену общественной жизни после Второй мировой

¹ В июле 1968 г. анализ общественного мнения в ЧССР показал, что Ч. Цисарж по популярности занимал второе место после А. Дубчека. За ним следовали на третьем месте О. Шик, на четвертом – Л. Свобода, на пятом – Й. Смирковский [5. S. 439].

войны и давшего через двадцать лет активных лидеров реформаторского течения в рядах КПЧ.

Он родился в 1920 г. в семье ремесленника, воспитывался на идеях гуманизма первого президента Чехословакии Т.Г. Масарика. Под влиянием жизненного опыта (экономический кризис 1930-х годов с массовой безработицей и обнищанием, Мюнхен и оккупация страны, для многих – концлагеря) эти идеи радикализировались в сторону социализма. Раскрывая послевоенные настроения своего поколения, Цисарж впоследствии напишет: “Нельзя забывать, что военные успехи СССР и социалистическая идеология освобождения людей и народов меня, как и тысячи других, привели к выводу, что источником этих успехов являются советская система и строй. С этим убеждением я, как и тысячи других, после окончания войны вступил в коммунистическую партию, чтобы быть строителем нашего собственного пути к социализму. Мне не могло и прийти тогда в голову, что я становлюсь создателем авторитарной политической системы с ее деформациями и нарушениями закона” [4. S. 64]. С 1946 по 1970 г. Ч. Цисарж был членом КПЧ. Он прошел в партийном аппарате путь от сотрудника отдела пропаганды и культуры Пражского крайкома КПЧ (1946) до секретаря ЦК КПЧ (сначала в 1963 г., затем в 1968 г.), став одним из идеологов реформаторского движения. Его доклад на торжественном заседании, посвященном 150-летию К. Маркса в мае 1968 г., стал, по сути, дела идеологическим обоснованием необходимости демократических реформ через новое осмысление марксизма как учения о социализме. Он исходил из того, что ленинизм был одной из интерпретаций марксизма В.И. Лениным на основе исторического опыта России. Сталин же подверг ленинизм ревизии в духе прагматической политики правящих групп и личной власти. “Диктатура пролетариата в марксистском понимании, – констатировал он в своем докладе, – постепенно деформировалась в диктатуру партии, затем в диктатуру ее органов и, в конце концов, в диктатуру узкой группы в руководящем центре, опирающуюся на аппарат власти. Внутри стиснутой этими рамками политической системы все сферы общественной жизни развиваются с огромными трудностями... Диктатура пролетариата, независимо от того, в правильном или деформированном виде, исчерпала свои возможности... Мы должны искать и найти такой вариант политической системы, который будет полностью соответствовать всем условиям нашей страны и достигнутого уровня развития... Для этого нужно новое возрождение марксизма, отвечающее потребностям последней трети XX века” [6. А.ј. 21. 150 vугојі К. Марха].

Доклад Цисаржа вызвал резко негативную реакцию в Москве. Автор его был признан главным ревизионистом, посягнувшим на чистоту и значимость ленинизма, и отнесен к числу лиц, на выводе которых из состава ЦК КПЧ настаивала советская сторона на переговорах с чехословацкой делегацией в Чиерненад-Тисой, состоявшихся 29 июля 1968 г.²

Разъясняя свою позицию, Цисарж напишет позже: “В 1968 г. я был глубоко убежден, что демократическое возрождение социализма даст ему необходимую перспективу развития... Я был склонен к поискам третьего пути, который бы вывел нас из лабиринта войн и революций, кровопролитий, насилия и варвар-

² Из материалов российских архивов, переданных в 1993 г. чешской стороне, стало известно, что главой антипартийного центра Москва считала Ф. Кригеля. К этому центру она относилась и Ч. Цисаржа, О. Шика, Й. Павла, Й. Шпачека (см. [5. S. 439]).

ства... Я верил, что со временем удастся устранить не только обезображенную тоталитаризмом социалистическую систему, но и будет также преодолена демократия прежнего типа со всеми противоречиями и недостатками” [5. S. 439].

В чешском же и словацком обществе, прежде всего в кругах творческой интеллигенции, журналистов, писателей, работников науки, преподавателей высшей школы и учителей, Цисарж уже с начала 1960-х годов по работе в редакции “Rudé právo” и теоретическом журнале “Nová mysl”, а с лета 1963 г. в должности секретаря ЦК КПЧ был известен как человек широко мыслящий. И вряд ли случайно академик историк Й. Мацек принес именно ему – секретарю ЦК в сентябре 1963 г. остро критический материал, основанный на сравнительном анализе развития социалистических и капиталистических стран в условиях развивавшейся научно-технической революции. Он был подготовлен известными чешскими путешественниками М. Зигимундом и Й. Ганзелкой на основе личных наблюдений. Было очевидно, что этот документ может дать серьезную аргументацию для обоснования необходимости глубоких экономических реформ, тем более что в нем содержалась и конкретная критика внутренней политики, проводимой руководством страны. Однако все попытки Цисаржа привлечь к этому материалу внимание первого секретаря ЦК КПЧ, президента страны А. Новотного и его окружения не увенчались успехом, вызвав лишь раздражение. Позже он оценит ситуацию, написав: “В течение трех месяцев работы секретарем ЦК взгляды мои все больше расходились с позицией Новотного и Гендриха. Оба ко мне стали относиться с предубеждением, если не с опасением... Мне стало известно, что их недовольство вызвано тем, как я провел собрание коммунистов – членов союза писателей, где я, дескать, открыл дорогу либеральным течениям... Всем овладели лица, с оппозиционных позиций критикующие позицию партии, а доклад Гендриха не получил поддержки” [5. S. 252]. В результате Цисарж был информирован секретарем ЦК КПЧ В. Коуцким о том, что он не справляется со своими функциями, и ему было предложено перейти на работу в правительство в качестве министра образования и культуры. Работа в правительстве в 1963–1965 гг. дала возможность увидеть наглядно разрушительное влияние экономической стагнации, начавшейся на рубеже 1950–1960-х годов, и позволила понять ее внутренние причины. Все четче обрисовывалась взаимосвязь между системой жесткого централизованного планирования, минимальным развитием товарно-денежных отношений, экстенсивным развитием производства, отставанием науки и техники от мировых стандартов, недооценкой квалификации кадров и степенью их подготовки в системе образования. В период работы в правительстве складывались и укреплялись контакты Цисаржа с ведущими экономистами страны: О. Шиком, М. Кадлецом, М. Тучеком и другими, искавшими выход из нараставшей стагнации на пути проведения экономических реформ и изменения всей системы управления народным хозяйством. “Я присоединился к тем, кто искал выход в исправлении ошибок, в изменении режима, в возвращении “человеческого лица” социализму... Когда мне была поручена сфера просвещения, я не мог ею руководить иначе, чем исходя из концепции, отвечающей общественным потребностям – реформировать систему социализма как таковую”, – отметит он впоследствии [5. S. 296].

В руководимом им министерстве был взят курс на то, чтобы, не отказываясь от идеологического воспитания, сконцентрировать внимание на классических принципах педагогики, которые позволят поднять уровень обучения в соответствии с растущими потребностями страны в высококвалифицированных кадрах.

Более сложной была ситуация в сфере культурной политики. Здесь с марта 1964 г., после принятия в ЦК КПЧ постановления о задачах и положении культурных журналов, явно обозначилась тенденция к “закручиванию гаек”. На это часть писателей (например, Л. Новомеский и Я. Сейферт) ответила дискуссионными статьями. Со всей очевидностью начала прорисовываться неизбежность идеологического столкновения творческой интеллигенции с догматически настроенной частью партаппарата.

Растущая популярность Цисаржа как решительного сторонника реформ в среде интеллектуальной элиты не могла не вызывать настороженности А. Новотного, являвшегося мастером аппаратных кадровых перестановок. Когда после снятия Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. стала очевидной перспектива свертывания проводимых в СССР реформ, присутствие на политической арене Чехословакии протагониста реформаторского курса, даже в ограниченной функции министра образования и культуры, становилось ему явно нежелательным. В 1965 г. Ч. Цисаржу как министру, курировавшему сферу культуры, было предъявлено обвинение в проведении политики, не отвечающей линии ЦК, и предложен переход на дипломатическую работу – послом в Румынию. По существу, тем самым Ч. Цисарж выводился с поля политической борьбы. Эта акция в общественном мнении, особенно среди интеллигенции, получила весьма негативную оценку. На партсобраниях в высших учебных заведениях коммунисты требовали от представителей ЦК дать разъяснения, почему отозван министр и почему не было об этом сообщений в средствах массовой информации? Особенно активными были собрания в вузах и культурных организациях Праги, на которых для снятия напряженной ситуации были вынуждены присутствовать секретари ЦК Й. Гендрих и В. Коуцкий. Брненский Университет, демонстрируя свою поддержку опальному министру, наградил его золотой памятной медалью Пуркине [5. S. 350].

Политическая ссылка продолжалась более двух лет. Контакты с единомышленниками оказались существенно ограниченными, но не прерывались. Как посол Цисарж присутствовал в качестве гостя на XIII съезде партии летом 1966 г. и, безусловно, смог оценить значение выступления О. Шика в дискуссии. Шик, констатировав, что партия к настоящему времени не располагает реальной программой развития на будущее, поставил вопрос о необходимости провести глубокий анализ проблемы демократических отношений, прежде всего в сфере управления государством, что в свою очередь неизбежно потребовало бы развития партийной демократии. Но предложение Шика не попало в резолюцию съезда, якобы по формальным причинам: он слово в дискуссии получил одним из последних. Но это выступление было для Новотного и его окружения своего рода предупредительным звонком [3. S. 22].

В октябре 1967 г. в Карловых Варах состоялась встреча Цисаржа и А. Дубчека, возглавлявшего ЦК КПС. Из воспоминаний Цисаржа ясно, что состоялся обмен мнениями о ситуации в стране, которая, по мнению Дубчека, имела все признаки политического кризиса. Дубчек был убежден, что близится время решающего столкновения с Новотным. Очевидно, итогом этой встречи и было для Цисаржа написание в ноябре 1967 г. двух аналитических материалов, названных автором “Заметки о деятельности государства и партии”, где предлагался конкретный вариант действий для обеспечения реализации нового курса. Документ о партии, которую он рассматривал как главную силу в проведении общественных преобразований, завершился следующими словами: “Новое ру-

ководство не должно спешить, но и не должно медлить. Общественность в стране и за рубежом ждет, что в конце концов мы преодолеем стагнацию и разработаем разумную программу деятельности. Но нажим изнутри и извне не должен заставлять нас предпринимать опрометчивые шаги. Они должны быть хорошо продуманы, научно обоснованы, обстоятельно обсуждены и подробно объяснены. Прежде всего, очевидно, необходимо сосредоточиться на общей перестройке партийной деятельности, на решении организационных и кадровых вопросов. ЦК и президиум должны позаботиться, чтобы не возникла стихийность в решаемых проблемах (будет, безусловно, стремление взяться за все сразу), необходимо, чтобы работа шла по заранее разработанному плану в соответствии с неотложностью решения определенных проблем. В обозримое время необходимо определить срок созыва XIV съезда партии, который разработает генеральную линию дальнейшего этапа развития и изберет новый ЦК. Состав его должен гарантировать энергичную и последовательную реализацию этой линии” [6. А. j. 21. Dok. Nekolik myšlenok a úvah ... 13]. Данные материалы вместе с личным письмом были отправлены Дубчеку после январского пленума ЦК КПЧ, где состоялось отстранение Новотного от руководства партией, и на пост первого секретаря был избран А. Дубчек. Цисарж писал из Румынии: “Я далеко от последних бурных событий дома и не имею свежей информации о расстановке сил, о произошедшем столкновении и развязке кризиса. Вижу только одно – революционное ядро партии продемонстрировало отвагу и дало импульс к наступлению ... Я готов выполнить любое задание, которое мне будет дано” [6. А. j. 20. I. 2]. Позже, вспоминая этот момент, он заметит: «Когда я посылал свой текст А. Дубчеку, я не думал, что в кругу лидеров, выступавших за реформы, скоро начнет рождаться проект “Программы действий КПЧ”, и идеи этого документа будут близки моим» [5. S. 22].

В марте 1968 г. по вызову Дубчека Цисарж возвратился на работу в Прагу. На ближайшем же пленуме ЦК он был введен в его состав, избран секретарем, курировавшим науку, культуру и средства массовой информации. Таким образом, Ч. Цисарж оказался в центре событий, став активным проводником принятой на апрельском пленуме “Программы действий КПЧ”. Этот документ рассматривался новым руководством партии как первый шаг к формированию новой модели социализма, которая будет базироваться не на псевдопринципе “единства интересов” всех слоев, а на понимании и учете политических, социальных, экономических устремлений и требований различных социальных слоев и групп, реально существующих в социалистическом обществе. Отсюда логически вытекало следующее принципиальное положение – необходимость, неизбежность перехода от системы, основанной на монополии одной партии, к системе многопартийной, опытом функционирования которой на базе Национального фронта располагала страна в 1945–1948 гг. Этот весьма важный момент, связанный с изменением форм и методов реализации ведущей роли коммунистической партии в политической системе, пожалуй, можно рассматривать как исходную точку разногласий между новым руководством КПЧ и Москвой. Отказ от властной монополии коммунистов приравнивался советской стороной к демонтажу социализма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Брежнев и его кремлевские соратники, сформировавшиеся политически в условиях тоталитарной диктатуры, не располагали ни малейшим опытом функционирования демократических общественных и государственных институтов. Более того, они видели в них прямую угрозу своей неограниченной власти. Поэтому

силовой вариант, а отнюдь не поиск компромиссов, на что рассчитывала чехословацкая сторона, оказывался для советского руководства единственно возможным вариантом разрешения разногласий с реформаторским крылом в КПЧ.

Публикуемые ниже фрагменты из воспоминаний Ч. Цисаржа [4] относятся к июлю – августу 1968 г. Они раскрывают политическую обстановку в стране, соотношение сил в руководстве партии накануне и в момент оказания так называемой “интернациональной помощи здоровым силам” чехословацкого общества путем введения в страну вооруженных сил пяти государств – членов Варшавского договора.

© 2008 г. Г.П. Мурашко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kaplan K.* Kořeny československé reformy. Brno, 2000–2002; *Lond'ák M., Sikora S., Lond'áková E.* Predjarie. Politické, ekonomické, a kultúrní vyvoj na Slovensku v rokoch 1960–1967. Bratislava, 2002.
2. *Hájek J.* Dix ans apres Paque 1968–1979. Paris, 1979; *Šimon B.* Takové jsme byli. Koln, 1989; *Ke sporům o obrodný proces roku 1968.* Praha, 1980; *Srpn 1968.* Koln, 1989; *Ota Šik.* Jarní probuzení – iluzie a skutečnost. Praha, 1990; *Hájek J.* Paměti. Praha, 1997; *Naděje umíra poslední.* Vlastní životopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993; *Kostka J.* Život mezi úzkostí a nadějí. Praha, 2002.
3. Мемоа́ры политикů, historické, politologické, ekonomické studie. Dokumenty. B. m., 1988.
4. *Císař Č.* Človek a politik. Kniha vzpomínek a úvah. Praha, 1997.
5. *Císař Č.* Paměti. Nejen o zákulisí Pražského jara. Praha, 2005.
6. Národní Archiv ČR. F. Č. Císař. Kar. 5.

ШАТКОЕ ПЕРЕМИРИЕ

На совещании с журналистами, состоявшемся 1 августа, я смог проинформировать, что переговоры в Чиерне¹ завершены и что члены Президиума ЦК КПЧ в тот же день вернутся в Прагу. Одновременно пришло сообщение о том, что третьего августа в Братиславе состоится встреча представителей шести партий (пять партий + КПЧ) для того, чтобы принять совместное заявление, цель которого – завершить период полемики, закрепить дружеские и союзнические отношения, приступить к нормализации отношений. Для нас это означало получить желанную передышку, необходимую для проведения XIV съезда, который должен был стать основной предпосылкой для внутренней стабилизации в Чехословакии и для продолжения политики реформ.

Более обстоятельную информацию о происходящем в Чиерне я получил прежде всего от своего друга И. Шпачека², с которым я практически каждый день общался. Мы обменивались информацией из своего окружения, нередко советовались о том, как поступить в том или другом случае. Он рассказывал мне о том, как проявили себя отдельные члены Президиума ЦК. На позицию советских товарищей полностью перешли Биляк³ и Кольдер⁴, они даже не скрывали того, что у себя на родине они утратили доверие, а потому полностью рассчитывают на поддержку извне. (После того как в 90-е годы были открыты архивы, оказалось, что именно они вместе с Индрой⁵, Швесткой⁶ и Капеком⁷ подписали письмо, в котором просили Брежнева оказать военную помощь.

В достоверности этого письма, впрочем, некоторые исследователи продолжают сомневаться.⁸ Выступления Кригеля⁹ и Шпачека, отвергавших аргументацию советской стороны о пагубности демократизации для социализма и отстаивавших проводимую нами политику, напротив, вызвали возмущенную реакцию на противоположной стороне стола. Остальные члены нашей делегации занимали промежуточное положение между этими двумя полюсами: одни держались ближе к Дубчеку, другие – к Биляку. Для руководства КПСС, проводившего единую политику, разброс высказываемых мнений, очевидно, мог служить и действительно служил доказательством того, что Президиум ЦК КПЧ в целом не способен объединиться на основе четкой политической платформы, предлагавшейся пятью партиями.

По моему мнению, именно это обстоятельство и стало одной из главных причин принятия решения о военном вторжении. Отсутствие единства в руководстве КПЧ с самого начала наносило ущерб всему процессу обновления. Уже сам факт изменения состава Президиума ЦК, состоявшегося в январе¹⁰, а также последующие преобразования, проведенные лишь в апреле, наряду с убежденностью Дубчека в том, что нужно “дать каждому время для осознания новой политики” – все это не могло не сказаться негативно, приведя к серьезному замедлению динамики перемен. Дубчек был убежденным реформатором, он сам лично самоотверженно отстаивал свою политику, но его “человеческое лицо”, его стремление никому не причинить зла, всепрощение, в том числе и нарушений дисциплины, в конце концов привели к поражению. Он не мог осуществить свои гуманистические цели, пренебрегая законами политической борьбы, проявляя снисходительность к тем, кто, в сущности, был его политическим противником.

Нельзя отрицать, что Дубчек со временем начал понимать, что Кольдер, Биляк и другие, по сути, вставляют ему палки в колеса. Спустя недели после проведения апрельского пленума ЦК он начал сожалеть о том, что недооценил значимости идеи о созыве чрезвычайного съезда партии¹¹. Именно поэтому он не только согласился, но и поддержал эту мысль на майском пленуме. Фактом, однако, было то, что он упустил ценные месяцы, пошел на уступки консервативно настроенным членам пленума при обсуждении концепции проведения съезда. Эта концепция должна была включать обсуждение политики партии в целом, принятие нового устава и выбор центральных органов. Было ясно, что для подготовки документов понадобится много времени, а время играло против Дубчека. Внутренние и внешние противники процесса обновления активно использовали оставшиеся до съезда три месяца для нападок на сторонников обновления, а также на прогрессивных коммунистов, обвиняя их в “ревизионизме”.

Заявление, принятое от имени шести партий в Братиславе 3 августа, было многословным, что говорило о том, что оно было подготовлено в лоне московских пропагандистов¹².

С делегацией КПЧ в Братиславе находился секретарь ЦК З. Млынарж¹³, в обязанности которого входило участие в редактировании заявления. После возвращения в Прагу он нам рассказывал, насколько сложно было добиться исключения наиболее резких обвинений в адрес КПЧ, того, чтобы были учтены хотя бы минимальные сформулированные нами предложения.

В тексте шла речь о принципах взаимоотношений, “равноправии, соблюдении суверенитета и национальной независимости, территориальной неприкосновенности, о братском сотрудничестве и солидарности”, однако в нем отсутствовал принцип “невмешательства во внутренние дела”, который в других

международных документах всегда имелся. Обстоятельства, допускавшие подобное вмешательство, напротив, оговаривались в следующем предложении: “Поддержка, защита и укрепление достижений, завоеванных народами благодаря своим героическим усилиям, самоотверженному труду населения каждой страны, являются общим интернациональным долгом всех социалистических стран”.

В Заявлении отмечалось, что речь идет об единой позиции всех участников встречи, проявляющих “непоколебимую решимость” защищать достижения социализма в своих странах. Я убежден, что Дубчек, Черник, Смирковский, подписывавшие этот документ, не вполне осознавали смысл этого фрагмента, то, что он является, по сути, призывом к вмешательству тогда, когда это сочтут нужным те, другие.

После возвращения нашей делегации 4 августа из Братиславы, мы собрались все вместе в секретариате ЦК, пытаясь предугадать ход дальнейших событий. Доживем ли мы в спокойствии, по крайней мере, до съезда? Или же мы снова услышим упреки Брежнева? Можно ли доверять рукопожатиям представителей шести стран на балконе братиславской ратуши? Дубчек был оптимистом, он надеялся на то, что проведение съезда будет способствовать разрешению внутрипартийных противоречий. Он призывал нас к тому, чтобы мы незамедлительно завершили подготовку материалов съезда. Индра заверил, что текст проекта устава готов и 10 августа может быть опубликован, что и было сделано. Материалы, необходимые для разделов политического отчета, также были практически готовы. Тактично не говорилось о предложениях по поводу кадрового состава нового руководства ЦК, которое должно было сформироваться в ходе выборов из числа кандидатов, предложенных на краевых конференциях.

На этом совещании предметом резкой полемики стала ситуация, сложившаяся на заводе Высочаны Прага¹⁴, откуда, собственно, и происходило письмо, адресованное в СССР и опубликованное в московской “Правде” во время встречи в Чиерне. Авторы письма возмущались по поводу “антисоветской кампании”, развязанной вокруг маневров “Шумава”¹⁵, они заявляли, что нам не могут мешать советские танки, освободившие нас в 1945 г. Под текстом письма подписались (в количестве 99 человек) рабочие Праговки, а также члены их семей и их друзья. В нашей печати это письмо сразу же было воспринято как “предательство”. На заводе, где работали 4500 человек, возникло возмущение, переросшее в ненависть к авторам письма. Дело дошло до стихийных требований об их увольнении. Дискуссия становилась все более острой, было высказано предложение о том, чтобы в Праговке было создано общее собрание всех сотрудников, однако, в конце концов, все успокоилось. Секретарем по делам промышленности был Кольдер, однако он ни в коем случае не хотел идти разбираться, пусть де там идут другие, те, которые “всю эту кашу заварили”! Мы же, так называемые “прогрессисты”, к этому письму и его последствиям не имели никакого отношения. Организатором всей этой истории мог быть только кто-нибудь из сторонников консервативного крыла. Кольдер настолько упорно отказывался ехать, что в конце концов мне пришлось заявить, что я сам берусь уладить это дело.

Публичный митинг на Праговке состоялся 5 августа рано утром. Я пришел в секретариат КПЧ завода еще до начала рабочего дня и начал вести переговоры с разбушевавшимися функционерами, призывавшими на голову авторов “письма 99” все громы и молнии. Мне не оставалось ничего другого, кроме как при-

звать их к спокойствию, к разумному урегулированию спора. Я согласился с тем, что письмо, использованное против нашей делегации в Чиерне, сыграло свою негативную роль, однако его авторы имели и имеют демократическое право выразить свою позицию в той же мере, в какой остальные имеют право с ними не согласиться и подвергнуть критике их действия. Нельзя искать решения путем погромов и увольнения с работы.

Потребность получить информацию о переговорах в Чиерне и Братиславе была чрезвычайно велика. Я полностью в этом убедился, когда находился на совещании актива горкома КПЧ в Праге, а затем и на совещании краевых партийных секретарей. Оба эти мероприятия происходили в один и тот же день. Особенно важно было получить указания о том, как действовать секретарям. Это было необходимо для соблюдения братиславских соглашений, для поддержания всех решений и мероприятий партийного руководства. И Дубчек, выступивший с обращением по телевидению вечером 4 августа, и Черник в своем выступлении на городском активе в Праге, а затем на совещании секретарей, исходили из общей оптимистической оценки развития отношений между КПЧ и пятью партиями. Они убеждали, что нет никаких оснований беспокоиться, что впереди у нас период спокойствия и что главное – завершить подготовку к XIV съезду. Должен признаться, что и сам я немного успокоился.

* * *

Мой августовский рабочий календарь буквально переполнен записями о делах, которые мне нужно было сделать, а также о мероприятиях, которые мне нужно было провести. Об отдыхе не приходилось и помышлять.

Еще в середине июля ко мне пришел профессор Карлова университета Богуслав Гавранек, пригласивший меня на Международный конгресс славистов, который должен был состояться 7 августа. Для наших лингвистов, литературоведов и историков это было чрезвычайно важное событие, поскольку именно в Праге в 1929 г. состоялся Первый конгресс славистов. И здесь же в Праге он должен был проводиться во второй раз¹⁶. Гавранек рассказал мне о том, что на конгрессе, помимо него, будут и два других члена тогдашнего Пражского лингвистического кружка, а именно, Роман Якобсон и Ян Мукаржовский. Именно этот кружок на своем первом Конгрессе и ознакомил собравшихся со знаменитыми тезисами структурной лингвистики, столь значимыми тогда для русских, польских, женеvских и других языковедов. Для чешских марксистов послевоенного периода, особенно для Л. Штоллы¹⁷, структурализм был неприемлемым методом, поэтому они весьма резко против него выступали. Poleмические страсти заставили Мукаржовского, автора знаменитых “Глав из чешской поэтики”, подвергнуть свое детище “марксистской” переработке. На это же пришлось пойти и Гавранеку, а также другим ученым. Исследователи, подвергшиеся политическим и научным унижениям, смогли лишь в 60-е годы заявить, что тогда они были правы, и что они готовы отстаивать свои убеждения. Из-за чрезвычайной перегруженности моей программы я смог принять участие только в открытии съезда, который был действительно отлично подготовлен. На нем находился весь цвет языкознания со всех континентов мира. Количество участников превышало две с половиной тысячи человек.

Вторым научным событием, в котором я также принял небольшое участие, стал международный конгресс геологов, открытие которого состоялось 19 августа, т.е. за два дня до военного вторжения. Я уже не могу припомнить, какова была судьба этого мероприятия. Многие ученые стали тогда свидетелями тревожных событий, о которых они впоследствии откровенно проинформировали общественность своих стран.

С 8 по 10 августа я был в Острове и Тршинеце. Я принял решение как можно точнее представить моим слушателям картину не только последних событий, но и всего развития, начиная с январского поворота в партии. Основная суть моих тезисов сводилась к следующим идеям: «Новое понимание социализма демократического типа требует отказаться от гегемонии власти партии, необходимо укрепить ее влияние в системе плюралистических сил. Необходимо оживить деятельность Народного фронта и входящих в его состав сил, нужно сделать все необходимое для того, чтобы в Народном фронте были представлены самые различные интересы людей. Вместо иллюзорных представлений о “социальном” характере социализма необходимо поставить его на научную, реальную основу, задействуя рычаги новой рыночной экономической и социальной политики. Наше развитие будет проходить не без трудностей, придется столкнуться и с проявлениями стихийности, и с крайностями».

Встречи в Чиерне и Братиславе способствовали возникновению новой ситуации, – продолжал я. Мы защитили “Программу действий”, воспрепятствовали вмешательству извне, добились прекращения полемики, договорились о развитии нового сотрудничества. Если бы мы проявили неуступчивость, нам угрожала бы катастрофа. Совещание шестерки приостановило споры, приняло общую платформу, предусматривающую, в том числе и право на самостоятельные действия. Это, конечно, не означает полное прекращение дискуссий, но положено начало отношениям доверия и обмена опытом, разумеется, если достигнутые договоренности окажутся честными, а не всего лишь временной тактикой. В итоге выиграли все: мы – время для проведения новой политики, наши партнеры – получили подтверждение единства общих целей.

Главное же сейчас – подготовка съезда, решение проблем федерализации, продвижение экономической реформы. Нужно руководствоваться положениями “Программы действий”, принять новый устав КПЧ, выбрать новое руководство. Партия находится на подъеме, она опирается на поддержку народа, который готов мобилизовать все свои трудовые усилия. У партии есть новое политическое руководство, пользующееся доверием, как у себя дома, так и в мире. Мы не должны медлить, нужно победно готовиться к съезду и работать после его завершения.

После этой встречи, состоявшейся во второй половине дня, я поехал в Тршинец, где меня ожидало более 1000 человек, собравшихся на трибуне местного стадиона. Я говорил со сцены, расположенной перед трибунами, прямо на поле стадиона. Находиться в такой обстановке мне пришлось в первый и последний раз в своей жизни, потому мне особенно запомнилась царившая там атмосфера, невольно напоминавшая мне атмосферу спортивных состязаний. Особенно это было характерно для второй части митинга, когда мне пришлось отвечать на вопросы. Я получил их великое множество, и все они были очень острые. На вопрос, не пришлось ли нам “пожертвовать некоторыми политиками”, я заверил собравшихся, что о кадровых вопросах на переговорах не было и речи. Я сказал это со всей уверенностью, даже не предполагая, что именно мое имя,

наряду с другими, прозвучало с советской стороны, когда ее представители потребовали отзыва нас со своих функций. Дубчек упорно скрывал от меня это требование, тем более что оно звучало отнюдь не впервые. Тогда же в Тршинеце я заявил, что если бы в Чехословакии действительно были бы подняты кадровые вопросы, то это означало бы "грубое вмешательство во внутренние дела нашей страны" [...]»¹⁸.

На следующую встречу с партийными функционерами я поехал в Теплице, чтобы там рассказать о политических переговорах в Братиславе. Так же, как и на июньской окружной конференции, я встретился здесь со многими знакомыми, включая товарищей из родных Гостомиц. Близость Саксонии, а также контакты с тамошними функционерами из Социалистической единой партии Германии вызывали в Теплицком округе неудовольствие. Нашим приходилось противостоять упрекам в адрес политики обновления КПЧ, которые вдобавок высказывались в довольно резкой форме, что было столь типично для Ульбрихта. Сказывалась и неуверенность в последствиях экономической реформы, которая в восприятии рабочих все еще не приобрела отчетливые и понятные очертания. Вместе с тем, их внимание привлекала идея создания выборных советов предприятий.

Убедился я в этом и при посещении текстильных Заводов имени Божены Немцовой, где не только производились высококачественные товары, но и были достигнуты значительные экономические результаты. Здесь работали, главным образом, женщины, чья трудовая самоотверженность была в полном смысле слова сказочной. На встрече с ними меня буквально засыпали вопросами, касающимися экономических проблем, а также вопросов оплаты труда. Порадовало меня и доверие рабочего персонала к директору предприятия. Это был немец по национальности, имя которого выпало у меня, к сожалению, из памяти. По мнению окружных функционеров, он был настоящим образцовым хозяином.

* * *

Прага в эти дни жила в обстановке высокой дипломатической активности. За время моего пребывания в Остраве и Тршинеце в нашу столицу прибыла делегация Югославии во главе с Йосипом Броз Тито. Несколько подробностей об их переговорах с нашей делегацией мне рассказал мой друг Л. Шимович, чехословацкий полномочный представитель в Белграде. Президент Тито не скрывал своих симпатий к Программе действий КПЧ, которая в известной мере отражала и югославский опыт. Наш эксперимент он расценивал как важный вклад в дело реабилитации социализма в международном масштабе, в повышении его притягательности. Он может оказать положительное влияние и на страны, стремящиеся влиться в ряды так называемого движения неприсоединившихся стран. Тито как раз и был его главным представителем. Вместе с тем, югославский гость тактично напомнил об опасности возможного разрыва между ЧССР и пятеркой. Это могло бы парализовать, если не уничтожить наше стремление к демократизации. Упомянул он и о необходимости держать под контролем как консервативных догматиков, так и правых оппозиционеров, чрезмерная свобода которых может вызвать подозрение. Создавалось впечатление, что позиция Югославии очень сходна с позицией Венгрии, во всяком случае в той ее части,

которая была известна Дубчеку от Я. Кадара, который был единственным представителем пятерки, старавшимся до последнего момента отстаивать политические методы решения противоречий с руководством КПЧ.

Не знаю почему, но мне представлялась не слишком важной встреча нашей делегации с делегацией ГДР, состоявшаяся в Карловых Варах 12 августа, т.е. на следующий же день после отлета Тито. Что нового она может принести, особенно если принять во внимание то, что В. Ульбрихт и все руководство Социалистической единой партии Германии с самого начала процесса обновления рассматривали нашу политику как какое-то “демократизационное безумство”, которое открывает путь для организации “ползучей контрреволюции”, направленной против социализма?

Основная суть переговоров заключалась в рассмотрении внешнеполитических вопросов, прежде всего отношений между обоими немецкими государствами, а также в определении скоординированных действий социалистических стран в отношении Западной Германии. Лидеры ГДР ревниво следили за каждым шагом, который мог бы способствовать сближению той или иной страны-союзницы с Объединенной республикой. Они не хотели понимать, что при реальном наличии двух немецких государств невозможно плотно сотрудничать с одним государством и полностью игнорировать государство другое, особенно если вы находитесь с ним в непосредственной территориальной близости, как это было в случае ЧССР. Наши государственные деятели на протяжении ряда лет безуспешно пытались заверить Берлин в том, что, налаживая торговые, а со временем и дипломатические отношения с ФРГ, мы совсем не хотим нанести ущерб государственным интересам ГДР. Политика, проводимая Ульбрихтом, сводилась к тому, что следует подождать, пока ГДР не будет официально признана правительством Бонна.

Третьим дипломатическим актом был визит в Прагу румынской делегации во главе с Н. Чаушеску. Главной его целью было подписание нового договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Чехословакией и Румынией, поскольку срок старого договора от 1948 г. уже истек. Таким образом, теперь должны были прибыть государственные деятели из Румынии, с которыми я до недавнего времени общался в Бухаресте, а поэтому знал лично почти всех членов делегации.

Так же, как и Тито, Чаушеску придавал большое значение встречам в Чиерне и Братиславе, полагая, что они будут способствовать нормализации отношений между странами-участницами. Одновременно он подтвердил негативное отношение Румынии к “трехсторонним или же четырехсторонним совещаниям” социалистических государств и высказался в пользу “выработки и уточнения принципов взаимоотношений” между этими государствами. Во время переговоров с Дубчеком он сказал, что Румыния “положительно оценивает намерение КПЧ и ее руководства” содействовать развитию широкой и интенсивной деятельности “по строительству социализма и укреплению социалистической демократии”.

Вполне естественно, что я постарался выпросить у К. Курку, как ему работает послом в Бухаресте, каков его опыт общения с румынскими функционерами и с послами других государств. Он поделился со мной сведениями о том, что некоторые западные коллеги пессимистически смотрят на перспективы нашей политики, которую советские лидеры будут стремиться подавить, даже путем применения силы. Высокопоставленный чиновник из США напомнил ему о

позиции Вашингтона, суть которой сводилась к тому, что события в ЧССР не касаются Соединенных Штатов, поэтому они не намерены каким-либо образом в них участвовать. Думается, что мы тогда не сделали надлежащих выводов из того, что влечет за собой эта позиция, а это означало, что Запад и пальцем не шевельнет, если на нас будет оказано огромное давление превосходящей нас силы, на этот раз уже наших собственных союзников с Востока. Я недооценивал имперские интересы СССР.

Когда вместе с И. Маурером¹⁹ мы медленно передвигались в правительственном лимузине от одного мероприятия к другому, мы могли с ним кое о чем поговорить. Маурер в буквальном смысле слова был увлечен нашей – по его словам беспримерной – отвагой противостоять могущественной Москве и упорно проводить линию на демократизацию. С одной стороны, он желал нам одержать победу в этом противостоянии, но с другой, не слишком в эту нашу победу и верил. Его богатый опыт по урегулированию международных конфликтов, благодаря которому он приобрел определенную известность в дипломатической среде, заставлял его пессимистически оценивать наши перспективы в этом противоборстве. Он хотел обратить мое внимание на личное отношение ко мне Брежнева и его соратников, впрочем, по этому поводу я не испытывал никаких иллюзий. “Вам известно, что Вас считают в Москве черной овцой? Что такого Вы натворили?” Я коротко ему рассказал о своих перипетиях “либерала” 60-х годов, когда я постепенно стал убежденным коммунистом–сторонником реформ. Маурер с этим согласился: «Наверное, Вы правы, Вам столько раз делали замечания и столько раз осуждали, столько раз давали возможность “исправиться” – и все напрасно. Вы остались таким же упрямым, а это никому не нравится!»

Благодаря подобным беседам, причем как с Маурером, так и с другими иностранными гостями, мне иногда удавалось заглянуть в темное закулисье дипломатии, где можно встретить как честных людей, так и подлых интриганов. Как угадать, на кого натолкнешься и как заранее просчитать возможный риск?

Одним из гостей, с которым мы долго спорили, был и секретарь ЦК французской КП Р. Лерой. Он приехал из Парижа, чтобы узнать как можно больше о переговорах в Чиерне и Братиславе. Ближе к вечеру 7 августа мы сидели с ним в моем кабинете и анализировали события, происходящие в нашей стране, учитывая как постоянные, так и временные факторы в развитии международных отношений. Лерой не был догматиком-марксистом, он относился к среднему течению во французском коммунистическом движении, не были ему чужды и либеральные тенденции так называемого еврокоммунизма. Благодаря ему я лучше понял и позицию Вальдек-Роше, а позже и Ж. Марше. Они отошли от сталинизма, но не пришли к демократической модели социализма, не пошли по пути своих итальянских товарищей, так и не приняв в полной мере чехословацкий эксперимент.

* * *

Выступление Дубчека по телевидению, состоявшееся 4 августа, способствовало созданию такого настроения, что люди смогли “по-летнему” расслабиться и использовать хотя бы пару дней из своего отпуска. Дубчеком было высказано несколько мыслей, дававших надежду на лучшее будущее:

“Я совершенно искренне говорю, что нет никаких серьезных оснований опасаться за наш суверенитет [...]. Улучшению наших отношений несомненно будет способствовать и прекращение публичной полемики [...]. Переговоры в Чиерне над Тиссой и Братиславе еще больше расширили столь необходимый для процесса социалистического обновления простор. Мы верим, что это создаст атмосферу спокойствия и доверия, которая нужна для успеха нашей последующей работы [...]. Помимо опубликованного документа, не были приняты никакие другие документы, поэтому для опасений подобного рода действительно нет никаких оснований [...]”²⁰.

Вместе с тем на совещании, проходившем в Президиуме ЦК 6 августа, царил настрой смятения и угнетенности. Не осталось и следа от официального оптимизма. В своих мемуарах Биляк пишет, что он был разочарован тем, что Дубчек не выполнил обещание, данное им в Чиерне и не предложил на этом совещании отозвать со своих постов Ф. Кригеля и Ч. Цисаржа. Дубчек явно старался отдалить момент, когда и при каких обстоятельствах он представит для обсуждения весь пакет советских предложений. Я могу также предполагать, что перспектива быстрого созыва съезда склоняла его к тактике все это дело оттягивать с тем, чтобы после съезда в его рассмотрении уже отпала бы необходимость.

Словесные перепалки и полемические столкновения продолжались и на очередном заседании Президиума ЦК, состоявшемся 13 августа. Они касались прежде всего письма 99 из Праговки, где, невзирая на мое вмешательство, поддержанное также Смрковским²¹, все еще царил недовольство. Группа радикалов настаивала на санкциях в отношении подписантов. Президиум принял решение публично осудить любые расправы над авторами письма. Другим поводом для возникновения шумных дебатов стали инциденты, возникшие на улицах Праги во время пребывания Тито. Тогда дискуссии по типу Гайд Парка переросли в демонстрации, нарушавшие ночное спокойствие. И эти акции также стали предметом критики Президиума ЦК, в своем коммюнике оно предостерегало о политических провокациях, которые “могли бы поставить под угрозу достигнутые результаты, а также последующую реализацию политики партии”. Вместе с тем оно подтвердило право граждан на политическую активность и публичные дискуссии. Сейчас я невольно задаюсь вопросом, в чьих же было интересах заслат в эти дискуссионные группы провокаторов, нарушавших ночное спокойствие выкрикиванием грубых лозунгов. Конечно, это могло быть делом рук московских “ястребов”, для которых каждое такое проявление служило “доказательством” того, что партия не может удержать процесс реформирования в своих руках²².

В повестку дня Президиума ЦК Индра и Кольдер старались включить обсуждение большого отчета Отдела сводной информации, плана и руководства ЦК КПЧ. Текст, насчитывающий несколько десятков страниц, представлял собой первую попытку проанализировать политическую ситуацию в стране, а также условия, в которых протекала деятельность КПЧ. Во вводной части отчета руководитель отдела Я. Кашпар обращал внимание на то, что пока что речь еще не идет о синтетическом труде, опирающемся на систематический научный анализ. Это всего лишь обобщающий информационный материал, предназначенный для обсуждения. Лишь позднее выяснилось, что первоначальный текст документа Индра “дополнил” собственными оценками и заключениями, целью которых было представить ситуацию в стране в еще более черном цвете,

чем это было сделано в тексте Кашпара при характеристике негативных явлений. Они были готовы использовать дебаты в Президиуме ЦК для развязывания нового раунда полемики по поводу мнимой опасности, угрожающей партии и социализму в Чехословакии. Перенос отчета, а также его включение в программу заседания, которое должно было состояться 20 августа, невольно стало одним из элементов роковой драмы, в которую это очередное заседание превратилось²³.

Говоря о возрастании напряженности в отношениях между прогрессивными и консервативными членами руководства партии, следует отметить, что не заставило себя ждать и усиление давления, оказываемое из-за рубежа. У Дубчека вновь состоялось несколько разговоров по телефону с Брежневым, в том числе именно 13 августа, когда посол Червоненко передал ему, помимо прочего, и документ, касающийся невыполнения обязательств, взятых на себя в Чиерне. Следующее письмо от Брежнева последовало 16 августа. Ни об одном из этих событий Дубчек нас не проинформировал. Он по-прежнему пытался создавать впечатление, что мы можем работать спокойно, готовясь к съезду. Он даже не возражал, когда некоторые высокопоставленные функционеры собрались поехать в отпуск, например О. Шик, Й. Гаек, Ф. Власак и Ш. Гашпарик уехали на отдых в Югославию. Я же после отлета румынской делегации сосредоточил свое внимание на проблемах в Чешском национальном совете, где 19 августа состоялось заседание его президиума. Впереди нас ожидало очередное пленарное заседание ЧНС, а также первые расширенные переговоры с представителями Словацкого национального совета, для которых нужно было подготовить материалы.

* * *

Находясь на посту секретаря ЦК, я ежедневно контактировал с заведующим отделом печати Д. Гавличеком. Дело в том, что сфера средств массовой информации все время находилась под особым наблюдением. В огромном потоке материалов, публикуемых в газетах и журналах, транслируемых по радио и телевидению, наши консервативно настроенные деятели постоянно находили “ревизионистские”, “антипартийные” и даже “контрреволюционные” взгляды и позиции. Вспоминается, что Биляк и другие высказывали протест по поводу комментариев Й. Кантурека по телевидению, М. Вайнера и В. Штёвичковой по радио, Й. Гохмана и Й. Румла в журнале “Репортер”²⁴. Учитывая, что среди журналистов недоставало индивидуальностей, обладавших к тому же соответствующим уровнем подготовки, а также политическим благоразумием, однажды в Президиуме ЦК возникла идея, не лучше ли было бы освободить некоторых функционеров от политической деятельности, “пересадив” их в газеты. В числе кандидатур Кольдер сразу же назвал и меня, заметив, что я был бы более полезен в публицистике, чем в секретариате ЦК. Он напомнил мне, что теперь, по сравнению с прежним периодом (т.е. с периодом с 1957 по 1963 г.), я мало участвую в дискуссиях и полемике в прессе. Я ничуть не сомневаюсь, что он имел в виду прежде всего целесообразность устранения меня из аппарата партии и только потом уже мою журналистскую деятельность.

Нельзя было, однако, утверждать, что я стал теперь совсем пассивным в публицистическом отношении. Так, для итальянского журнала “Critica marxista” я написал большую статью под названием “КПЧ в период ренессанса социализма”.

Для сентябрьского номера “Новой мысли” я по просьбе редакции написал большую передовую статью под названием “Накануне съезда”. В ней я подробно изложил свое представление о значимости съезда партии и вообще о партии, проходящей через демократические преобразования. Статья уже была в гранках, я даже успел ее авторизовать, однако ей так и не пришлось увидеть свет, поскольку этому помешала военная интервенция. Я приведу из нее несколько мыслей.

Съезды являются свидетельством силы или же слабости политической партии, жизнеспособности ее программы или же ее стагнации. Они являются аттестатом зрелости для ее руководящих органов, свидетельством того, насколько верно они руководят партией или же, напротив, уводят ее с правильного пути. Они отражают уровень членов партии подтверждением того, могут ли они демократическим путем выбрать делегатов съезда, способных принимать решения о политической линии и качественном составе ЦК. На подготовку XIV съезда было мало времени, поэтому руководство партии работало днем и ночью. Нужно было успеть одобрить материалы, подготовленные большими коллективами специалистов, а также коммунистами “снизу”, участвовали в этом деле и публицисты своими выступлениями в дискуссиях. Этот съезд не может полностью определить программу, но он должен наметить для партии четкую линию, опирающуюся на Программу действий. Съезд в состоянии определить общие контуры нашего понимания социализма.

Кризис в партии и обществе глубок, он может быть преодолен лишь посредством высокой активности. Тот, кто не сумеет избавиться от бюрократического помыкания и командования, тот не пройдет через этот экзамен. Его выдержит лишь тот, кто поймет суть новых условий и задач. Разделение коммунистов на “прогрессивных” и “консервативных”, конечно, неточно, оно не учитывает всю шкалу различий взглядов, вместе с тем оно не является и полностью ненужным. Консервативные члены тяготеют к старым сектантско-догматическим позициям, они имеют контакты с границей, они стараются по-прежнему быть активными, пусть и на более узкой базе. Отвергнув их, съезд воспрепятствует отходу назад, к доянварским отношениям. Прогрессивные силы, получив поддержку народа, хотят придать социализму гуманный характер, сделать его частью национального организма с присущими ему демократическими традициями. Эти общенародные устремления сумеют вытеснить на самую периферию общества антисоциалистические тенденции.

Политика экономических реформ реализуется недостаточно успешно. Ее противники ставят ей в вину “политическую неприемлемость” временных трудностей, вызванных переходом к рыночным отношениям. Народ же сам стремится разобраться в ситуации. Внося свои дары в Фонд республики, он демонстрирует свою готовность пойти на жертвы. Однако и в этом отношении съезду придется четко определить свою позицию, потому что политическое обновление не состоится, если оно не будет закреплено экономическими мерами.

Я отверг взгляды о том, что процесс обновления проистекает лишь из одной эмпирии, что он не имеет своей теории, что он сопровождается “ревизией” марксизма и лишен научной основы. Именно для прошлого были характерны деформации и “ревизия” социалистической теории, в то время как новая “Программа действий” возвращает социализму его гуманистический облик. Взаимосвязь национального и интернационального в деятельности партии, сколь бы противоречивой она порой ни была, не исключает гармонизации обоих компонентов. Различия в интересах и воззрениях – явление вполне естественное, не

следует их драматизировать. Наш съезд, на который придут десятки иностранных делегаций, позволит сопоставить состояние теоретической мысли и практических подходов к социализму.

Таково коротко содержание неопубликованной передовой статьи для “Новой мысли”. Обдумывал я также и свое выступление на съезде, я надеялся, что смогу более глубоко, чем в майском выступлении по случаю годовщины Маркса, обосновать теоретические принципы демократического социализма как реальной альтернативы политической системы развитого общества. Я отнюдь не стремился искусственно искать некий “третий путь”, важно было интегрировать оправдавшие себя рыночные отношения в условиях по-умному планируемой и регулируемой экономики, развитие которой будет полноценно удовлетворять возрастающие потребности людей, живущих в свободном, демократическом мире с развитым социальным и культурным уровнем жизни всех слоев общества. Я полагал, что можно будет сочетать преимущества демократии и рынка, т.е. то, что я наблюдал на Западе, с преимуществами социальных гарантий и человеческой солидарности, как это предполагает программа социализма.

* * *

Вернемся, однако, к ситуации, сложившейся в сфере информации и публицистики, имевшей для процесса обновления чрезвычайно важное значение и вызывавшей вместе с тем большие споры. Дубчек, Черник²⁵, Кригель, Смрковский, а также другие мои “союзники” в деле защиты средств массовой информации исходили из того, что авторы, искренне поддерживающие политику демократизации, не должны работать по-старому, прославляя партию и социализм. Напротив, они имеют право критически указывать на ошибки, могут высказывать свои сомнения в отношении позиций и конкретных шагов, которые мы считаем правильными. Мы же как политики можем их критику принимать или же отвергать по нашему усмотрению, в этом мы от них не зависим. Если мы не хотим давать им распоряжения или же вести себя как цензоры, мы не должны мешать им свободно высказывать свое мнение. Нашим единственным оружием должны быть политическая дискуссия с ними и убеждение с помощью аргументов.

Этого метода мы придерживались и на памятной последней пресс-конференции перед вступлением войск, проходившей 17 августа в Грзанском дворце. Я проводил ее вместе с О. Черником, прибыли на нее и Ф. Кригель, Й. Смрковский и, как ни странно, А. Капек. Мы выступали поочередно и буквально умоляли присутствовавших главных редакторов и директоров средств массовой информации, чтобы они в напряженный период перед XIV съездом установили в своих редакциях строгую дисциплину и ответственность журналистов, чтобы они не заставляли нас вмешиваться в их компетенции извне. Кригель, проявлявший иногда в отношении журналистов чрезмерный либерализм, на этот раз воспользовался примером “дамоклова меча”, который над всеми нами висит всего лишь “на тоненькой ниточке”. Тем самым он ясно дал понять непосредственную угрозу интервенции, которую он, очевидно, в большей степени, чем мы все, считал реальной. Слова предостережения прозвучали и в выступлениях Смрковского и Черника. Единственный, кто молчал, был Капек, который, скорее всего, пришел “на разведку”. Насколько я сумел понять Капека, он не был ярким политиком, да и не имел амбиций им быть, его отношение к партии и к социализму можно сравнить с верой угольщика. Очевидно, он страдал из-за противо-

речий и столкновений в руководстве партии. Его тяжело травмировали разоблачения преступных процессов и крах сталинизма, интеллект рабочего мешал ему воспринять демократизацию обновления. Он стал жертвой политического краха, из которого не смог выбраться.

У присутствовавших на пресс-конференции журналистов, пожалуй, впервые за пять месяцев моих встреч с ними, были заметны неуверенность, а возможно, и страх. Лишь один из них открыто присоединился к нашей аргументации – это был постаревший коммунист-энтузиаст Станислав Будин. Остальные же пытались защищать свою совесть, шокированную грубостью политики, или же возражать, полагая, что мы преувеличиваем значимость влияния печати на взаимоотношения с союзниками [...]²⁶.

АВГУСТОВСКАЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

День 20 августа в здании ЦК КПЧ начался с невероятного переполоха. У секретарей из одного кабинета в другой курсировала тревожная информация о том, что должно было происходить на заседании Президиума ЦК во второй половине дня. Стало также известно о перемещении войск союзников вдоль наших границ, прежде всего в Польше и Венгрии. Й. Шпачек взволнованно рассказывал мне о том, что “консерватисты” будто бы готовятся к новой атаке на заседании Президиума ЦК. Они хотят, чтобы предметом обсуждения стало положение в стране, выполнение мнимых обещаний, которые будто бы были даны в Чиерне. Мои помощники, Горак и Чутка, сообщили, что в кулуарах аппарата ходят слухи о том, что должна произойти стычка по принципу “кто кого” и что мишенью главной атаки должен стать сам Дубчек и занимаемый им пост.

В самом начале послеобеденного заседания Президиума ЦК “консерватисты” сразу же завели спор о необходимости изменения порядка обсуждения намеченных вопросов. Они предложили начать заседание прежде всего с рассмотрения столь “срочного” материала Д. Кольдера об утверждении позиции Президиума ЦК в отношении встреч в Чиерне и Братиславе. Дубчек же и другие члены ЦК, однако, настаивали на сохранении прежней программы, где в качестве первого пункта значилась дискуссия о материалах, предназначенных для XIV съезда. Предпочтение было отдано важным съездовским документам, дискуссия по которым, вполне естественно, заняла несколько часов. После вечернего перерыва заседание было продолжено. В конце концов пришел черед и отложенного в прошлый раз отчета Отдела сводной информации, представленного Индрой, было оглашено и заключение, подготовленное Кольдером. Отчет заслуживал внимания и детального обсуждения, однако для “консерватистов” важнее всего было как можно скорее перейти к принятию заключения, а также проведению голосования, которое должно было завершиться в их пользу.

Лишь спустя четверть столетия вышло наружу, почему группировка Кольдера проявляла такую поспешность. Документы из советских архивов, переданные Б. Ельциным в дар В. Гавлу в 1993 г., выдали многое из того, в чем в своих мемуарах в весьма искаженном и неполном виде признавался, например, Биляк. В соответствии с планом Индры, согласованным с остальными “консерватистами” и одобренным Брежневым, на этом же заседании Президиума ЦК 18 августа во время дебатов по кольдеровскому варианту оценки “контрреволюционной” ситуации в ЧССР должен был подвергнуться нападкам Дубчек за невыполнение соглашений в Чиерне, и соответственно его должны были снять с

должности первого секретаря. Это должно было послужить сигналом для резкого поворота в деятельности руководства партии, в связи с которым “консерватисты” должны были бы получить в нем большинство в количестве 6:5, если не 7:4. Незамедлительно должен был произойти переворот в верхах с тем, чтобы победители успели обратиться к пяти странам-союзницам с просьбой прислать войска на нашу территорию для защиты завоеваний социализма. Войска были подготовлены к вторжению через государственную границу в полночь с 20 на 21 августа. В этот же день должен был собраться пленум ЦК КПЧ, задачей которого было завершить и подтвердить правомочность переворота путем отзыва прежнего состава Президиума и выбора временного руководства партии, состоящего исключительно из “консерватистов”. Одновременно должно было состояться Национальное собрание, которое должно было осуществить аналогичные кадровые изменения в своих органах и поддержать изменения в составе республиканского правительства. Президент Свобода, в позиции которого заговорщики не были полностью уверены (как выяснилось позже, вполне справедливо), поставленный перед фактом, должен был подтвердить произошедшее и назначить новое правительство. В качестве возможной кандидатуры на пост главы правительства намечались Индра, Ленарт, Пиллер или же сам Свобода.

Осуществление этого плана было сорвано как по срокам, так и по существу, не удалась путчистам и попытка захвата власти с помощью дополнительных маневров в ходе развития событий 21 августа.

Я полагаю, что стоило бы вновь вернуться к отчету отдела Я. Кашпара о ситуации в ЧССР, которому Индра попытался добавить необходимую долю остроты. В отдельных главах отчета обращалось внимание, помимо прочего, на очень сложное положение, сложившееся в экономике, где происходило углубление диспропорций, распадалась старая структура управления из единого центра, новые же правила функционирования экономики до сих пор не начали действовать. Внутриполитическая ситуация, хотя и способствовала значительному возрастанию доверия граждан к партии (к 1 августа она достигла 82%), однако это обуславливалось в первую очередь международными факторами, сделавшими необходимой защиту суверенитета, т.е. это не было подкреплено конкретными экономическими и социальными достижениями. Плюрализм политических сил в стране, судя по программным заявлениям некоторых участников Национального фронта, сулил поддержку социализму в его демократическом понимании, однако для конкретной публичной жизни был характерен сильный разброс позиций, вплоть до антикоммунистических проявлений. В отчете далее подчеркивалась внешнеполитическая обусловленность внутреннего положения в стране. ЧССР, хотя и является неотъемлемой составной частью социалистического содружества и союзнических отношений, однако наша страна вступила в этот союз с иным пониманием социалистической системы по сравнению с соседними странами, включая и СССР.

В разделе о роли общественного мнения и колебаниях в его развитии уделялось большое внимание средствам массовой информации, поскольку мы стали одной из стран в мире, где правительство не занимается анализом воздействия средств массовой информации на общественную и политическую жизнь, а поэтому не делает из этого анализа соответствующих выводов. Недостаточно лишь делать скорбную мину, наблюдая за действиями печатных органов или же выражать по этому поводу свое возмущение. Журналистика вполне естественно

выходит за отведенные ей “лимиты”, одновременно она направляет свое острие против всех партий мира и против всех политических направлений.

В отчете делается также попытка дать всестороннюю характеристику деятельности КПЧ. Среди членов партии существует широкий разброс мнений по принципиальным вопросам, охватываемым “Программой действий”, по экономическим реформам, по методам деятельности коммунистов в плюралистической системе и т.д. Для процесса консолидации партии понадобятся многолетние усилия, как идейные, так и организационные. Подготовка и проведение съезда играют в этом деле важную роль. Выборы делегатов показали, что среди них нет молодежи до 25 лет, численность же тех, кому нет 30 лет, составляет всего лишь 2.3%. Основную же массу членов (примерно 80%) составляют люди, принадлежащие к среднему поколению, т.е. от 30 до 50 лет. Что же касается уровня образования, то больше всего людей с высшим образованием (45%), дипломы о среднем образовании имеют 35% делегатов. Во всех группах большинство составляют мужчины, женщин – всего лишь 6%. Что касается длительности партийного стажа, то более 55% составляют коммунисты, вступившие в партию до февраля 1948 г., следующие 36% вступили в партию, по крайней мере, 10 лет тому назад (до 1958 г.).

Анкетирование, проводившееся на окружных партийных конференциях, помогло выявить, помимо прочего, и процент популярности руководящих секретарей ЦК:

1. Дубчек	85.4%
2. Цисарж	75.9%
3. Шик	73.9%
4. Черник	70.6%
5. Гусак	65.4%

За ними следуют Шпачек, Ленарт, Смрковский, Биляк, Млынарж (52%). Небезынтересно и в какой последовательности были те, кто находился на последних местах:

24. Кольдер	31.1%
25. Воленик	29.2%
26. Капек	27.5%

Отчет Отдела сводной информации Президиумом ЦК в целом был принят к сведению, однако какие-либо конкретные выводы по нему сделаны не были. Меры, предлагавшиеся Кольдером, хотя и полностью соответствовали позиции кремлевских правителей, однако они наталкивались на сопротивление пятерки – Дубчека, Черника, Кригеля, Смрковского, Шпачека. Пиллер также не соглашался с некоторыми из их предложений. Поддержка Биляка и Риго не влияла на соотношение голосов. Poleмика все больше затягивалась, каждый выступал по нескольку раз, однако Дубчек все еще не ставил вопрос на голосование.

Все мы уже довольно сильно устали, когда Черника неожиданно позвали к телефону. После состоявшегося разговора он сообщил нам о том, что войска пятерки начали оккупацию Чехословакии. Это сообщение прервало бесконечные пререкания, открыв новую главу в череде событий, происходивших в руководящем составе КПЧ.

* * *

Проходили секунды, заполненные вначале молчанием всех присутствовавших. Потом постепенно последовала реакция, сопровождавшаяся спонтанными

высказываниями. Но пока все еще ничего не происходило, в помещение не вошел никакой майор или же полковник, появления которого ожидал, судя по его воспоминаниям, Биляк. И только лишь в воспаленном мозгу развертывалась апокалиптическая картина последствий вооруженной интервенции. У меня не было ни малейших сомнений в том, что все это было направлено отнюдь не против так называемой контрреволюции, а против нас, тех, кто был поборником процесса демократизации, кто был против возвращения к псевдосоциалистической диктатуре партии. Не сомневался я и в том, что ночное вторжение одновременно преследует и цель спасти и поддержать догматическо-сектантских последышей старого режима, которые сами себя называли “здоровыми силами”.

Сознание того, что я принадлежу к числу тех, кого вторгшиеся армады намерены “проучить”, заставило меня через некоторое время произнести слова, ставшие, пожалуй, первыми: “Это поражение, поражение нашей политики и мое лично!” Дубчек потрясенно повторял: “И это они сделали мне, мне!” Он произнес что-то в том роде, что слагает с себя свои полномочия. Это же хотел сделать и Млынарж. Кригел бушевал по поводу вероломства Советов, не выбирая слов в адрес Брежнева и компании. Смирковский испытующе смотрел на Кольдера и Биляка: “Кто их позвал?” Биляк клялся, что только не он. Когда же мы, не веря его словам, испытующе на него посмотрели, он взорвался, подставляя свою грудь: “Ну так застрелите меня!”. Кольдер отчасти коварно, отчасти испуганно озирался вокруг: “Ну, надо же!”

В какой-то момент я вдруг осознал, что мы, “прогрессисты”, никогда не собирались вместе, не обсуждали в качестве альтернативы, что следовало предпринять, если бы интервенция все же случилась. Что делать в создавшейся ситуации? Было ясно, что шок проходит и возвращается осознание ответственности: мы, руководство партии и государства, мы за все отвечаем и никто не снимает с нас ответственности каким-то образом отреагировать. Кригел высказал важную вещь: “Никто не должен оставлять свой пост”. Дубчек вновь вернулся к своим обязанностям председателя заседания. Мы сели, и обсуждение вновь вошло в свое русло. Возбуждение, однако, не проходило, отчетливо обозначилось противостояние двух лагерей: там – “консерватисты”, здесь – мы.

Все, что я здесь описываю, обращаясь к своим воспоминаниям, длилось каких-то пару минут. То же, что за этим последовало, – часы.

Возникла идея пригласить министра обороны Дзура, чтобы он проинформировал о военной ситуации, но тот сказал Чернику по телефону, что не может покинуть Генеральный штаб. Позже мы узнали, что он уже находился под контролем советских генералов. Более успешной оказалась просьба Дубчека о том, чтобы на заседание Президиума ЦК прибыл президент Свобода; примерно через час тот приехал. Он нам рассказал о том, что его посетил Червоненко для того, чтобы сообщить причины вступления войск, впрочем, сам он будто бы сразу же от этого дистанцировался. Однако, по мнению Свободы, раз уж войска находятся здесь, не остается ничего другого, как смириться с этим фактом и воспрепятствовать возможным проявлениям безрассудства, которые могут привести к кровопролитию.

Я думаю, что Свобода по своим взглядам и занимаемой им позиции в какой-то мере разделял критические опасения, постоянно исходившие из Москвы и адресованные руководству Дубчека. До вступления войск он никогда об этом публично не говорил, внутренне, однако, разделяя эти опасения, не таил он эти

сомнения от своих близких. К этому ближайшему кругу относились прежде всего его дочь Зоя и зять Милан Клусак. С последними я общался чаще, чем с самим “старым господином”. Оба они были сторонниками процесса обновления, и у меня нет оснований не верить, что они не оказывали в этом отношении влияние и на президента. Вместе с тем они знали о соединявших его с СССР крепких узах и уважали это. Понимали они и его опасения, что эти узы могут нарушиться. Впрочем, никто из прогрессистов, ни Дубчек, ни кто-либо другой и не помышляли об этом.

Другим обстоятельством, которое мучило Свободу, были разногласия внутри партийного руководства, невозможность или же неспособность их преодолеть. По своему менталитету генерала он не мог понять, как это возможно: Партия ведет историческое сражение за достижения социализма, а ее руководство не объединилось вокруг своего лидера!

Когда к нам вторглись вооруженные армии, Свобода открыто высказал в Президиуме ЦК свое мнение: “Вот видите, куда вы эту страну завели!” Эту же фразу он неоднократно повторял при самых разных обстоятельствах. При этом он внутренне имел в виду обе “провинившиеся” стороны, т.е. как “прогрессистов”, так и “консерватистов”. Впрочем, противная сторона неверно истолковывала его слова как одностороннее осуждение приверженцев обновления. На самом же деле это высказывание было сродни словам князя Святоплука, порицающего своих препирающихся сыновей.

После ухода Свободы нам троим, т.е. Млынаржу, Славику и мне, было поручено составить проект позиции Президиума ЦК в связи с интервенцией, а также последовавшим за ней событиям. С задачей мы справились примерно за полчаса. Сложность нашего положения заключалась в том, что мы не знали закулисную сторону подготовки военного вторжения, кроме того, мы могли лишь предполагать, какую аргументацию выдвинут его инициаторы для “оправдания” этого акта. Таким образом, мы могли опираться только на наш предшествующий опыт, связанный с Варшавским письмом²⁷ и переговорами в Чьерне и Братиславе. В соответствии с прошедшей дискуссией мы включили в текст следующие положения: вступление войск пяти государств произошло без ведома высших чехословацких органов, причем это случилось в тот момент, когда руководство партии занималось подготовкой к XIV съезду; призвать граждан к тому, чтобы они сохраняли спокойствие и не оказывали сопротивление войскам; что касается наших вооруженных сил, то им был дан приказ не защищать страну; интервенция противоречит принципам отношений между социалистическими государствами, а также международному праву; все руководящие деятели партии и государства продолжают исполнять свои легальные функции; созываются парламент, правительство и пленум ЦК КПЧ для обсуждения возникшей ситуации.

Когда мы со своим проектом текста решения вернулись снова на заседание Президиума ЦК, Млынарж его зачитал. Кольдер и другие виновники ночного вторжения стали возражать против большинства формулировок, особенно против упоминания о нарушении прав и соглашений. Попытка воспрепятствовать предложенному нами решению получила поддержку лишь меньшинства членов Президиума ЦК, поскольку Пиллер и Барбирек, на которых Кольдер рассчитывал как на своих союзников, выразили несогласие со вступлением войск. Остались лишь Риго и Швестка, готовые оказать поддержку своим консервативным поделщикам. Однако у них сорвалось выполнение основной задачи: заговорщи-

ки не получили большинства в Президиуме ЦК, не смогли свергнуть Дубчека и, захватив руководство партии, обратиться от имени Президиума ЦК с просьбой о “братской помощи”. Наш текст решения был прямой противоположностью их неудачного маневра, поэтому они потребовали сделать перерыв с тем, чтобы отложить его одобрение, а также сорвать возможность сообщения в ночном радиовещании. Вполне возможно, что им понадобилось проконсультироваться с посольством СССР по поводу того, что же следует предпринять в этой неожиданной ситуации. Возможно, что их план сорвался в самом начале заседания, когда им не удалось добиться снятия пункта о подготовке съезда, в результате чего они потеряли несколько часов времени [...]»²⁸.

Продолжить дальше дебаты, что вновь попытались сделать “консерватисты”, было с нашей точки зрения ни к чему, поскольку фактор времени уже начинал играть не в нашу пользу. Дубчек завершил дискуссию и предложил голосовать. К каждому члену Президиума ЦК, имевшему право голоса (этого права не имели присутствовавшие кандидаты в члены Президиума ЦК, а также секретари ЦК) обращались по отдельности, он должен был сам принять решение о том, каким будет его место в истории – ведь именно об этом и шла речь. Против нашего текста решения были четверо: Биляк, Кольдер, Риго и Швестка. Остальные семеро были “за”: Дубчек, Черник, Смрковский, Кригел, Пиллер и Барбирек. Планы “консерватистов”, безотносительно к тому, знали ли мы их наверняка, или же только предполагали, были похоронены. Во всяком случае, так произошло в этом последнем политическом сражении в переломную ночь с 20 на 21 августа.

Позиция Президиума ЦК, точнее его большинства, в эфир могла бы и не попасть. Млынарж успел его передать по телефону службе стенографистов на радио, однако было уже без малого два часа ночи, когда завершались передачи радио. Шеф связи Гофман сделал все для того, чтобы все радиостанции действительно смолкли. Впрочем, продолжали работать радиоточки, которые в то время были весьма распространены в домах, на предприятиях и учреждениях. Благодаря этому историческое заявление официальных представителей Чехословакии о незаконности вступления войск вскоре стало известно отечественной и зарубежной общественности [...]»²⁹.

Читая печатные издания прошедших дней, я все более убеждался в изобретательности поиска форм сопротивления нашего народа перед лицом незваных вооруженных захватчиков. Начиная с первых часов оккупации их солдаты и офицеры находились под шквалом тысячи раз повторяемого: “Почему? Почему вы пришли?” Школьного знания русского языка, конечно же, не вполне совершенного, было, однако, все же достаточно для данного момента, это позволяло нашим людям, особенно молодежи, высказывать возмущенные упреки и вести полемические диалоги. У оккупировавших нас “героев” не было иного средства самозащиты, чем заученные фразы о “братской помощи”, которые им внушали политруки. Враждебность, возникая по вине взбесившихся защитников “сплоченности социалистического блока” – а в действительности автократов империи – не могла не привести к иному результату, чем дискредитация идей социализма и интернационализма. Это лишь заложило взрывчатку под весь социалистический мир. Было лишь вопросом времени, когда последствия противоречий, насилия и гнета приведут в действие эту взрывчатку, именно это и произошло на рубеже 80–90-х годов.

Перевод Г.П. Нецименко

¹ Двухсторонние советско-чехословацкие переговоры в Чиерне-над-Тисой проходили с 29 июля по 1 августа 1968 г. В переговорах участвовало руководство обеих партий почти в полном составе. Советская сторона требовала навести порядок в средствах массовой информации, закрыть все организации, не входящие в Национальный фронт, убрать со своих постов Ф. Кригеля, Ч. Цисаржа, Й. Павела (министра внутренних дел), И. Пеликана (руководителя чехословацкого телевидения). Чехословацкое руководство дало устное обязательство обудзати прессу, подтвердило верность социалистическому выбору и Организации Варшавского договора. После длительных дискуссий было решено продолжить многосторонние переговоры.

² Шпачек Йозеф – руководитель Южно-моравского краевого комитета КПЧ, на январском пленуме 1968 г. был введен в состав Президиума ЦК КПЧ. Последовательный сторонник курса на проведение реформ.

³ Биляк Василь – словацкий политик. После избрания А. Дубчека первым секретарем ЦК КПЧ возглавил компартию Словакии. В апреле 1968 г. стал членом Президиума ЦК КПЧ. На декабрьском пленуме 1968 г. активно выступал за отставку А. Новотного. Однако по мере углубления процесса демократизации в стране его позиция эволюционировала вправо.

⁴ Кольдер Драгомير – бывший секретарь Северо-моравского крайкома КПЧ, с 1962 г. – член секретариата ЦК КПЧ, возглавлял комиссию по реабилитации жертв политических репрессий 1950-х годов. Вначале поддерживал курс на реформы, потом по мере нарастания давления со стороны Москвы и союзников по социалистическому лагерю сменил ориентацию.

⁵ Индра Алоис – член секретариата ЦК КПЧ, последовательный противник курса реформ. Поддерживал интенсивные связи с советским посольством.

⁶ Швестка Ольдржих – редактор газеты “*Rudé pravo*”, на апрельском пленуме 1968 г. избран членом Президиума ЦК КПЧ. Трансформация его политической позиции во многом сходна с изменением позиции Д. Кольдера.

⁷ Капек Антонин – член Президиума ЦК КПЧ, последовательный противник курса реформ.

⁸ Факт передачи письма подтверждает А.Е. Бовин, принимавший, как консультант международного отдела ЦК КПСС, участие в переговорах советских и чехословацких руководителей в Чиерне-над-Тисой, а также в многосторонней встрече лидеров компартий в Братиславе. В своих мемуарах он пишет, что Биляк передал в туалете письмо Шелесту с настойчивой просьбой о “всесторонней помощи”. Письмо подписали члены Президиума ЦК КПЧ А. Индра, Д. Кольдер, А. Капек, О. Швестка и В. Биляк. В последнем абзаце авторы писали о необходимости максимального засекречивания этого заявления, поэтому оно было адресовано лично Шелесту и написано по-русски. Автор мемуаров признает, что сам узнал имена подписантов только в 1992 г. О получении письма свидетельствует и П.Е. Шелест в своих воспоминаниях.

⁹ Кригель Франтишек – коммунист с довоенным стажем, участник Гражданской войны в Испании, в первые послевоенные годы работал в Пражском крайкоме КПЧ. В начале 1950-х годов в ходе политических чисток был освобожден от партийной работы. В 1960-е годы был реабилитирован, избран депутатом парламента и введен в состав ЦК КПЧ. В 1968 г. стоял на позициях радикального крыла коммунистов-реформаторов, являясь председателем Национального собрания.

¹⁰ На январском пленуме ЦК КПЧ был рассмотрен вопрос о расширении состава Президиума ЦК. В него вошли новые члены: И.Й. Шпачек, Ю. Боровка – явные противники Я. Новотного, а также Я. Пиллер и Э. Риго, позиции которых еще не были четко определены.

¹¹ Вокруг даты проведения внеочередного XIV съезда КПЧ после январского пленума разгорелась острая политическая борьба. Радикальные сторонники реформ считали, что проведение съезда, на котором предстояло закрепить изменение курса, возможно осуществить уже в мае – июне 1968 г. А. Дубчек считал необходимым в ходе окружных и краевых партийных конференций провести обновление партаппарата на местах, поэтому настаивал на более поздних сроках. Кроме того, он вынужден был учитывать тот факт, что Москва явно не желала проведения внеочередного съезда партии в 1968 г. и предлагала перенести созыв съезда на 1969 г.

¹² Братиславская встреча лидеров коммунистических партий СССР, ГДР, Польши, Венгрии, Болгарии и Чехословакии последовала сразу после окончания советско-чехословацких переговоров в Чиерне. На основе проекта, разработанного советской рабочей группой, лидерами партий было подготовлено совместное заявление. В нем отсутствовали утверждения о наступлении контрреволюции в Чехословакии. Главным пунктом было положение о защите завоеваний социализма как общем интернациональном долге всех социалистических стран, такая формулировка давала основу для различной интерпретации. Если А. Дубчек расценивал итог братиславской встречи и принятия данного заявления как легализацию чехословацкого пути к социализму, то В. Ульбрихт воспринимал названный документ иначе. Для него это был призыв к компартиям выполнять свои обязательства, вытекающие из членства в советском блоке.

¹³ Млынарж Зденек – окончил в 1955 г. Московский Университет (юридический факультет), работал в Институте государства и права ЧСАН, с 1964 г. стал официальным советником – консультантом партийных и государственных органов по вопросам политических систем, демократии и права. Один из активных деятелей реформаторского крыла КПЧ. С апреля 1968 г. – секретарь ЦК КПЧ.

¹⁴ Речь идет о крупнейшем машиностроительном заводе страны “Колбен Данек”.

¹⁵ Военные маневры “Шумава” развернулись 20 июня 1968 г. на территории четырех стран: ЧССР, Польши, ГДР и Венгрии и продолжались до 30 июня. В них принимали участие до 40 тыс. военнослужащих. Командование осуществлял маршал Советского Союза Якубовский. Историки впоследствии оценивали эти учения как генеральную репетицию вторжения в ЧССР.

¹⁶ VI Международный конгресс славистов проходил в Праге с 7 по 13 августа 1968 г. Автор называет его вторым, поскольку в Праге в 1929 г. проходил I Международный конгресс славистов.

¹⁷ Штолл Ладислав – ученый, литературовед, активно насаждавший идеи социалистического реализма, директор Института чешской литературы ЧСАН, вице-президент ЧСАН.

¹⁸ Опущен абзац с описанием поездки в заводской дом отдыха.

¹⁹ Маурер Ион Георге – один из лидеров Румынской рабочей партии. С 1961 по 1974 г. возглавлял правительство страны. Хорошо знал Ч. Цисаржа по его работе в качестве посла ЧССР в Румынии с 1965 по 1968 г.

²⁰ Итоги встречи лидеров шести стран в Братиславе поначалу были оценены весьма оптимистично. По свидетельству О. Шика, Й. Смирковский говорил, что “теперь нужно сосредоточить свои силы на подготовке к съезду партии”. Эту позицию разделяли все члены президиума ЦК.

²¹ Смирковский Йозеф – коммунист с довоенным стажем, один из руководителей Пражского восстания в мае 1945 г. В период партийных политических репрессий 1950-х годов был исключен из партии и осужден. В 1963 г. решением Верховного суда и Генеральной прокуратуры был реабилитирован; в 1964 г. стал депутатом Национального собрания, в 1966 г. – членом ЦК КПЧ, в 1968 г. принадлежал к числу коммунистов-реформаторов, являлся председателем Национального собрания ЧССР.

²² А. Бовин в своих мемуарах, не ссылаясь на источник информации, писал: «Не успели мы вернуться [из Братиславы] в Москву, как из Праги стали поступать неприятные сообщения. Некоторые участники встречи в Чиерне-над-Тисой стали выступать на партийных акциях с рассказами о том, как они “надули” русских: наговорили им то, что они хотели, а делать будем то, что мы хотим. Обстановка накалялась...»

²³ В дневниковых записях Бовина, которые он делал в августе 1968 г. в связи с развитием событий в Чехословакии есть следующая информация: «16 августа. Как мне стало известно “здоровые силы”, по существу, предъявили нам ультиматум. Они готовы на заседании Президиума 20 августа вести дело к расколу, если в ночь с 20 на 21 августа советские войска войдут в Чехословакию. Со своей стороны они обещали, что к обращению, переданному ранее Брежневу, будет добавлено еще около 50 подписей членов ЦК и правительства. Они предполагают захватить радио и телевидение и обратиться к народу. Утром 20 августа будет созван пленум ЦК КПЧ».

²⁴ После роспуска творческих союзов против Й. Гохмана и Й. Румла в 1970 г. были возбуждены уголовные дела.

²⁵ Черник Ольдржих – член Президиума ЦК КПЧ, в 1968 г. возглавлял правительство страны. По политическим позициям был ближе к А. Дубчеку, чем к радикальной части реформаторов.

²⁶ Опущена полемика с журналистами периода “нормализации” и П. Питгартом – автором книги “Шестьдесят восьмой” (Кельн, 1980), в которой Цисарж и его сторонники обвинялись в том, что они, якобы зная о предстоящем введении войск, фактически предали “Пражскую весну”.

²⁷ Речь идет об известном письме, направленном руководству ЦК КПЧ от имени компартий Советского Союза, Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии 6 июля 1968 г. с приглашением на встречу в Варшаве 10 или 11 августа 1968 г.

²⁸ Опущен сюжет о звонке Ч. Цисаржа жене.

²⁹ Опущен сюжет об аресте Ч. Цисаржа.

МОСКВА – ПРАГА... 1968 ГОД

Два документа из архива Константина Симонова

В личном архиве К. Симонова имеются два ранее неизвестных исследователям документа, раскрывающих его позиции и отношение к событиям “Пражской весны”, которая, как известно, началась в январе 1968 г. Тогда на пленуме ЦК КПЧ большинством голосов был освобожден от должности Первого секретаря ЦК КПЧ А. Новотный, сосредоточивший после 1956 г. в своих руках все высшие партийные и государственные функции. Новым главой ЦК КПЧ стал А. Дубчек, до этого возглавлявший ЦК компартии Словакии. Его кандидатуру поддерживали те круги внутри правящей элиты и интеллектуалов чешского и словацкого общества, которые, начиная с начала 1960-х годов, добивались проведения реформ в политической, общественной и экономической сферах жизни общества, направленных на его демократизацию, с чем, собственно, они связывали возможности преодолеть все более нараставшее экономическое отставание страны от развитых европейских государств, где интенсивно развивалась научно-техническая революция.

Критика политики, проводимой Новотным, отчетливо звучавшая уже на XIII съезде КПЧ летом 1966 г. и постепенно набиравшая силу, достигла к концу 1967 г. своего апогея. Она вызывала в Москве у советского руководства, и прежде всего у Л.И. Брежнева и его ближайшего окружения, настороженное, если не сказать негативное отношение. Об этом прямо свидетельствуют в своих мемуарах “люди системы” – А.Е. Бовин и Г.А. Арбатов, работавшие в рассматриваемое время в высших звеньях партийного аппарата ЦК КПСС. Так, Г.А. Арбатов, анализируя процесс отхода советского руководства после снятия Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. от линии XX–XXII съездов КПСС, пришел к выводу о неприемлемости для Москвы решений январского пленума ЦК КПЧ: “Негативное и даже враждебное отношение нашего руководства к событиям в Чехословакии сформировалось, как представляется, не в июне и не в августе, даже не в мае, а скорее всего, в январе 1968 г. Враждебность в силу сугубо внутренних причин, нежелание идти путем перемен вызывал сам курс реформ, на который вставала Чехословакия” [1. С. 112]. Последнее подтверждают и мемуары А.Е. Бовина, который отмечал, что Брежнев, присутствовавший ранее на XIII съезде КПЧ и лично слышавший выступления делегатов съезда, не мог взять в толк, чем же провинился Новотный. “Вы видите, – говорил Брежнев при обсуждении одного из документов, – что атаки идут не столько на Новотного, сколько затрагивают совершенно другие вопросы: какая-то свобода, демократия, либерализация... Нам и себя надо оградить” (цит. по [2. С. 175]).

Перед новым же руководством КПЧ после январского пленума объективно на повестку дня в качестве первоочередных вставали задачи разработки про-

граммы действий как отправной точки реализации новой политики и одновременно перестройки работы партийных и государственных органов, особенно с точки зрения обеспечения их соответствующими кадрами с тем, чтобы эти органы были способны проводить новую политику, направленную на смягчение существующего режима. Состоявшийся 2–5 апреля 1968 г. пленум ЦК КПЧ утвердил представленную “Программу действий КПЧ”. Суть этого документа сводилась к осуществлению системы переходных мер, которые должны были, по мнению ее составителей, обеспечить постепенную трансформацию существующей в стране советской модели социализма в иную, названную чехословацкой стороной “социализм с человеческим лицом”. Авторы программы исходили из того, что для ее реализации потребуется достаточно длительный период, в течение которого будет происходить превращение КПЧ из силы, сконцентрировавшей в руках узкой группы лиц всю монополию власти в стране, в демократически структурированный политический организм общества. В качестве первых шагов предполагалось ликвидировать, прежде всего, верховенство органов партии в сфере экономики, открыть путь к плюрализму мнений через отмену цензуры, реализовать новую концепцию Национального фронта как “большой коалиции” всех политических партий и общественных организаций, которая и будет представлять широкую палитру интересов различных социальных слоев и групп общества.

На апрельском пленуме были проведены и существенные кадровые перестановки. Открытые сторонники Новотного по большей части были удалены с руководящих постов. В Президиум и секретариат ЦК пришли новые люди, в большинстве сторонники реформ, но степень и глубина реформ понималась ими по-разному. Поэтому говорить о полном идейно-политическом единстве было трудно, но тем не менее очевидным стал факт, что ситуацию в партийном руководстве страны будут определять сторонники реформ. Ч. Цисарж в своих мемуарах писал, что А. Дубчек и О. Черник, возглавлявший правительство, стремились сохранить единство действий на базе принятой на апрельском пленуме программы. Их позиция среди сторонников нового курса определялась как “центристская”. К “консерваторам” автор относит трех человек: А. Индру, Д. Кольдера и В. Биляка, которые избегали практической реализации положений программы. Им активно противостояла группа “прогрессистов”, которую составляли Ф. Кригель, Й. Смирковский, Й. Шпачек, С. Шимон, В. Славик, Ч. Цисарж и З. Млынарж. К “колеблющимся” Цисарж относил Й. Ленарта, Я. Пиллера, Ф. Барбирека, О. Швестку, Э. Риго, Ш. Садовского, отмечая при этом, что из указанной группы против Дубчека никто не выступал (см. [3. С. 415]). О. Шик в своих мемуарах дает несколько иную расстановку сил после апрельского пленума (см. [4. С. 241–245]).

Наверное вряд ли будет правильно напрямую увязывать завершившуюся в Москве в первой декаде апреля 1968 г. разработку Генштабом плана введения советских войск на территорию ЧССР “с целью подавления, а при необходимости и уничтожения контрреволюции на ее территории” [5. С. 19] только с итогами апрельского пленума ЦК КПЧ, но и сбрасывать со счетов их нельзя. Это еще не было политическое решение. Оно было принято позже – 18 августа 1968 г. после нескольких международных и советско-чехословацких встреч и переговоров. Но, по-видимому, нельзя отрицать и значимость, которую придавало советское руководство принятым на апрельском пленуме в Праге решени-

ям, особенно, если учитывать, что процесс демократизации стал под давлением снизу стихийно выходить за рамки принятой программы.

В такой обстановке 16 апреля 1968 г. в Прагу для участия в научной конференции по теме “Литература факта и ее проблемы” вылетела делегация Союза писателей в составе К. Симонова, Б. Полевого, М. Шатирияна, В. Беляева, и А. Аграновского. Как впоследствии отмечал М. Шатириян, “заняться этим вопросом нам, в сущности, не пришлось. Уже тогда события в ЧССР приняли такой характер, что мы должны были больше говорить о фактах в жизни и литературе, чем о литературе факта” [6].

Предлагаемый читателю документ представляет собой отчет, составленный К. Симоновым, как руководителем делегации советских писателей, после возвращения из Чехословакии. Документ был отправлен в секретариат Союза писателей СССР за двумя подписями – Симонова и Б. Полевого. Наблюдения и выводы, основанные на личных встречах с представителями чешской и словацкой творческой интеллигенции, а также с некоторыми политиками, представляют для историков интерес не только с точки зрения изучения процессов, происходивших в Чехословакии, но и понимания общественно-политических позиций самого К. Симонова. Как писатель, культурный и общественный деятель он в полной мере осознавал реальность угрозы нового витка “завинчивания гаек” в области идеологии и культуры в случае поражения пражских реформаторов. Поэтому логически понятно и появление второго, предлагаемого вниманию читателей журнала документа, который можно датировать, исходя из содержания, началом сентября 1968 г. Это небольшое по объему письмо, адресованное секретарю Союза писателей СССР К.В. Воронкову, хранилось К. Симоновым в папке названной им “ОВП”, что означало “особо важные письма”.

Документы подготовлены к печати Е.К. Симоновой-Гудзенко.

© 2008 г. Г.П. Мурашко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арбатов Г.* Человек системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002.
2. *Бовин А.* XX век как жизнь. М., 2003.
3. *Císař C.* Politik a člověk. Praha, 1998.
4. *Шук О.* Весеннее возрождение – иллюзии и действительность. М., 1991.
5. *Майоров А.* Вторжение. Чехословакия 1968. М., 1998.
6. Литературная газета. 1968. 28 VIII.

В СЕКРЕТАРИАТ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Хотим изложить некоторые факты, мысли и предложения, связанные с нашей поездкой в Чехословакию.

Сначала кратко о фактической стороне дела.

Наша делегация, в составе Бориса Полевого, Константана Симонова, Михаила Шатирияна, Владимира Беляева и Анатолия Аграновского прилетела в Чехословакию 16-го апреля и вернулась в Москву 25-го апреля (А. Аграновский остался в Чехословакии еще на некоторое время уже не как член нашей делегации, а как корреспондент “Известий”).

16-го апреля и 25-го апреля, в день прилета и отлета, состоялись встречи делегации с руководством Союза чехословацких писателей профессором Э. Гольдштюкером¹ и другими работниками Союза и его Иностранной комиссии. На второй встрече присутствовали критик М. Юнгман² и писатель И. Марек³.

17-го и 18-го апреля состоялась, запланированная как основная цель поездки, дискуссия на тему “Литература факта”, в которой с чехословацкой стороны участвовали писатели Иржи Марек, Милан Смолек⁴, Войтех Замаровский⁵, М. Секера⁶, критик Бегоунек⁷, переводчик советской литературы Горак⁸, профессор Пражского университета И. Дрозда⁹, директор издательства “Свет Советов” Плахетка, председатель Иностранной комиссии писатель Пуйман¹⁰ и несколько журналистов из “Руде Право” и журнала “Свет Советов”.

21-го, 22-го и 23-го апреля делегация находилась в Словакии, где была приглашена на прием в честь Президента Республики. На этом приеме, устроенном в честь делегации Союзом писателей Словакии, мы встречались и беседовали с руководителем Союза писателей Валеком¹¹, критиком Матушкой¹², поэтом Лацо Новомеским¹³, писателями В. Миначем¹⁴, Карвашем¹⁵ и некоторыми другими.

22-го апреля делегация провела несколько часовую встречу со студентами Педагогического института в гор. Трнава, на которой присутствовало около 300 человек. В тот же день делегация посетила Городской Совет Трнавы и беседовала с руководящими работниками этого Совета.

Во время пребывания в Чехословакии Полевой и Симонов были приняты Президентом Чехословакии генералом Л. Свобода и имели с ним двух с половиной часовую беседу.

Полевой и Симонов имели также неофициальную беседу с Секретарем ЦК КПЧ В. Цисаржем¹⁶, находясь в гостях у писателя Иржи Марека.

24-го апреля посольство СССР устроило в честь делегации советских писателей прием, во время которого демонстрировался фильм “Гренада, Гренада, Гренада моя...” На приеме присутствовали почти все чешские писатели, ученые и журналисты, а также многие другие представители чехословацкой литературной общественности, в их числе Павел Когоут¹⁷, Иван Скала¹⁸, Иржи Гаек¹⁹, редактор журнала “Свет Советов” Мерта Мацкова²⁰, редактор журнала “Твар”²¹ Робан, директор Национальной галереи Коталик, журналист Филипп и ряд других лиц. Следует заметить, что на прием пришли почти все, кто был приглашен на него Посольством по согласованию с делегацией.

Во время своего пребывания в Чехословакии делегация провела пресс-конференцию в помещении издательства “Свет Советов”, на которой присутствовало около 30-ти корреспондентов газет, журналов, радио и телевидения. Делегация в полном составе дала интервью словацкому телевидению в Братиславе. Полевой и Симонов дали интервью телевидению в Праге и корреспонденту пражского журнала “Репортер”. Симонов дал интервью чехословацкому радио.

Делегация провела также встречу с коллективом сотрудников Посольства.

Программа была большой и напряженной, но благодаря организационной работе принимавших нас чехословацкого и словацкого Союза писателей, а также благодаря помощи нашего Посольства программа оказалась выполненной без существенных изменений.

Такова фактическая сторона дела.

Содержание происходивших во время нашей поездки дискуссий, общих бесед и частных разговоров было достаточно сложно, что неудивительно, учитывая остроту и сложность происходящих в Чехословакии событий.

В день нашего прибытия советский посол С.В. Червоненко помог нам ориентироваться в общеполитической обстановке, в двухчасовой подробной беседе ознакомив нас с предыдущим ходом событий и со своей оценкой современного положения. Это сыграло положительную роль в нашей дальнейшей работе.

Разумеется, было бы непростительной самонадеянностью пытаться делать какие-то общие выводы после столь короткой поездки и встреч с людьми, представляющими, главным образом, лишь круг творческой интеллигенции и отчасти профессуры и студенчества.

Однако поскольку истина складывается, в конце концов, из различных наблюдений и мнений, попробуем вкратце изложить то основное, с чем мы столкнулись и на что обратили внимание.

Принимая нас в Союзе писателей, профессор Э. Гольдштюкер сразу начал то, что при встрече с нами он считает необходимым подчеркнуть два главных обстоятельства:

Во-первых, при всей сложности происходящих событий и при всей противоречивости некоторых процессов, идущих в стране, Чехословакия продолжает и будет продолжать идти и развиваться по социалистическому пути.

Во-вторых, несмотря на наличие известных тенденций к отталкиванию от Советского Союза и проявление этих тенденций в печати, в условиях отмены цензуры, дружба и союз с нашей страной остаются и останутся краеугольным камнем политики Чехословакии.

Оба эти момента он считает недискуссионными для большинства чехословацкого народа и чехословацкой интеллигенции. За пределами этого очень многое составляет предмет самых острых дискуссий, с чем нам и предстоит столкнуться.

Это же подчеркивал в беседе с нами секретарь ЦК КПЧ В. Цисарж*. В ответ на откровенно высказанную нами тревогу: не могут ли резко выраженные во многих выступлениях печати идеализация Первой буржуазной республики и буржуазной демократии вообще, [привести] к переоценке событий 1948 года, а в конечном итоге и реставрации капитализма, он ответил, что чешские коммунисты сознают существование такой опасности и меру ее, но что они уверены, что с этой опасностью справятся и преодолееут ее на том пути социалистической демократии, который они избрали. Ибо, если бы они не сумели преодолеть эту опасность, это бы означало для них гибель всего того, во имя чего существовала и существует Компартия Чехословакии. А с другой стороны, при всех огромных трудностях, встающих в ходе развития социалистической демократии, отказ от тех принципов, которые они положили в ее основу, означал бы в нынешних условиях потерю доверия народа и в итоге потерю руководящей роли партии.

В разговорах с рядом других наших собеседников, в ходе которых мы тоже не скрывали некоторых тревожащих нас мыслей, нам несколько раз подчеркивали, что ситуация, возникшая в Венгрии в 1956 г., являлась результатом запоздалых и половинчатых мер, что дискуссия о путях социалистического развития началась в Чехословакии уже несколько лет назад, что она велась и ведется на научной основе и что как раз то, что в Чехословакии произошла и продолжает происходить широкая демократизация, и является залогом того, что венгерские

---

* Так в тексте. См. примечание 16.

события в ней не произойдут. Наоборот, они могли бы произойти как раз в обратном случае, если бы демократизация задержалась еще на несколько лет.

Наша дискуссия с чехословацкими писателями на тему “Литература факта” практически в значительной мере превратилась в разговор о последних событиях в Чехословакии, о нашем отношении к ним и об информации, которая дается об этих событиях в нашей печати. В ходе разговора чехословацкие товарищи, так же как Гольдштюккер и Цисарж, подчеркивали, что они не мыслят развитие Чехословакии по иному пути, чем социалистический, признавая в то же время, что стремление к оживлению деятельности старых буржуазных партий выражает настроение известной части общества, склонной к оспариванию ведущей роли коммунистической партии. И хотя все покамест опубликованные программные заявления этих партий и примыкающих к ним групп не оспаривают будущего социалистического пути развития в Чехословакии, однако нельзя исключать в деятельности этих партий и групп возможности появления тенденций реставрации буржуазной демократии.

В разговоре с нами при этом подчеркивалось, что в условиях внезапной отмены цензуры в печати неизбежны пережесты, стремление поспешно высказаться по всем наболевшим вопросам, необоснованные и тенденциозные оценки тех или иных фактов, бездоказательность ряда выступлений.

Высказывалось мнение, что эта пена через какой-то период должна схлынуть и что в этом смысле те крайности, которые можно найти в печати, не отражают состояния умов общества в целом. В связи с этим следует заметить, что Цисарж, говоря с нами на эту же тему, рассказал, что Союз журналистов познакомил его со своей декларацией, в которой утверждалось, что единственным “мерилом правды в печати” является совесть самого журналиста.

Составляя эту декларацию, сказал он, наши журналисты забыли, что “мерилом правды в печати” является также достоверность и тщательная проверка фактов, недостатком чего часто грешит сейчас чехословацкая печать. Я указал им на это, сказал Цисарж, и они согласились с этим. Но если рассматривать вопрос психологически, то мне понятно, почему опытные журналисты, понимающие, какое значение имеет достоверность фактов, забыли упомянуть об этом в своей декларации. Они забыли об этом потому, что наша печать много лгала их устами, у них существует комплекс вины и обострено чувство ответственности за это. Именно поэтому они и поставили во главу угла, как меру правды, совесть журналиста.

Во время писательской дискуссии, когда зашла речь о том, очень большом месте, которое занимают в чехословацкой печати темы, связанные с судебными процессами пятидесятых годов в Чехословакии²², профессор Дрозда сказал, что чехословацкая молодежь интересуется этими публикациями о судебном произволе и судебных инсценировках и о связанных с ними жестокостях не столько в силу сенсационности самих материалов, сколько по более глубоким причинам. Для молодежи проблема оценки этих процессов и отношения к ним связана с проблемой утверждения своего собственного морального кодекса, с проблемой того, что возможно и допустимо при социализме и что невозможно и недопустимо.

В разговоре с одним из нас на близкие этому темы секретарь парторганизации Союза чехословацких писателей писатель Когоут сказал, что происходящая сейчас в Чехословакии борьба за социалистическую демократию есть, прежде всего, борьба за молодежь, за ее доверие к Коммунистической партии. По его

словам, в предыдущие годы это доверие было утрачено, главным образом благодаря разрыву между словами и делами и создавшейся в силу этого у молодежи привычки не верить тому, что публикуется в печати. По его словам, дело дошло до того, что молодежь переставала верить всему, в том числе даже и тому, явно правдивому, что публиковалось в печати. По его мнению, молодежь Чехословакии сейчас постепенно начинает выходить из этого состояния, начинает расставаться с широко разившейся аполитичностью, начинает становиться на путь не формальной, а действительной поддержки социалистических идей.

Во время дискуссии чехословацкие писатели говорили о том, что КПЧ, чехословацкая интеллигенция, чехословацкое общество ждут сейчас положительно-го решения на путях социалистического развития, ищут новую модель социалистического общества, на современном этапе его развития, сознавая при этом и меру опасности, которая возникает в ходе дискуссий и общественного брожения, и меру своей ответственности и в масштабах страны, и перед лицом общих проблем коммунистического движения

Небезынтересно отметить, что, говоря о развитии Чехословакии по социалистическому пути, самые разные наши собеседники неоднократно подчеркивали социалистический характер экономики Чехословакии, подчеркивали, что не может быть и речи о желании отдать обратно принадлежащие народу заводы Бате или другим капиталистам, что об этом не смеют заикнуться даже и те немногочисленные люди, которые, может быть, втайне и лелеяли бы такие мечты.

Особенно много в этой связи наши собеседники говорили о современной чехословацкой деревне. Подчеркивая, что за последние годы в деревне произошел значительный подъем в хозяйстве и в жизненном уровне, нам говорили, что в нынешней сложной обстановке чехословацкое крестьянство на многочисленных собраниях подтвердило свою приверженность кооперативному пути развития и свою заинтересованность в сохранении сложившихся отношений. По словам наших собеседников, проблемы, волнующие деревню сейчас, сводятся, главным образом, к более прямым и непосредственным взаимодоходным связям с промышленными предприятиями, и в первую очередь с предприятиями, использующими сельскохозяйственную продукцию или снабжающими деревню машинами и химикатами.

Как нам показалось, в некоторых из этих разговоров присутствовал даже известный оттенок радостного удивления перед тем, что деревня, в обстановке всеобщей дискуссии, не склонна думать о возвращении на прежний, частнособственнический путь развития хозяйства. Оговариваемся, что регламент нашей поездки не позволил нам самим быть в чехословацкой деревне, и все сказанное нами есть плод тех разговоров на эту тему, которые мы вели с представителями чехословацкой интеллигенции.

В связи с происходившими разговорами об освещении в чехословацкой печати проблемы судебных процессов пятидесятых годов, хотелось бы отметить некоторые стороны этой проблемы, так как они рисуются нам сейчас после всех разговоров на эту тему.

Во-первых, существует здоровое стремление восстановить справедливость, восстановить доброе имя невинно пострадавших людей, иметь гарантии, что ничего похожего не сможет повториться.

Во-вторых, наряду с этим, есть стремление к огульному расширению круга людей, в той или иной мере ответственных за эти процессы. С этим связаны многие поспешные и часто, по мнению самих чехословацких товарищей, не-

обоснованные и крикливые обвинения в печати. За этим стоит не только стремление к сенсационности и порой к сведению личных счетов, но и порой, на наш взгляд, стремление в конечном счете к возложению ответственности за происшедшее на всю КПЧ, на всех коммунистов как членов правящей партии.

В-третьих, в ряде выступлений печати усиленно подчеркивается та роль, которую, если судить по этой печати, играли в этих процессах состоявшие при чехословацких органах безопасности наши советники²³. Следует при этом отметить, что в некоторых выступлениях печати сообщается о том, что эти советники или их большинство понесли уже кару у нас в Союзе в связи с процессом Берии как его подручные. Однако эта тема в целом так муссируется в печати, что за ней можно почувствовать более широкие, антисоветские тенденции, в некоторых случаях, возможно, связанные со стремлением переложить большую часть ответственности за случившееся на людей из Советского Союза. В связи с этим, в ходе разговоров, нам пришлось заметить нашим собеседникам, что уже с ноября 1945-го года на территории Чехословакии не оставалось ни одного советского солдата, что люди, управлявшие Чехословакией, с самого начала в течение всего этого исторического периода располагали всей полнотой государственной, военной и прочей власти, что и определяет меру их собственной ответственности и за все правильное, и за все неправильное, что происходило в стране.

Наконец, в-четвертых, как нам кажется, существуют определенные тенденции, появляющиеся в печати, поставить под сомнение не только судебные процессы пятидесятых годов, но и те классовые бои, которые были связаны с революционными событиями 1948 г. Такая точка зрения не отстаивалась никем из наших собеседников, но она от времени до времени в разных формах находит свое отражение в печати.

Во время нашей дискуссии большое место заняла полемика по поводу освещения событий в Чехословакии в нашей печати. Основные упреки наших собеседников сводились к тому, что в нашей печати вообще слишком мало пишется сейчас о Чехословакии, что чехословацкая общественность ждет откликов, что в их обзорах печати, где публикуются отклики из разных стран, часто поневоле отсутствуют отклики из Советского Союза и что это порождает у людей чувство огорчения.

Одновременно с этим наши собеседники критиковали, как необъективные, некоторые опубликованные у нас информации, в частности, информацию о дискуссии, происходившей на пленуме КПЧ. Они говорили о том, что в этой информации необъективно подчеркивались только те места в выступлениях, где говорилось о наличии тех или иных опасностей для развития социализма в Чехословакии, и не освещались те выступления, в которых отмечались положительные стороны происходящего процесса.

Ряд наших собеседников резко отзывался о имевшем место в ГДР выступлении профессора Хагера, расценивая его как прямое вмешательство во внутренние дела Чехословакии, даже содержавшие, по их словам, элемент угрозы²⁴.

Цисарж, в частности, в разговоре с нами сказал, что повторение подобных выступлений могло бы породить широкие антинемецкие настроения, носящие националистический оттенок.

Наши собеседники нередко впадали в известные противоречия с самими собой, с одной стороны, критикуя нас за недостаточность информации, за отсутствие в нашей печати оценок происходящего, а с другой стороны, одновременно

отмечая как положительный факт то, что Советский Союз не вмешивается в чехословацкие дела и проявляет сдержанность в подходе к возникшим в Чехословакии проблемам.

Соглашаясь с тем, что в наших газетах действительно слишком мало информации о современной Чехословакии, мы в тоже время говорили нашим собеседникам, что мы не собираемся повторять ошибок прошлого. Нас часто и порой не без оснований упрекают за то, что в прошлом мы слишком поспешно и настойчиво давали советы. Не будет ли правильным с нашей стороны сейчас, в той сложной обстановке, в которой, по нашему мнению, недостаточно разобрались еще и сами наши собеседники, не спешить ни с советами, ни с оценками, прежде чем не определится дальнейший ход событий и его практические результаты.

Любопытно отметить, что в ходе споров на эти темы Цисарж сказал нам, что хотя острый интерес к оценкам в советской печати к событиям в Чехословакии естественен и понятен, но в общем логика на нашей стороне: прежде чем давать оценки, действительно, есть основания подождать перехода от деклараций к практическим делам.

Наше кратковременное посещение Словакии дает нам право остановиться на двух проблемах, с которыми мы столкнулись. Первая из них связана с заметным обострением национальных чувств. Вопросы, связанные с предстоящей федерализацией, с решением экономических проблем Словакии, с самоуправлением, с повышением роли Словацкого Национального собрания, с более широким привлечением словаков к работе в дипломатическом аппарате, все эти вопросы постоянно возникали в любом разговоре с представителями словацкой интеллигенции, причем во многих разговорах у нас создавалось ощущение, что в нынешней обстановке в общественной жизни Словакии на первый план выйдут именно эти проблемы и их решение²⁵.

Вторая проблема, с которой мы столкнулись, более узкая, писательская, но несущая в себе некоторые характерные черты общей обстановки. Накануне нашего приезда крупнейший поэт Словакии и один из нынешних кандидатов на пост председателя Национального собрания Словакии, Лацо Новомеский, и председатель Союза словацких писателей Валек заявили в печати о своем выходе из редколлегии словацкой литературной газеты “Культурный живот”, в связи с несогласием с линией, которую проводит большинство редакции²⁶.

В своем письме по этому поводу Новомеский и Валек указали, что в работе редакции появились националистические моменты, а также моменты антигуманной критики, напоминающей в своем отношении к критикуемым людям о недостойных методах китайской “культурной революции”. Насколько нам стало известно, в ходе происходивших в Союзе писателей бурных прений возникло решение о создании новой организации – коммунистической группы культуры, куда войдут представители широких кругов творческой интеллигенции, и которая, по-видимому, по мысли ее инициаторов, должна противопоставить себя тому течению, которое представляет нынешняя редакция газеты “Культурный живот”.

Обращаем на это внимание потому, что такой ход событий кажется нам симптоматичным. Он отражает некоторые черты общего процесса, в ходе которого ряд органов печати и их редакции выходят из под влияния тех общественных организаций, органами которых они являются, и это начинает вызывать опасения издателей, и недовольство значительной части читателей. В Пра-

ге нам приходилось слышать, что газета Союза писателей “Литературные листы” в значительной части своих выступлений не отражает мнения большинства членов Союза писателей. Редакция этой газеты в свою очередь недовольна слишком сдержанной и недостаточно далеко идущей, по ее мнению, литературной политикой нынешнего руководства Союза писателей, и политикой нового состава правительства вообще.

Словом, как нам кажется, информация о жизни чехословацкой интеллигенции должна быть в нынешнее бурное время особенно точной, объективной и своевременной, для того чтобы в условиях беспрестанного развития событий мы не мерили людей и явления мерками позавчерашнего дня.

Трудно, да пожалуй, и невозможно, рассказать подряд обо всем, с чем мы столкнулись, вспомнить все вопросы и ответы, все возникавшие перед нами проблемы.

Поэтому закончим на одной из них, на протяжении всей поездки неизменно волновавшей нас как советских людей. Как обстоит дело с нынешним отношением в Чехословакии к нашей стране, к советским людям?

Хотя, как мы уже отметили, некоторые выступления в печати отражают наличие известных антисоветских настроений и способны подогреть их, мы на протяжении всей поездки не столкнулись ни с одним проявлением враждебности к Советскому Союзу или к нам, как представителям советской литературы.

У нас, напротив, сложилось ощущение, основанное на достаточном количестве встреч, что у людей существует желание продолжать контакты с Советским Союзом по всем линиям, что в данном случае они приветствовали приезд нашей делегации, как подтверждение продолжающихся связей, в которых они заинтересованы. Нам показалось, что никто из встречавшихся с нами чехословацких товарищей не заинтересован в создании какого бы то ни было вакуума в отношениях между деятелями чехословацкой и советской культуры.

Напротив, возможность такого вакуума или малейшие намеки на это воспринимаются с тревогой.

Это подтверждает, в частности, состоявшийся у нас с руководителями Общества чехословацко-советской дружбы [разговор] в связи с одним конкретным и крайне встревожившим их вопросом. Одна из школ города Собеслава, являющаяся коллективным членом Общества, должна была направить по обмену в Одессу 30 старшеклассников. Но интерес к поездке в Советский Союз был так велик, что кроме этих 30-ти человек в поездку запросилось еще 80 школьников. Однако в Министерстве школ руководителям школы было заявлено, что Советская сторона заявила о том, что она не может принять сейчас не только все 110 человек, но и тех 30 ребят, о которых уже давно была договоренность и которые уже сидят на чемоданах.

Руководители школы прямо из Министерства в тревоге приехали в Общество дружбы. Руководители Общества заявили нам в связи с этим, что затруднения с поездками по обмену, проволочки, переносы поездок с года на год порождают у молодежи настроение разочарования.

Они выразились так, передавая слова самих ребят: “Годами пишем друг другу “камерад, камерад”, бумажная дружба продолжается, а увидеть друг друга не можем”.

По словам руководителей Общества, положение осложняется тем, что молодежь из Чехословакии может свободно ехать без всяких проволочек в любую

другую социалистическую страну: Венгрию Румынию, ГДР... Но значительная часть молодежи хочет ехать именно в Союз и годами не попадает туда.

У нас триста коллективных членов Общества, сказали нам чешские товарищи, но если в этом смысле не произойдет перемен, то мы очень боимся, что через год у нас будет этих коллективных членов сто, а через два года пятьдесят.

Все это говорилось нашими старыми друзьями, крайне заинтересованными в развитии добрых чехословацко-советских отношений, поэтому тем более надо обратить внимание на ту остроту, с которой они ставят эту проблему.

Двухполовиной часовая беседа с Президентом Л. Свободой отличалась большой сердечностью, проявленной с его стороны к нам. В этой беседе Л. Свобода, вспоминая войну, вспоминал своих советских товарищей и военачальников, вместе с которыми он воевал и говорил о крепкой, вечной дружбе с Советским Союзом с большим и глубоким чувством. Нам думается, что сама длительность этой беседы с двумя советскими писателями подчеркивает то значение, которое наш собеседник придает силе нерушимых дружеских связей с советскими людьми.

С точки зрения общественной атмосферы, существующей в рядовом среднем городе Чехословакии, была интересна наша встреча со студентами и школьниками старших классов в Трнаве. Среди ста заданных нам вопросов были острые, были недоуменные, были связанные с некоторыми сложностями нашей литературной жизни, в частности, с Пастернаком и романом "Доктор Живаго", но не было ни одного вопроса, носившего провокационный или враждебный характер.

Сама атмосфера встречи свидетельствовала о заинтересованности, о напряженном внимании к тому, что мы говорили. Видимо, та или иная часть аудитории не соглашалась, или не вполне соглашалась с теми или иными нашими ответами, но она при этом проявляла уважение к нашему мнению и желание выслушать откровенные ответы, даже в тех случаях, если они оказывались им не по душе. А в целом атмосфера была вполне дружественной, нас горячо встретили и так же горячо проводили.

Конечно, эта молодежная аудитория в небольшом городе не может служить барометром для любой молодежной аудитории современной Чехословакии, но думается, что она тоже является существенной частью общественной атмосферы страны.

Общий вывод из нашей поездки сводится к следующему:

При всей сложности и остроте положения в стране, основные силы общества видят будущее Чехословакии на путях дальнейшего социалистического развития и заинтересованы в том, чтобы Советский Союз поддержал их на этом пути.

В этих условиях, как нам представляется, информация о Чехословакии, о творческом труде ее народа и ее интеллигенции должна быть у нас, насколько это возможно, обширной. Такая информация, носящая характер дружелюбной заинтересованности, будет играть немалую роль в сохранении и укреплении добрых отношений между нашими народами. С другой стороны, такая информация поставит в затруднительное положение те, проявившие себя в ходе событий, незаинтересованные в дружбе с Советским Союзом силы, которые были бы рады любой возможности ложно трактовать нашу позицию по отношению к Чехословакии и создавать впечатление вакуума в наших традиционных отношениях в области культуры.

В связи со сказанным, нам кажется, что Союзу писателей, учитывая сложившиеся обстоятельства, следует пересмотреть план культурного сотрудничества с чехословацкими культурными организациями в сторону его увеличения, расширения контактов самых разнообразных – от устройства дискуссий, посылки делегаций, и до индивидуальных творческих поездок писателей, с конечной целью дать в наших газетах и журналах квалифицированную литературную информацию о современной жизни страны и происходящих в ней процессах. Думается, что в этом расширенном плане следует предусмотреть и ряд поездок чехословацких писателей к нам на отдых и для творческой работы.

Как мы убедились на собственном опыте, обмен мнениями между советскими и чехословацкими литераторами может носить острый, полемический, принципиальный характер, и в то же время способствовать сохранению наших дружеских связей в нынешней, достаточно сложной, обстановке.

Очевидно, во время поездки нашей делегации, наряду с удачами были и известные слабости и просчеты, но в целом, как нам думается, эта поездка, при всех ее трудностях, является полезной.

29 апреля 1968 года
Москва

Константин СИМОНОВ
Борис ПОЛЕВОЙ

Копия

МОСКВА. ВОРОВСКОГО, 52. СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. СЕКРЕТАРИАТ.

ВОРОНКОВУ

Дорогой Константин Васильевич.

Подумав наедине с собой, пришел к выводу, что я как писатель сейчас не имею морального права обращаться с призывами или давать советы чехословацким писателям. Прежде чем это делать, надо самому до конца разобраться во всем происшедшем. А я, если не кривить душой и быть до конца честным, сам еще далеко не все понял и не во всем разобрался. Прошу Вас поставить в известность о моем решении товарищей, с которыми я говорил по телефону.

Жму Вашу руку.

Ваш *Константин СИМОНОВ*

IX.1968²⁷

¹ Гольдштюкер Эдуард (род. 1913) – филолог, германист. Член КПЧ с 1934 г. В годы войны находился в Лондоне, был одним из членов руководства КПЧ в Лондоне. В период политических репрессий начала 1950-х годов был осужден на пожизненное заключение по обвинению работников Министерства иностранных дел в шпионаже в пользу английской разведки. После XX съезда КПСС полностью реабилитирован, восстановлен в партии, работал проректором Карлова Университета. В январе 1968 г. по предложению А. Дубчека, ставшего первым секретарем ЦК КПЧ, был избран председателем Союза писателей ЧССР. После августа 1968 г. эмигрировал из страны.

² Юнгман Милан (род. 1922) – критик, главный редактор газеты “Literamý noviny”.

³ Марек Иржи (1914–1999) – чешский прозаик.

⁴ Правильно: Смолик Милан (род. 1926) – чешский прозаик, журналист, в годы “нормализации” был под запретом.

⁵ Замаровский Войтех (род. 1919) – чешский писатель, словак, автор исторической прозы.

⁶ Правильно: Секера Иожеф (1897–1972) – чешский прозаик, в последние годы жизни – председатель Чешского литфонда.

⁷ Бегоунок Франтишек (1898–1973) – чешский писатель, по образованию математик и физик, с 1960 г. – академик АН ЧССР.

⁸ Горак – один из переводчиков на чешский язык произведений К. Симонова “Живые и мертвые”, “Солдатами не рождаются”, “Последнее лето”. В архиве К. Симонова сохранилось письмо, адресованное Гораку: «Дорогой товарищ Горак! Получил Ваше письмо и послал Вам книгу. Вторая книга “Последнего лета” будет опубликована в журнале “Знамя” в январском и февральском номерах за 1971 год. Объем второй книги составляет 326 стр. на машинке. Никаких сколько-нибудь существенных разночтений между журнальным текстом и последующим отдельным изданием не будет. С товарищеским приветом. 14 ноября 1970».

⁹ Правильно: Дрозда Мирослав (1924–1990) – чешский литературовед и критик, руссист. В годы “нормализации” был под запретом.

¹⁰ Пуйман Петер (1929–1989) – чешский писатель, переводчик, сын известной писательницы М. Пумановой (1893–1958). В 1960–1970-е годы являлся сотрудником иностранного отдела Союза чехословацких (с 1968 г. – чешских) писателей.

¹¹ Валек Мирослав (1927–1991) – словацкий поэт. В 1968 г. председатель Союза словацких писателей, 1969–1989 – министр культуры Словацкой социалистической республики, член президиума КПС.

¹² Матушка Александр (1910–1975) – словацкий критик, литературовед.

¹³ Новомеский Ладислав (1904–1976) – словацкий поэт и публицист. В 1951 г. был арестован и осужден по делу так называемых “словацких буржуазных националистов”, в 1963 г. был реабилитирован, поддерживал реформаторское крыло в КПЧ.

¹⁴ Минач Владимир (1922–1996) – словацкий прозаик, автор трилогии “Поколение”.

¹⁵ Карваш Петер (род. 1920) – словацкий прозаик и драматург.

¹⁶ Правильно: Цисарж Честмир. В своих мемуарах Цисарж писал об этой беседе: «Теперь я имел возможность ближе узнать писателей К. Симонова и Б. Полевого. Они посетили Прагу с тем, чтобы своими глазами ознакомиться с происходящим. Вечером 20 апреля Иржи Марек пригласил меня к себе домой, куда также была приглашена и Марта Мацкова (главный редактор журнала “Прага – Москва”), находившаяся в дружеских отношениях с обоими гостями. Несколько часов, имевшихся в нашем распоряжении, были заполнены открытой дискуссией, в которой мы не избегали самых сложных вопросов и различных сомнений. Пункт за пунктом я стремился объяснить принципы нашей программы и выбранные нами политические действия, не скрывая трудностей и неудач, которые могли быть преодолены в ходе дальнейших реформ. Особое внимание я сосредоточил на необходимости доверия и поддержки со стороны советского руководства, средств массовой информации и широкой общественности, без помощи которых нам было бы трудно продолжать работу. Я просил их после возвращения домой написать и опубликовать правдивые репортажи о том, как мы думаем и что делаем, каких успехов нам удалось добиться и какие трудности приходится преодолевать, сколь велика поддержка чешских и словацких граждан, почему нас огорчают необъективные упреки руководства КПСС. Меня хорошо дополняли И. Марек и М. Мацкова. Мне показалось, что нас лучше понимает Симонов и соглашается со многими нашими аргументами, тогда как у Полевого лишь отчасти были рассеяны опасения и колебания. Он признался, что не верит в возможность изменения позиции советского руководства, и едва ли будет возможно опубликовать репортаж о развитии демократизации в ЧССР, поскольку редакции его просто не примут. Наконец, когда мы уже прощались около опустевшего стола, роскошно сервированного заботливой женой Иржи Марек – Евой Кубешовой, когда мы уже выпили по последней рюмочке водки, Боря и Костя заверили меня и моих друзей в своих симпатиях к нам за наш “штурм небес”, однако не забыли при этом о возможности “неожиданной случайности» (*Čestmiř Císarř. Ālovek a politik. Praha, 1997. S. 437*).

¹⁷ Когоут Павел (род. 1928) – чешский поэт и драматург, один из лидеров реформаторского течения в среде чешских интеллектуалов.

¹⁸ Скала Иван (1922–1997). В 1970–1980-х годах являлся председателем Союза чешских писателей.

¹⁹ Гаек Иржи (1919–1994) – критик, с 1959 г. по 1968 г. главный редактор журнала “Plamen”, в котором активно отстаивалась линия на реформирование социализма.

²⁰ Правильно: Мацкова Марта – главный редактор журнала “Прага – Москва”.

²¹ Правильно: “Тварж” (“Tvař”). В 1963 г. журнал был закрыт, вновь стал выходить в 1968 г. Председателем редакционного совета был В. Гавел.

²² Речь идет о политических репрессиях, охвативших ЧСР в 1949–1953 гг. Жертвами их были представители разных социальных слоев. Наиболее массовой формой репрессий являлись “чистки” по политическим мотивам. Широко использовалась и практика судебных процессов в отношении политиков из рядов коммунистических партий, представителей военной элиты, священнослужителей от церковных иерархов до рядовых ксендзов. Однако особое место занимали в 40–50-е годы XX в. репрессивные акции внутри правящей коммунистической партии. Они рассматривались советским руководством, как инструмент идейного сплочения компартий на основе безоговорочного принятия сталинского курса на “ускоренное построение социализма” и полной идентификации национально-государственных интересов каждой из стран с интересами формировавшегося Москвой военно-политического блока. В качестве идеологического обрамления процесса сплочения компартий советским руководством были взяты сначала лозунги борьбы против “агентов Тито”, а затем лозунги борьбы с сионизмом – агентурой американского империализма. Выбор конкретных жертв репрессий, также как и определение масштабов репрессивных акций чаще всего оказывалось производным от межклановой борьбы внутри правящей верхушки коммунистических партий. Об этом наглядно свидетельствовали два судебных процесса в Чехословакии: дело “словацких буржуазных националистов”, в результате которого с политической арены страны были удалены в 1951 г. авторитетные словацкие политики Г. Гусак, В. Клементис, Л. Новомеский, и дело “об антигосударственном заговоре”, якобы возглавляемым генеральным секретарем ЦК КПЧ Р. Сланским. По “делу Сланского” к 1952 г. число арестованных достигло 3000 человек. Органами безопасности при участии советских советников “круг заговорщиков” искусственно расширялся. В него включались и арестованные ранее партийные функционеры, ведущие экономисты, работники госаппарата и силовых структур. Поэтому не удивительно, что среди “участников заговора” оказались В. Клементис, арестованный ранее как “словацкий националист”, его заместители Й. Гайду, А. Лондон, функционеры высших парторганов О. Шлинг, М. Швермова, Л. Фрейка, Й. Франк, Й. Голдман, представители силовых структур Б. Рейцин, К. Шваб и др. В общественном сознании целенаправленно создавался фантом гигантского многоканального внутрипартийного заговора. Когда к середине 1960-х годов миф о заговоре был развеян работой специальной партийной комиссии ЦК КПЧ, которую возглавлял Кольдер, требование полной гражданской реабилитации жертв политических репрессий 1950-х годов проложило в чехословацком обществе четкую грань между сторонниками реформ и теми, кто хотел ограничиться лишь внешней видимостью демократизации общества.

²³ Советские советники по линии МГБ СССР появились в Чехословакии в сентябре 1949 г. Это были полковники М.Т. Лихачев и Н.И. Макаров. Они уже имели опыт работы в Софии (по делу Т. Костова) и в Будапеште (по делу Л. Райка). Советники контактировали только с К. Готвальдом и Р. Сланским, которые рассматривали их пребывание как временную меру. До начала 1950 г. об их присутствии в стране не было известно даже в аппарате МВД Чехословакии. Они занимались поиском в рядах КПЧ “чехословацких райков”. Их миссия закончилась летом 1950 г. С осени 1950 г. в качестве главного советника МГБ для работы на постоянной основе в соответствующем министерстве ЧСР прибыл В.А. Боярский. Он был отозван в Москву по личному распоряжению И.В. Сталина после получения последним летом 1951 г. сообщения из Праги о наличии в стране “антигосударственного заговора”, якобы возглавляемого Р. Сланским. Боярского сменил А.Д. Бесчастнов, проработавший в Праге до 1954 г.

²⁴ Курт Хагер – главный идеолог Социалистической единой партии Германии. 28 марта 1968 г. на научной конференции, посвященной 150-летию К. Маркса, выступил с открытой критикой политической линии КПЧ, проводимой новым руководством, которое с января 1968 г. возглавлял А. Дубчек.

²⁵ Согласно принятой в 1960 г. новой конституции Чехословакии полномочия словацких национальных органов были существенно ограничены: Корпус уполномоченных (словацкое правительство) был ликвидирован, его функции перешли к президиуму Словацкого национального совета, т.е. произведено было объединение законодательной и исполнительной власти, и она фактически потеряла всякое значение. Это не могло не вызвать беспокойства в словацком обществе. Устранение А. Новотного от руководства страной рассматривалось протагонистами федеративного устройства в качестве главного условия реализации своих требований. Принятая на апрельском пленуме ЦК КПЧ “Программа действий ЦК КПЧ” намечала основные контуры новых государственно-национальных отношений. Однако между чешскими и словацкими

политиками по ряду конкретных проблем выявились различные подходы. В основном дискуссии концентрировались вокруг того, каким объемом функций будут располагать создаваемые федеральные органы и какими темпами будет проходить подготовка закона о федерализации. На состоявшемся 9 апреля 1968 г. пленуме ЦК КПС по докладу В. Биляка была одобрена резолюция с требованием разработать основу закона о федерализации до конца июня 1968 г. Чешская сторона считала такой срок нереальным, упрекая словаков в том, что они отделили подготовку закона о федерализации от процесса демократизации общественной жизни в стране. Если словацкие политики представляли себе федерацию как “свободный союз”, то чешская сторона выступала за принцип “закрытой федерации с широкими полномочиями федеральных органов за счет национальных”.

²⁶ Своим выходом из редколлегии газеты “Kulturny zivot” Л. Новомеский, М. Валек и В. Мигалик протестовали против леворадикальной позиции большинства членов редакционного совета, поддерживая более умеренную политическую линию Г. Гусака.

²⁷ В “Рабочих тетрадях” А.Т. Твардовского есть запись от 11 IX 1968 г., позволяющая датировать данный документ началом сентября, когда К.М. Симонов находился в Сухуми. По приезду он навестил А.Т. Твардовского и, как пишет в своем дневнике последний, «рассказал, как его искали и нашли, привезли с побережья в обком, связали по В[ысоко]Ч[астотной связи] с ЦК (Мелентьевым), и как он сперва отложил дело до прочтения глазами “документа”, а потом решил, что откладывать, тянуть ни к чему и послал телеграмму Воронкову с отказом: не имею мол, морального права учить чехословацких писателей, так как сам еще до конца не понимаю что к чему. Говорит, что кажется и Леонов не подписал. Сегодня письмо должно быть в “Литературной газете”, скорее оно будет без подписей, хотя по слухам подписали уже 35 членов секретариата» (см.: “Знамя”. 2003. № 10). Готовившееся письмо появилось в печати только 30 октября 1968 г. Под ним не было подписи трех секретарей Союза писателей СССР – Л. Леонова, К. Симонова, А. Твардовского. Б. Полевой письмо подписал.

*Na cestě ke smyslu. Poetika literárního díla 20. století. Praha, 2005. 1051 S.
На пути к смыслу. Поэтика литературного произведения XX века*

Выход в свет коллективного труда “На пути к смыслу. Поэтика литературного произведения XX века” завершает фундаментальный проект Института чешской литературы АН ЧР, посвященный теоретическому осмыслению особенностей поэтики литературного творчества прошлого столетия. Проект, осуществленный в основном литературоведами названного института, состоит из трех томов, каждый из которых представляет собой самостоятельное целое и может рассматриваться отдельно.

Первый том – “...на обочине хаоса...” (...na okraji chaosu...) был издан в 2001 г.; его основной автор – Даниэла Годрова, известная не только теоретическими трудами по литературе – “Поиски романа. Главы из истории и типологии жанра” (Прага, 1989) и переводами М. Бахтина – “Роман как диалог” (Прага, 1980), но и собственными художественными произведениями – трилогия “Мучительный город” (Прага, 1991–1992), роман “Комедия” (Прага, 2003) и др. В “...на обочине хаоса...” освещались некоторые общие вопросы литературного творчества, а также проблемы построения композиции, сюжета, образов героев – прежде всего на материале прозы, которую обстоятельно анализировала Д. Годрова, но отчасти и драмы – в главах Нины Вангели и Ленки Юнгманновой.

Второй том коллективного проекта – “Пристальный взгляд: звук, значение, образ” (Прага, 2002) практически целиком посвящен поэзии. Его основным автором

был недавно скончавшийся крупный ученый Мирослав Червенка, работы которого по истории и теории чешского стиха, соединявшие опору на традиции пражского литературного структурализма с новейшими математическими методами филологических исследований, получили признание не только в Чехии, но и за рубежом. Книга “На пути к смыслу”, речь о которой пойдет в настоящей рецензии, – самая объемная из всего проекта, с наиболее многочисленным авторским коллективом, посвящена как общим методологическим вопросам, так и анализу различных сфер художественного произведения, не затрагивавшихся в предыдущих томах.

Открывает третий том статья “Литературное произведение и действительность”, принадлежащая З. Матхаузеру – патриарху чешской литературоведческой теории, известному и у нас русисту, занимавшемуся в первую очередь русским авангардом (Маяковский и др.). Автор целого ряда монографий по теории искусства – “Эстетические альтернативы” (Прага, 1994), “Между философией и поэзией” (Прага, 1995), “Эстетика рационального видения” (Прага, 1999) и др. – Матхаузер во вводной статье размышляет над методологическими подходами к анализу литературных текстов: “Для сегодняшнего научного и вообще мыслительного процесса наиболее привлекательно, по нашему мнению, взаимоотношение двух дисциплин – семиотики и герменевтики... Нам особенно интересно наблюдать за тем, как это взаимоотно-

шение проявляется в структуралистской и феноменологической теории литературы. Семиотика и герменевтика, структурализм и феноменология образуют магический квадрат современного мышления, ростки которого проникают в сегодняшний постструктурализм и аналитическую философию” (S. 12). Свой тезис о плодотворности для литературоведения названных методов автор подкрепляет как разбором относящихся к этому “магическому квадрату” эстетических концепций, в том числе пражского структурализма и русского формализма, так и примерами анализа конкретных произведений, в частности “Похождений бравого солдата Швейка” Я. Гашека и поэзии М. Цветаевой: “Великая русская поэтесса в 1922–1925 гг. жила в Праге и ее окрестностях. Ее поэзию обычно не называют авангардной, однако в произведениях Цветаевой наличествует немало родственных авангарду черт: образотворчество имажинизма, словотворчество футуризма, четкость и ясность акмеизма; она владела как предавангардным мифом символизма, так и публицистичностью лэфовцев (разумеется, с иной идейной направленностью)” (S. 32).

За вводной статьей следуют разделы, посвященные отдельным категориям и сторонам литературного произведения: категории времени (А. Едличкова), специально времени в драме (Л. Юнгманнова), категориям пространства в их различных конфигурациях (З. Грбата), специально пространству в драматическом произведении (Н. Вангели), поэтике мечтаний и сна (М. Лангерова), типам повествования (И. Голы), воображаемым мирам лирики (М. Червенка), проблемам и парадоксам литературной коммуникации (М. Кубинова). Завершает книгу статья Милана Янковича, ученого, известного прежде всего своими оригинальными исследованиями творчества Я. Гашека и Б. Грабала, посвященная процессу создания смысла как проблеме литературной теории и интерпретации. Статья каждого автора снабжена внушительным списком использованной литературы.

Авторы тома, не говоря уже о проекте в целом, не ставили перед собой задачи выстроить единую непротиворечивую

концепцию поэтики XX в. или предложить детально разработанный метод анализа художественных текстов. На мой взгляд, их намерение состояло в другом: представить читателю, описать многообразие вариантов, наблюдавшихся, появившихся, изобретенных в этой сфере в прошлом столетии, и наглядно продемонстрировать их на конкретных литературных примерах. На страницах рецензируемой книги мы встречаем имена чуть ли не всех более или менее известных философов, уделявших внимание проблемам эстетики, и теоретиков литературы этой эпохи, начиная с Мартина Хайдеггера, Ганса Георга Гадамера, Мишеля Фуко, Жана-Франсуа Лиотара, Жака Деррида, Вольганга Изера, Ганса Роберта Яусса, Ролана Барта, Умберто Эко и др. Разумеется, привлекается и теория Зигмунда Фрейда, но есть ссылки и на Дёрдя Лукача, из русских теоретиков – больше всего, на М. Бахтина, но также и на В. Шкловского, Б. Тимошевского, Ю. Тынянова, Д. Лихачева. Опора авторов тома на отечественную традицию проявляется, как и следовало ожидать, прежде всего, в использовании идей и методологии пражского литературного структурализма: работ Я. Мукаржовского, Ф. Водички и их последователей.

Столь же широк и разнообразен охват конкретного литературного материала в статьях практически всех авторов тома. При этом речь идет не только о текстах XX в., но и о европейской классике, об античности, о Сервантесе и Шекспире. Неоднократно говорится о произведениях Льва Толстого и Достоевского. Собственно чешский материал нельзя сказать, что преобладает, но присутствует очень широко – произведения не только таких национальных классиков, как Я. Гашек, К. Чапек, В. Незвал, Я. Сейферт, но и писателей сугубо современных. Не говоря уже о Б. Грабале, о котором подробно пишет М. Янкович, в статьях тома, с разной степенью подробности, разбираются тексты М. Кундеры, И. Кратохвила, В. Парала, Л. Вацулика, Д. Годровой, И. Топола и др.

Примечательной чертой данного труда можно считать то, что его авторы воздерживаются от оценочных характери-

стик рассматриваемого материала, склоняясь к объективному описанию, подчас – иллюстративности. Тем не менее книга не просто знакомит читателя с современным состоянием чешского академического литературоведения и многоплановым миром современной мировой литературы и литературоведческого мышления, но и содержит немало заслуживающих внимания конкретных наблюдений в области нарратологии, коммуникации и т.п. К примеру, А. Едличкова, опираясь на бахтинское определение “хронотопа”, предлагает исследователю задуматься, какой образ мира и какое понимание времени присущи культуре в каждой исторической ситуации, задуматься, как время внутреннего мира человека соотносится со временем мира внешнего. Вглядываясь в литературу современности, она утверждает, что постмодернистский роман развивает линию субъективного времени, утвердившуюся в романе модернизма, но помещает ее в новый “индивидуальный” контекст и тем самым связывает прошлое, настоящее и будущее, индивидуальное и космическое измерения, образуя “новую форму времени” (S. 230).

З. Грбата в рассуждении о категории пространства в его различных конфигурациях (страна, мегаполис, маленький городок, деревня и т.д.), также опирается на бахтинский термин “хронотоп”, акцентирующий исторический подход к этой категории. По отношению к искусству XX в. Грбата указывает на кинематографичность изображения пространства в современном романе, что раскрывает перед художником новые возможности и в области показа психологических состояний героев.

Об известной традиционности чешской литературы XIX в. в сфере нарративных приемов пишет И. Голы, подробно анализируя затем “авторский тип повествования” В. Ванчуры как яркое оригинальное явление в европейской литературе прошлого столетия. Новые приемы Ванчура свободно соединял с традицией литературы давнего времени, идущей от

Сервантеса и Филдинга: рассказчик активно вмешивается в развитие сюжета, высказывает свои суждения и оценки. Голы прослеживает хронологию смены нарративных предпочтений в чешской литературе второй половины XX в. После 1945 и особенно после 1948 г. решительно преобладало повествование от третьего лица: “Отступления от официальной нормы имели характер подчеркнутой субъективизации, намеренного выражения личной точки зрения (Й. Шкворецкий, Б. Грабал, И. Едличка)” (S. 661). В этом разделе привлекает внимание сравнительное рассмотрение повествовательных приемов в современной прозе – в текстах Шкворецкого, Кундеры, Гюдровой, Лингартовой, Крадохвила и др.

Все средства и приемы в искусстве направлены на то, чтобы сообщить читателю какой-то смысл – об этом рассуждает, ссылаясь на мнения разных теоретиков, М. Янкович, иллюстрирующий данное положение разбором целого ряда произведений чешской прозы и поэзии. Он заключает свою статью (и книгу в целом) следующим выводом: «Искусство сохраняет жизненность смысла. Может быть, только так и можно “обобщить” то, что в нем сопротивляется любой дефиниции» (S. 964).

“На пути к смыслу”, как и оба предыдущих тома проекта о поэтике XX в., рассчитан на подготовленного читателя, на литературоведа, филолога. Состоящий из относительно самостоятельных монографических разделов, каждый из которых можно воспринимать и как отдельную книгу, этот том содержит много познавательного материала о состоянии литературной теории и самой литературы ушедшего столетия и в то же время знакомит нас – в лице авторов статей – с весьма авторитетным направлением современной чешской литературоведческой науки и его отдельными представителями.

Может быть, читателю хотелось бы обнаружить в этой книге и какие-то полемические пассажи, которые придали бы

изложению остроту, четче обозначили позиции отдельных авторов, но они избрали иной метод и стиль подачи материала. Может быть, широкая эрудиция авторов, проявляющаяся буквально на каждой странице, кому-нибудь покажется даже избыточной. Порой собственная позиция автора как бы тонет среди, как правило, подробно излагаемых мнений общепризнанных зарубежных и отечественных ученых. Можно было бы высказать и некоторые замечания по конкретным вопросам. Мне, например, недоставало – на фоне привлекаемых к обсуждению многочисленных теоретических авторитетов – обращения к М. Кундере, не как к писателю, это в томе наличествует, а именно как к теоретику, по моему мне-

нию, очень интересному и многое в современном искусстве и мире объясняющему. Тем более что, сколько бы он ни писал по-французски, Кундера все равно остается чешским писателем, возвращенным чешской действительностью и культурой, хотя и не только чешской. Но, конечно же, при таком обширном охвате материала, какой мы имеем в рецензируемом труде, подобного рода замечаний и пожеланий можно было бы высказать без счета. Правильнее будет по достоинству оценить эту большую многолетнюю работу и пожелать авторам новых успешных книг.

© 2008 г. *С.А. Шерлаимова*

ПРОТОКОЛ

четвертого заседания Президиума Международного комитета славистов, состоявшегося в г. Охриде (Республика Македония) 14–17 сентября 2007 года

Четвертое заседание Президиума Международного комитета славистов (далее – МКС) состоялось в Охриде (Республика Македония) с 14 по 17 сентября 2007 г. В работе участвовали 29 представителей национальных комитетов, из них 11 – из славянских и 9 из неславянских стран: Герхард Невекловский (Австрия), Франсис Томсон (Бельгия), Геннадий Цыхун (Белоруссия), Александр Лукашанец (Белоруссия), Тодор Бояджиев (Болгария), Карл Гутшмидт (Германия), Стефано Гардзонио (Италия), Николас Жекулин (Канада), Ян Бьёрнфлаттен (Норвегия), Станислав Гайда (Польша), Луциян Суханек (Польша), Александр Молдован (Россия), Анна Плотникова (Россия), Майкл Флайер (США), Петр Женюх (Словакия), Аленка Шивиц-Дулар (Словения), Слободан Маркович (Сербия и Черногория), Олексий Онищенко (Украина), Антония Бернард (Франция), Аница Назор (Хорватия), Милош Зеленка (Чехия), Кирилл Рибаров (Чехия), Иван Доровски (Чехия) и Рафаэль Гусман Тирадо (Испания).

Со стороны организаторов в работе четвертого заседания МКС участвовали: акад. М. Гюрчинов – председатель МКС, Т. Стаматоски – заместитель председателя МКС, Д. Ристески – генеральный секретарь МКС и координатор заседания, С. Веновска-Антевска – председатель Организационного комитета и координа-

тор тематических блоков и Б. Мирчевска – технический секретарь МКС.

Работа Президиума проходила по ранее утвержденной повестке дня:

1. Информация о выполненных мероприятиях по подготовке к XIV Международному съезду славистов (М. Гюрчинов).

2. Информация о тематических блоках (С. Веновска-Антевска).

3. Принятие решения о пленарных докладах.

4. Принятие решения об организации “круглых столов”.

5. Принятие решения об организации выставки славистических трудов, опубликованных после XIII съезда славистов.

6. Принятие решения об организации юбилейных и других торжественных мероприятий во время проведения съезда.

7. Напоминание участникам о библиографическом описании докладов съезда.

8. Вопрос о финансировании съезда (взнос, спонсоры).

9. Отчет о работе комиссий МКС (С. Гайда).

10. Обмен мнениями по поводу заявок стран – кандидатов в организаторы XV Международного съезда славистов.

11. Подведение итогов заседания.

Четвертое заседание Президиума МКС, организованное Македонским комитетом славистов, состоялось в гостинице “Метрополь” в г. Охриде (Республи-

ка Македония). В начале заседания с приветственной речью к присутствующим обратились ректор Университета им. свв. Кирилла и Мефодия в Скопье – проф. Г. Мартиновски и мэр города Охрида г-н А. Петревски, которые выразили удовлетворение в связи с тем, что в будущем году Республика Македония (и г. Охрид) впервые будет принимающей стороной такого важного форума, как XIV Международный съезд славистов. Они также заверили в своей готовности всесторонне содействовать подготовке к съезду.

Затем с приветственной речью к присутствующим обратился председатель МКС акад. М. Гюрчинов, который познакомил присутствующих с новым заместителем председателя МКС – проф. Т. Стаматоским и сообщил об изменениях в руководстве некоторых национальных комитетов славистов – Австралии, Румынии, Словакии, Сербии и Черногории, Хорватии.

Далее акад. М. Гюрчинов сообщил присутствующим о том, что руководство МКС находится в регулярном контакте почти со всеми национальными комитетами, и добавил, что в адрес МКС поступило уже 650 заявок на участие в съезде из 34 стран мира. К сожалению, несмотря на старания Комитета, в период между двумя съездами Комитет не смог восстановить связи с национальными комитетами славистов Греции, Молдавии, Индии, Боснии и Герцеговины. На письменное замечание славистов из Черногории о том, что из их страны нет ни одного участника на съезде, председатель ответил, что это мнение ошибочно, так как несколько славистов из Черногории входят в состав делегации Республики Сербии и Черногории. Это связано с тем, что после получения Черногорией независимости пока еще не оформлен национальный комитет славистов этой страны. Руководство продолжает попытки восстановить контакты со славистами Албании и Китая. В комитет тем временем поступили индивидуальные заявки на участие в съезде от славистов из Испании и Турции.

В связи с прерванными контактами с Грецией, проф. И. Доровски в своем выступлении предложил МКС обратиться к проф. Малингудису из университета в Салониках и попытаться через него восстановить связи с греческими славистами. Относительно Боснии и Герцеговины, проф. С. Маркович пояснил, что слависты из Республики Сербской будут участвовать в работе съезда как делегаты от Сербии и Черногории.

На замечание проф. Томсона, касающееся решения заседания МКС в Удине, по которому квота участников из Бельгии уменьшена с 10 до 5 человек, председатель М. Гюрчинов ответил, что этот вопрос уже решен возвращением старой квоты – 10 участников из Бельгии.

Далее было высказано предложение о пересмотре Устава МКС, так как его последняя редакция была принята в Урбино в 1994 г. После продолжительной дискуссии было решено оформить комиссию по рассмотрению замечаний и предложений национальных комитетов в связи с изменением Устава МКС. При этом единогласно было принято предложение избрать Г. Цыхуна председателем этой комиссии.

На заседании были рассмотрены поступившие индивидуальные заявки на участие в съезде. Были приняты следующие доклады: М. Йованович «Распространение некоторых “адриатизмов” в Черногории»; Е. Стоянович: “Морфосинтаксические средства выражения семантики следствия и цели в сербском языке (исторический аспект и современное состояние)”.

В продолжение дискуссии, председатель МКС М. Гюрчинов сообщил о работе по подготовке к XIV Международному съезду славистов в период между двумя годичными заседаниями МКС, которая в последнее время стала более интенсивной. Организована встреча с премьер-министром Республики Македония, а также с влиятельными организациями и спонсорами, которые взяли на себя обязательства в оказании финансовой помощи в проведении съезда. XIV Международный съезд славистов состоится с 10 по 16 сентября 2008 г. в конференц-залах го-

стиниц: “Метрополь”, “Белви”, “Гранит”, “Турист”, “Инекс-Горица” и в университетском Конгресс-центре. В заключение своего сообщения по данному пункту повестки дня председатель М. Гюрчинов сообщил присутствующим о том, что до конца 2007 г. будет готов проект программы, который станет доступен всем на интернет-сайте МКС. Сборник резюме докладов будет готов в марте 2008 г. М. Гюрчинов напомнил также, что каждый национальный комитет должен выслать в адрес МКС сборник докладов своих участников в 4-х экземплярах, а также по одному экземпляру для каждого национального комитета.

По второму пункту повестки дня С. Веновска-Антевска напомнила присутствующим об итогах 2-го и 3-го заседаний, состоявшихся в Белграде и Удине, по решениям которых тематические блоки должны охватывать темы, относящиеся не менее чем к двум языкам, а его участники должны представлять не менее чем три страны, так что в тематическом блоке должны участвовать: один руководитель, два докладчика и один или два участника дискуссии; всего должно быть четыре или пять человек. Об этом уже извещены все организаторы тематических блоков с требованием придерживаться данного решения. Далее Веновска огласила названия 25-ти тематических блоков, включенных в программу съезда. В дискуссии по этому вопросу участвовали Т. Бояджиев и К. Рибаров, предложившие увеличить количество тематических блоков. По результатам дискуссии это предложение было отклонено.

В конце первого рабочего заседания проф. Д. Ристески представил присутствующим подготовленный плакат XIV Международного съезда славистов.

По 3-му пункту повестки дня председатель М. Гюрчинов напомнил всем о решении по пленарным докладам, принятом на 3-м заседании в Удине (Италия), где было решено следовать сложившейся практике предыдущих съездов. Первым должен быть доклад представителя принимающей страны (Македония) по языкознанию, вторым – доклад представителя славянской страны, третьим – доклад

представителя неславянской страны, причем второй и третий доклады должны быть посвящены вопросам литературы и культуры. Единогласно были приняты следующие пленарные доклады:

Тр. Стаматоски: “Развитие македонского литературного языка”

А. Молдован: “Пути славистики в современном мире”

Р. Ходел: “Является ли семейно-бытовой роман жанром?”

Что касается 4-го пункта повестки дня, председатель М. Гюрчинов напомнил присутствующим о решении предыдущих заседаний Президиума об организации “круглых столов” и указал, что будут организованы три “круглых стола” на следующие темы:

1. Славянский мир и Европа (организатор Л. Суханек).

2. Место славянских языков и состояние славистики в мире (организатор К. Гутшмидт).

3. Университеты и будущее славистики (организатор И. Поспишил).

Организаторы “круглых столов” подтвердили отсутствие возражений по поводу проведения первого и третьего “круглых столов”, но в отношении второго “круглого стола” К. Гутшмидт заметил, что его тематика совпадает с тематическим блоком С. Гайды и с пленарным докладом А. Молдована. Он сообщил также о трудностях в поиске специалистов для участия в беседе за “круглым столом”. В заключение было принято решение просить С. Гайду и А. Молдована постараться избежать совпадений с темами беседы за “круглым столом”, а также предложить кандидатов для участия в работе данного “круглого стола”. Работа каждого “круглого стола” должна продолжаться не более двух часов, причем большая часть этого времени выделяется на дискуссию, а на вводную часть дается 15 мин. Было предложено внести в программу краткую информацию о “круглых столах”.

Были рассмотрены две специальные темы, посвященные юбилейным датам, а именно: 100 лет со дня рождения Кочо Рацина и 180-летие со дня рождения Льва Толстого. Комитет решил оставить толь-

ко первую тему, организацию соответствующих мероприятий взял на себя Македонский комитет славистов.

По вопросу об организации выставки славистических изданий, опубликованных в период между двумя съездами, было решено, что каждый национальный комитет осуществит отбор публикаций от своей страны и представит приблизительно такое же количество книг, какое было на книжной выставке в Любляне. Книги должны быть высланы в срок с 1 до 30 июня 2008 г. по адресу: ВИСПОЈ, бул. Туристичка бр. 50, 6000 Охрид, Република Македонија.

В рамках выставки было предложено организовать продажу книг, а также установить компьютеры, на которых можно будет презентовать публикации в электронном виде, национальные корпуса и полезные для участников съезда сайты. Это предложение было единогласно принято.

По этому пункту участники дискуссии предложили на будущем XIV съезде славистов провести презентацию книг. С. Маркович предложил провести презентацию изданий по материалам несостоявшегося III Международного съезда славистов в Белграде и Сборника докладов славистического заседания 1946 г. От имени чешской делегации И. Доровски предложил провести презентацию 10-томного издания собрания сочинений М. Гюрчинова в связи с 80-летием со дня его рождения, а также чешского перевода стихов “Бели Мугри” и македонского перевода книги о захоронении Св. Мефодия. С. Маркович предложил провести презентацию “Общеславянского лингвистического атласа” (ОЛА) в связи с 80-летием начала работы над проектом. Было решено сделать отдельный стенд на выставке, а также предложить председателю Комиссии ОЛА Т. Вендиной подготовить краткий обзор по этой теме. М. Гюрчинов напомнил присутствующим о предложении Македонского комитета славистов на съезде в Охриде отметить памятную дату – десятилетие со дня смерти академика Божидара Видоеского – организацией выставки научных трудов ученого. Все эти предложения

были приняты единогласно, и было решено, что все национальные комитеты вышлют свои предложения об организации презентации книг не позднее 1 марта 2008 г.

Поскольку до сих пор библиографическое описание докладов прошлых съездов выполняла Slovenska knihovna, М. Зеленка и И. Доровски взяли на себя обязательство наладить контакт со Slovenska knihovna в связи с предстоящим съездом. Председатель М. Гюрчинов напомнил всем присутствующим о том, чтобы они сообщили своим делегатам об обязанности каждого участника съезда заполнить специальный бланк, подготовленный представителями Slovenska knihovna.

В конце этой рабочей части заседания представитель чешской делегации К. Рибаров поставил вопрос о возможности пассивного участия молодых славистов в съезде. По этому вопросу было вынесено положительное решение, но с условием, что их число не должно превышать 30 человек.

В первый день работы четвертого заседания Президиума МКС была организована встреча с выдающимся македонским поэтом Матеем Матевским, его стихи читал артист Битольского народного театра Митко Апостоловски, с речью о творчестве поэта на концерте выступил академик М. Гюрчинов. Затем участники заседания посетили культурно-исторические достопримечательности Охрида в сопровождении проф. С. Куруновского, члена Организационного совета съезда. Вечером ректор Университета им. свв. Кирилла и Мефодия проф. Г. Мартиновски устроил для гостей торжественный ужин в ресторане “Св. София”.

На второй день (16 сентября) Президиум работал в помещениях монастыря Св. Наума.

В соответствии с повесткой дня, С. Гайда в качестве координатора комиссий МКС сообщил присутствующим о том, что из 29 комиссий активными являются 21, а с двумя комиссиями прервана всякая связь. На будущем заседании будет дано более обширное сообщение.

М. Гюрчинов поблагодарил С. Гайду за хорошо выполненную работу.

В дискуссии было указано, что на съезде по традиции можно организовывать открытые собрания комиссий, на которых будут выбираться новые председатели, и дискуссии о работе, выполненной в период между двумя съездами, а также о том, как в будущем улучшить работу и выбрать председателей на период 2008–2013 гг. По данному вопросу был сделан следующий вывод: до конца декабря 2007 г. доставить в МКС сообщение о точном количестве комиссий, которые будут заседать на съезде.

С. Маркович с целью усиления связи между Комитетом и комиссиями предложил, чтобы все председатели комиссий представили отчеты о работе.

В свою очередь Т. Бояджиев предложил содействовать тому, чтобы на съезде смогли присутствовать и те председатели комиссий, чьи тематические блоки не были приняты. Было решено, по возможности, пригласить этих председателей на предстоящий съезд.

Далее председатель М. Гюрчинов проинформировал присутствующих о финансировании съезда. Он сообщил, что установлен контакт с правительством Республики Македония, которое обеспечило часть нужных средств, а с течением времени постарается найти решение полностью финансировать съезд. Предполагается, что на организацию съезда потребуются 170000 €.

Было решено, что сумма взноса будет такой же, как в Любляне – 120 € (плата, вносимая в установленный срок), 150 € (плата, вносимая в случае опоздания) и 50 € (плата для сопровождающих лиц). Последний срок взноса – конец марта 2008 г.

Вся информация в связи с бронированием мест в гостиницах и ценами, будет получена от партнера МКС по организации съезда – туристической фирмы “ВИСПОЈ” – до конца 2007 г.

Почетные члены Комитета будут приглашены в качестве гостей со стороны организатора, предполагается и присутствие специальных гостей, прежде всего заслуженных деятелей в области славистики. Все председатели национальных комитетов будут гостями организатора.

По последнему пункту повестки дня заседания были предложены и рассмотрены заявки Чехии, Белоруссии и Сербии – кандидатов в организаторы следующего XV Международного съезда славистов. После продолжительной дискуссии Президиум единогласно поддержал кандидатуру Белоруссии.

После окончания рабочей сессии мэром города Охрида – господином А. Петреским – был дан обед для всех участников заседания.

На последней рабочей сессии были подведены итоги работы. На этой сессии Ф. Томсон предложил национальным комитетам неславянских государств составить библиографию славистических изданий, опубликованных в период между двумя съездами, что было единогласно принято.

В заключение Председатель МКС акад. М. Гюрчинов поблагодарил всех за участие и насыщенные дискуссии, проходившие в отличной рабочей атмосфере, и объявил о закрытии четвертого заседания Президиума МКС.

Вечером для всех присутствующих был организован товарищеский ужин в гостинице “Метропол”, на котором хозяйка и гости обменялись тостами.

Протокол этого заседания будет опубликован в журналах “Македонски јазик”, “Slavia” и “Славяноведение”.

Технический секретарь Президиума МКС
Биляна Мирчевска
Председатель Президиума МКС
акад. Милан Гюрчинов

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ МОЛОШНОЙ

14 декабря 2007 г. – юбилейная дата в жизни Татьяны Николаевны Молошной, ведущего научного сотрудника отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, д-ра филол. наук, автора 150 научных работ. Исследования Т.Н. Молошной стали широко известными уже вскоре после окончания ею филологического факультета МГУ в 1955 г. Будучи еще совсем молодым ученым, она увлеклась новой для языкознания областью – машинным переводом, областью, связанной с не признававшейся ранее у нас кибернетикой. С 1955 г. Т.Н. Молошная занималась лингвистическими проблемами машинного перевода в знаменитом Математическом институте РАН. В эти же годы ее новаторские публикации и ее имя как исследователя привлекли сторонников “новых направлений” в языкознании, и в 1960 г., по приглашению В.Н. Топорова, она стала сотрудником сектора структурной типологии. В том же году Т.Н. Молошная защитила кандидатскую диссертацию на тему “Лингвистические проблемы машинного перевода”, выполненную ею под руководством такого известного лингвиста, как А.А. Реформатский. В 1996 г. ею защищена докторская диссертация на тему “Синтаксис и семантика именных словосочетаний в современных славянских языках”.

В Институте славяноведения РАН Т.Н. Молошная в наибольшей степени интересовалась (и интересуется) собственно грамматическими проблемами сопоставления систем славянских языков. Этим вопросам посвящены четыре ее индивидуальные монографии, а именно: “Субстантивные словосочетания в славянских языках” (1975), “Адъективные словосочетания в славянских и балканских языках” (1985), “Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках” (2001), “Грамматические категории и их некатегориальные значения в славянских языках” (2007).

Не меньшее внимание Т.Н. Молошная уделяет участию в коллективных работах Отдела. Так, она была соавтором коллективных монографий: “Опыт описания русского языка в его письменной форме” (1964), “Категория посессивности в славянских и балканских языках” (1989), “Этюды по типологии славянских и балканских языков” (1995), “Типология грамматических систем славянского пространства” (2006).

Из-за интереса к грамматике и ее типологическим аспектам Т.Н. Молошная поехала в 1962 г. в далекую и опасную (как оказалось) экспедицию в Восточную Сибирь к малоизученным по языку кетам – небольшой исчезающей народности. Из этой экспедиции она вынесла ряд ценных типологических наблюдений.

Статьи Т.Н. Молошной были опубликованы не только в отечественных изданиях, но также в Германии, Австрии, Нидерландах, Болгарии, Польше. Собственно научную работу Т.Н. Молошная совмещает с участием в научных конференциях, симпозиумах и конгрессах. Так, в частности, она была участником IV, V, X, XII и XIII Международных съездов славистов. При этом она и сама участвовала в организации и проведении ряда конференций, например совместной советско-польской конференции “Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков” (1989), выступала также неоднократно в качестве ответственного редактора в коллективных монографиях и сборниках статей. Т.Н. Молошная за эти годы выступала научным руководителем ряда аспирантов: С.С. Погосовой (Ереванский ун-т), Г.И. Шатуновского и Н.В. Серпиковой.

В научном мире не так много исследователей, на которых можно полностью положиться, если они взяли на себя какие-то обязанности. Не так много точных и последовательных в поиске. Совсем мало приходящих вовремя и вовремя выполняющих работу. Даже не так много просто скромных.

Татьяна Николаевна именно такая. И пожелаем ей долгих и успешных лет работы.

ПАМЯТИ ЗДЕНЕКА МАТХАУЗЕРА (1920–2007)

27 мая 2007 года после тяжелой болезни ушел из жизни Зденек Матхаузер – известный чешский русист и теоретик, прекрасный знаток и преданный пропагандист русской поэзии XX в., признанный авторитет в области современной эстетической науки. Он родился 3 июня 1920 г. в городке Рудольфов недалеко от Чешских Будеёвиц, окончил гимназию в Пльзне в трагическом для Чехословакии 1939 г., в годы оккупации работал на железной дороге. После освобождения страны Матхаузер поступил на философский факультет Карлова университета в Праге и уже в студенческие годы определился с направлением всей своей дальнейшей деятельности, избрав специализацию по русистике и философии искусства. В 1949 г. он получил звание доктора философии за работу по сравнительной феноменологии, посвященную проблеме воспитания в концепциях Гуссерля, Лосского и Беркли, а в 1957 г. в качестве кандидатской диссертации защитил книгу “О художественной специфичности в советской литературе”. Степень доктора наук он получил в 1965 г. за монографию “Искусство поэзии. Владимир Маяковский и его время” (1965). Мне довелось присутствовать на защите этой докторской диссертации – она была очень интересной и собрала многих специалистов, а его монография о Маяковском в несколько сокращенном и измененном виде была издана в Праге на русском языке под заглавием “Поэт-мир. На подступах к поэзии Октября” (1967).

Матхаузер пристально изучал поэзию русского авангарда, писал не только о Маяковском, но и о других футуристах, а также о Пастернаке, Блоке, Белом, Цветаевой. Приезжая в нашу страну, он не вылезал из библиотек, ходил по книжным магазинам, использовал все возможности, чтобы собрать побольше материала. Так, он познакомился с А. Крученых и вплоть до его смерти навещался к нему каждый свой приезд в Москву, радуясь возможности уточнить какие-то обстоятельства и детали у непосредственного участника авангардного движения. У Матхаузера и его жены – Светлы Матхаузеровой (1924–2006), которая тоже была русисткой, доктором наук, профессором Карлова университета и крупным специалистом по древней русской литературе, вообще было много русских друзей. С А. Панченко они были знакомы с тех давних пор, когда будущий академик в качестве стажера Карлова Университета занимался русско-чешскими литературными связями. Что же касается нас, богемистов, то Светла и Зденек радушно принимали нас в Праге, как бы ни менялись правительства и режимы.

Русская поэзия оставалась любовью Зденека Матхаузера на всем протяжении его жизни. Ему принадлежат книги “Спираль поэзии. Русское поэтическое творчество с 1945 года до современности” (1967), “Непопулярные исследования. Из истории русского авангарда” (1969) и множество статей по этой тематике, в том числе в наших “Вопросах литературы”, он принимал участие в ряде публикаций на чешском языке произведений русских поэтов, к примеру, написал предисловие к чешским переводам стихотворений Цветаевой. Русская поэзия занимала большое место и в педагогической деятельности Матхаузера, которую он начал на Педагогическом факультете в Чешских Будеёвицах и продолжил в других вузах республики; в 1967 г. он получил звание профессора Карлова университета.

Но Матхаузер никогда не прекращал и занятие эстетической теорией, которое с течением времени стало для него основным. Теоретические исследования он вел на базе академических институтов: в 1968–1970 гг. был директором Института языков и литератур ЧСАН, затем работал в Институте теории и истории искусства ЧСАН, сотрудничал со словацкими учеными, в

последние годы принимал активное участие в коллективных трудах Института чешской литературы АН ЧР. В сочинениях Матхаузера по проблемам эстетики получил развитие сформировавшийся у него еще в студенческие годы интерес к феноменологии, который он стремился сочетать с опытом пражского литературного структурализма и новейших концепций. Он издал книги “Литература и антиципация” (1980), “Методологические медитации или Тайна символа” (1989), “Эстетические альтернативы. Язык науки и язык поэзии” (1994), “Между философией и поэзией. К вопросам семиотики и герменевтики” (1995), “Эстетика рационального видения” (1999) и др.

Вместе с Д. Годровой – видной современной писательницей и известным теоретиком искусства, и другими авторами Матхаузер работал над фундаментальным проектом Института чешской литературы АН ЧР, посвященным поэтике литературы XX в. К третьему, завершающему, тому (“На пути к смыслу”, 2005) этого коллективного труда он написал обширное концептуальное введение “Литературное произведение и действительность”, в котором обобщены его воззрения на современное состояние литературоведческой теории и ее задачи. Матхаузер полагал, что наиболее плодотворным для науки является соединение структурализма и феноменологии, или, что есть то же самое, семиотики и герменевтики: «Слияние структурализма и феноменологии для нас необходимо как с точки зрения взаимодополняемости, так и с точки зрения нашей истории: с одной стороны линия, идущая от Йозефа Дурдика к Яну Мукаржовскому, с другой стороны – Бернард Болцано и излучение брентановской Вены, “наш” Гуссерль, Ян Паточка. На необходимость контаминации указывали такие личности, как Рене Уеллек и Франк Вольман. Нет нужды присягать на верность названиям *направлений* (структурализм, феноменология, а сегодня для многих возможно предпочтительнее хайдеггеровская фундаментальная онтология), вполне можно обойтись названиями общих *дисциплин*, с этими направлениями связанных: семиотики с первым, герменевтики со вторым» (С. 28). Обосновывая свою позицию, Матхаузер рассматривал концепции не только западных, но и русских теоретиков – М. Бахтина, Ю. Тынянова и др., опирался на опыт чешской (Гашек, Чапек, современные писатели) и мировой литературы. Он часто обращался к русской литературе, в частности, вспоминал свою работу полувесковой давности, в которой речь шла о близости романа М. Горького “Мать” к библейскому сюжету, но в то же время оперировал и самым новейшим литературным материалом – вплоть до “Чапаева и Пустоты” В. Пелевина.

Зденек Матхаузер пользовался большим авторитетом в чешском литературном и научном сообществе. На всех конференциях, где он выступал, его далеко не самые легкие для восприятия на слух, сопровождаемые чертежами и схемами, доклады слушались с огромным вниманием, обсуждались с искренним уважением, он показывал пример исключительно серьезного и всесторонне эрудированного отношения к предмету. Его будет в Праге не хватать, а мы в его лице потеряли нашего, как он сам говорил – “давнишнего” – и верного друга.

© 2008 г. С.А. Шерлаимова

CONTENTS

ARTICLES

<i>Noskova A.F.</i> (Moscow). Stalin, Polish Communists and the Creation of the Polish Committee for the National Liberation (Based on the New Documents from Russian Archives).....	3
<i>Maryina V.V.</i> (Moscow). The Prague 1968 Spring: to a Question on the International Resonance (Based on the Published in Czech Republic Documents and Materials from the Czech Magazine “Soudobé dějiny”)	22
<i>Volobuyev V.V.</i> (Moscow). Władysław Gomułka and the “Prague Spring” Suppression. Some Views of the Polish Party Leader on the Reforms in Czechoslovakia.....	41
<i>Mitrovich M.</i> (Belgrade). Yugoslavian Reality as Reflected in Anonymous Letters to Josef Broz Tito (1956–1966).....	48
<i>Romanenko S.A.</i> (Moscow). “Croatian Spring” and Soviet-Yugoslavian Relations on the Boundary Between 1960s and 1970s.....	60

PUBLICATIONS

<i>Murashko G.P.</i> (Moscow). A “Prague Spring” Man. Memories by Č. Cisař.....	76
<i>Murashko G.P.</i> (Moscow). Moscow – Prague... 1968. Two Documents from Konstantin Simov’s Archive	101

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Sherlaimova S.A.</i> Na cestě ke smyslu. Poetika literárního díla 20. století	116
--	-----

SCHOLARLY LIFE

The Report of the Fourth Session of ICS Presidium in Ochrid (Republic of Macedonia) on September, 14–17, 2007.....	120
--	-----

ANNIVERSARIES

<i>Nikolayeva T.M.</i> Towards the Anniversary of Tatyana Nikolaevna Moloshnaya.....	125
--	-----

OBITUARIES

<i>Sherlaimova S.A.</i> In Memoriam of Zdenek Mathauser (1920–2007).....	126
--	-----

Сдано в набор 01.02.2008 Подписано в печать 27.03.2008 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отг. 4,5 тыс. Уч.изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 426 экз. Зак. 107

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20

E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Индекс 70891

Славяноведение, 2008, № 3

ISSN 0132-1366